САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАФЕДРА ФИННО-УГОРСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

На правах рукописи

БЕРН АННА АНДРЕЕВНА

МОДАЛЬНОСТЬ ВЕЖЛИВОСТИ В ФИНСКОЙ РЕЧИ

Специальность 10.02.22 – Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (урало-алтайские языки)

Диссертация

на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Научный руководитель –

кандидат филологических наук

Н.Н. Колпакова.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ…….....4

ГЛАВА 1. СУЩНОСТЬ СТРАТЕГИИ МОДАЛЬНОСТИ ВЕЖЛИВОСТИ ……...11

1.1. Категория модальности……..11
1.2. Объективность и субъективность в языке и речи. Языковая личность…….17
1.3. Функциональность речи…….22
1.4. Определение модальности. Исследование категории модальности на материале финского языка……....24
1.5. Категория вежливости……27
1.6. Стратегия модальности вежливости……..33
1.6.1.Семантика речевого акта……..36
1.6.2.Дискурсивное значение речевого акта…….39
1.7. Средства выражения стратегии модальности вежливости…….44
1.7.1. Спецификаторы как средства выражения модальности вежливости...45
1.7.2. Центральные средства выражения модальности вежливости……....48

ГЛАВА 2. ЗНАЧЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ ВЕЖЛИВОСТИ В ПОБУДИТЕЛЬНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТАХ ……...61
2.1.Неинформационно-побудительный тип……...62
2.1.1. Использование императива……63
2.1.2. Просьбы……74
2.1.3.Предложения……92
2.1.4.Рекомендации……...101
2.2.Информационно-побудительный тип……..107
2.2.1.Семантико-структурные способы защиты лица говорящего и слушающего……..109
2.2.2.Дискурсивно-обусловленные способы защиты лица говорящего и слушающего……..119

ГЛАВА 3. ЗНАЧЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ ВЕЖЛИВОСТИ В РЕПРЕЗЕНТАТИВНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТАХ……128
3.1. Репрезентативы с реализацией значений модальности достоверности ……129

3.2. Репрезентативы с реализацией значений модальности
проблемной достоверности ……..142

ЗАКЛЮЧЕНИЕ…….156
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ…….....172
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ…….184

ВВЕДЕНИЕ

Основными целями, побудившими автора обратиться к данному научному исследованию, являются анализ принципов речеупотребления финского языка и определение стратегии эффективного общения на данном языке. Нами выбран подход, предполагающий соединение двух разнородных категорий, каждая из которых представляет собой особое структурно-семантическое поле, способное вмещать разнородные явления. Модальность и вежливость являлись предметом рассмотрения лингвистов на протяжении многих десятилетий, но пока что не существует единого, удовлетворяющего все проблемные вопросы определения данных прагматических категорий, а также решения о возможности их совмещения.

Категория *вежливости* охватывает социологический, психологический и лингвистический аспекты. Вежливость затрагивает глубокие слои языкового сознания: средства выражения категории отражают особенности восприятия действительности, представление о возможностях влиять на действительность – данная область речеупотребления в высокой степени конвенционализирована. Прагматический подход к проблеме говорит нам, что соблюдение норм вежливости – это один из самых эффективных и ценных способов наладить и поддержать коммуникацию с окружающим миром. При этом, понимание правил вежливости и их применение является проблемой как для многих представителей родной культуры, так и для изучающих особенности иностранного менталитета.

Мы определяем вежливость как стратегию определённого вербального и невербального поведения, адекватную целям и задачам коммуникации, а также лингвокультурным нормам общества, при котором коммуниканты учитывают принцип защиты лица собеседника. Создание эффекта вежливости предполагает наличие у говорящего принципов использования определённых речевых средств ситуативно. Подобных средств может быть много, они должны быть взаимозаменяемы, в значительной мере, или использоваться параллельно: принципиальный подход требует разделения и выделения главного – ядра высказывания. С другой стороны, вежливость охватывает многие аспекты межличностных отношений, и это говорит о том, что в разных ситуациях компромисса требуют разные аспекты. Пути достижения договорённости могут отличаться в чём-то друг от друга, а в чём-то совпадать: необходим единообразный подход к описанию типовых случаев.

Мы считаем, что необходимо обратиться к внутриязыковой категории, которая охватывает все уровни языка и находится в соприкосновении со многими другими смежными языковыми категориями. Этой категорией, по нашему мнению, является *модальность*. Значения модальности заложены в глубинах структур грамматических категорий. Правильное

употребление форм модальности – признак владения механизмами построения сложных речевых высказываний. Степень модализованности высказываний свидетельствует об «усложнённости» структур, особенностях выстраивания межличностного пространства.

Модальность является неотъемлемой частью плана выражения и содержания, а вежливость – коммуникативной цели высказывания. Модальность предполагает особое отношение к факту пропозиции, критический и аналитический взгляд говорящего, не принимающего на веру определённое положение вещей. Модальность искажает реальность, создаёт виртуальные возможности, намеренно представляя положение вещей относительным. А вежливость зачастую направлена на сокрытие истинностного отношения говорящего, так как не предполагает честности. Если модальность помогает нам «снизить» реалистичность, то вежливость функционально использует данную возможность для воздействия на окружающий мир. Вежливость как адекватная форма передачи информации предполагает выбор требуемого уровня – но ведь и модальность имеет многоуровневую структуру и предпосылки к усложнению и генезису значений, абстрактизации, зачастую столь необходимые вежливому человеку.

Наши выводы носят не умозрительный характер и применимы не только для философского осмысления бытия. Мы заметили, что ядерную часть высказывания, релевантного с точки зрения эффекта вежливости в финском языке, составляет модальное выражение. Разные типы речевых актов в разных ситуациях могут быть классифицированы с точки зрения их модальности. Поэтому мы считаем, что в основе выражения вежливости финского языка как коммуникативного поведения лежит именно употребление средств модальности. Мы не говорим о модальности как «тональности», придающей каждому высказыванию особое звучание. Например, использование уменьшительных суффиксов смягчает высказывание, но не является модальным, и не определяет, а дополняет степень вежливости, обозначаемую речевым актом. Есть и другие переменные, неиспользование которых не влияет на создание эффекта вежливости. Так, мы не рассматриваем отдельно этикетные формы. Употребление этикетных форм подразумевает лишь конкретное знание нормы и её допустимую вариацию, но не влияет напрямую на формирование речевых актов. Мы считаем использование таких переменных предметом иного исследования, и такие исследования уже проведены [например, Larjavaara 2007; Lappalainen 2008, 2009].

За создание эффекта вежливости несут ответственность значения модальности вежливости. В нашей работе под модальностью вежливости мы понимаем коммуникативную стратегию, включающую комплекс функционально переосмысленных средств выражения модальности, направленную на построение эффективного вербального поведения, в основе

которого лежит принцип защиты лица собеседника. Детализация понятия представлена в работе.

Центральная значимость использования средств выражения модальности вежливости для создания эффекта вежливости заключается в том, что именно с их помощью образуются импозитивные речевые акты, требующие защиты лица говорящего и слушающего. Средства модальности вежливости будут конкретизированы в рамках данной диссертации.

Целью нашей работы является описание средств выражения модальности вежливости в импозитивных речевых актах на материале финского языка.

Реализация данной цели предполагает **решение** следующих **задач**:

1. Исследование понятий модальности и вежливости в целом, их значений и средств выражения, определение стратегии модальности вежливости в финской речи.

2. Анализ средств выражения модальности вежливости в речевых актах на материале финской речи.

3. Классификация средств выражения модальности вежливости, описание основных механизмов создания эффекта модальности вежливости в финской речи.

Наше исследование состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованной научной литературы, списка использованной художественной литературы.

Предметом нашего исследования стали материалы диалогов устной речи, примарной по отношению к письменной, неформализованной и отражающей глубинные механизмы речеупотребления носителя языка. Мы рассматриваем материал как бытовой, так и институциональной речи. Источниками анализа стали корпус записей устной речи, собственные наблюдения автора диссертации и художественная литература.

Аутентичный материал институциональных административных диалогов предоставлен нам в порядке исключения Центром изучения национальных языков Финляндии Kotus и представляет собой точную запись – транскрипцию диалогов между служащими и посетителями Пенсионного фонда Финляндии, магазина самообслуживания «R-kioski», парикмахерских, фотоателье и поликлиник. Мы имели возможность ознакомиться также с видеозаписями цитируемых диалогов, которые невозможно представить здесь. Примеры из административного дискурса собраны нами в 2010-2012 г., всего проанализировано 93 диалога, количество зафиксированных примеров 1405. (Далее в работе при ссылке используется сокращение *Kotus*).

Мы также анализируем примеры институциональной и бытовой речи, собранные нами в 2008-2013г. (всего 560 примеров). Мы используем материалы переводческой практики и наблюдения за работой финских коллег (2012-2013г.), а также записи, сделанные в библиотеке гуманитарного факультета и на лекционных занятиях в университете г. Хельсинки (2008 г.), во

время школьных занятий одного из общеобразовательных учреждений г. Хельсинки (2011г.). Записи 2008-2011г. собраны под руководством профессора кафедры финского языка (в то время) университета г. Хельсинки Матти Ларьяваара. В расчёт не берутся абсолютно одинаковые примеры. (Далее в работе используется сокращение *Н.А.* – собственные наблюдения автора диссертации).

Тексты художественной литературы являются письменным источником информации, однако иллюстрируют употребление языковых средств в диалогах устной речи. Здесь содержатся в большей степени примеры использования бытовой речи, но есть и институциональные диалоги. Мы использовали литературу различных жанров популярных финских авторов методом сплошной выборки [Hotakainen 2009; Härkönen 2006; Kallio 2000; Krohn 1998, 2004; Oksanen 2008; Lehtolainen 2012]. Всего из художественной литературы нами был взят 2631 пример.

Мы считаем обращение к столь разнородному материалу оптимальным подходом, так как он в наибольшей степени позволяет отразить различные ситуации, требующие выражения вежливости. Возможное отсутствие некоторых конверсационных единиц живой речи в текстах художественной литературы не может повлиять на цель исследования, так как подобные единицы, содержащиеся в аутентичных записях, мы тоже не рассматриваем. Мы не обращаемся также к невербальным параметрам. Иллюстративный материал в работе оформляется курсивом. Полностью сохранены формы, содержащиеся в источниках, – примеры содержат как литературные, так и разговорные обороты речи.

Принципом исследования является анализ минимальных единиц – речевых актов, так как это - оптимальный способ описания ядра структуры высказывания. Мы идём по пути комплексного и обобщающего анализа, поэтому не можем обратиться к популярному ныне конверсационному методу, не позволяющему выделить общие принципы построения большого количества высказываний.

Актуальность нашего исследования состоит в том, что мы предлагаем системный подход к принципиальному описанию способов реализации коммуникативных стратегий создания эффекта вежливости.

Как известно, исследованию модальности в целом посвящено огромное количество трудов [в том числе, Виноградов 1975; Теория функциональной грамматики 1990; Нефедов 2007; Зеленщиков 2010; Lyons 1977; Palmer 2001; Bybee… 1991; на материале финского языка и речи – Flint 1980; Laitinen 1988, 1992, 1993; Hakulinen 1989; Kangasniemi 1987, 1992, 1994; Kauppinen 1998; ISK и др.]. Существует множество исследований, изучающих особенности выражения речевых актов, единиц дискурса, проблем коммуникации и норм вежливости [Gofmann 1967, 1972; Leech 1983; Brown, Levinson 1987; также Земская 1994; Формановская

2005; Ларина 2009 и др.]. На материале финского языка рассмотрены различные аспекты, связанные с выражением вежливости [Flint 1980; Hakulinen 1989; Lampinen 1990; Kangasniemi 1992; Muikku-Werner 1993, 1997; Sorjonen, Raevaara 2006; Lappalainen, Raevaara 2009; Larjavaara 2007; Peterson 2004; Tanner 2012]. Но, к сожалению, данные работы лишены целостного подхода к анализу интересующей нас коммуникативной проблемы.

О связи вежливости и модальности упоминается в ряде перечисленных выше работ. Данный термин встречается в статье М. Л. Маш «Модальность вежливости и смягчения в русском, английском и испанском языках». Автор, однако, не приводит определения термина, используя словосочетание только в значении смягчения. Хотя работа содержит ряд интересных замечаний, у М. Л. Маш нет концепции модальности вежливости как категории или коммуникативной стратегии, охватывающей чётко определяемый круг языковых явлений.

Мы присваиваем модальности вежливости статус коммуникативной стратегии, регулирующей языковое поведение носителей финского языка, предпринимаем попытку разработать теоретические основы рассматриваемого объекта, в этом заключается **теоретическая значимость** нашей работы. Для анализа явлений финской речи мы применяем классификационные достижения русской лингвистики, что позволяет сделать новые выводы о коммуникативных особенностях финской речи. Совмещая воедино рассмотрение речевых актов, стратегии вежливости и модальных значений, мы выявляем единые принципы речеупотребления.

На защиту мы выносим следующие положения:

1. Модальность вежливости является коммуникативной стратегией, которая направлена на построение вежливого, уважительного и эффективного взаимодействия со слушающим. Модальность вежливости является основной коммуникативной стратегией финского языка, она имеет центральное значение при формировании речевых актов, задачей которых является репрезентация мнения или волеизъявления говорящего. Как основная коммуникативная стратегия модальность вежливости позволяет отразить принципы речеупотребления языковой личности.

2. Стратегия модальности вежливости располагает комплексом способов выражения, в основе которых – средства выражения модальности, которые позволяют выразить значение ряда параметров речевого акта. К таковым относятся: отношение говорящего и слушающего к предмету речи, желательность выполнения каузируемого действия для говорящего и слушающего; компетентностная достаточность говорящего, степень его уверенности, а также учёт свободы выбора агента и наличие возможностей агента, обеспечивающих выполнение действия. Средства модальности вежливости находятся во взаимодействии с другими

средствами, выражающими вежливость: средствами речевого этикета, аффективными средствами.

3. Анализ стратегии модальности вежливости в указанных типах речевых актов позволяет сделать выводы об особенностях употребления с точки зрения функциональности и конвенциональности таких грамматических и лексических средств финского языка, как условно-желательное и императивное наклонение, модальные глаголы и наречия, безличных конструкций. Рассмотрение указанных средств свидетельствует о реализации в финской речи как принципов дистанцирования между говорящим и слушающим, так и сближения.

Выбранный подход позволяет описать принципы употребления средств вежливости финского языка в зависимости от дискурсивных параметров, понять особенности коммуникации на финском языке, а значит, лучше представить черты менталитета языкового социума и правила взаимодействия на финском языке. Предлагаемый анализ может стать основой для составления ментальной карты вежливости финского языка, так как мы можем выделить определённые константы. Научная и практическая новизна нашего подхода позволит по-новому взглянуть на вопросы, связанные с анализом модальности и вежливости также в отдельности.

Различные аспекты данной темы нашли апробацию в следующих научных статьях:

1. Берн А. А. Модальность вежливости инициальных просьб в устном административном дискурсе финского языка / А. А. Берн // Вестник СПбГУ. – 2012. – Серия 9. – Выпуск 2. – С. 107-118 (1,2 п.л.).

2. Берн А. А. Особенности употребления императива в устном институциональном финском дискурсе / А. А. Берн // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина [Серия "Филология"]. – 2014. – №1. – С.133-140. (0,8 п.л.).

3. Берн А. А. Об особенностях финского административного дискурса / А. А. Берн // Труды Карельского научного центра РАН. [Серия "Гуманитарные исследования"]. – 2014. – № 3. – С. 153-157. (0, 5 п.л.).

4.Берн А. А. О модальном глаголе tulla в финском языке / А. А. Берн // Материалы XXXVII международной филологической конференции. Уралистика / отв. ред. Н. Н. Колпакова. – Санкт-Петербург. Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. – 2008. – С.7-12. (0, 5 п.л.).

5. Берн А. А. Условное наклонение как средство выражения модальности вежливости в устной финской речи / А. А. Берн // Материалы XXXVIII Международной филологической конференции. Уралистика / отв. ред. Н. Н. Колпакова. – Санкт-Петербург. Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. – 2009. – С.3-9. (0, 6 п. л.).

6. Берн А. А. Выражение причины визита в финских институциональных диалогах / А. А. Берн // Материалы XXXIX международной филологической конференции. Уралистика / отв. ред. Н. Н. Колпакова. – Санкт-Петербург. Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. – 2010.– С 3-8. (0, 5 п.л.).

7. Берн А. А. Отрицательные ответы служащего в институциональных финских диалогах / А. А. Берн // Вопросы финно-угорской филологии. Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск. 1 (6). – Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского гос. университета. – 2010. – С. 62-66. (0, 5 п.л.).

8. Берн А.А. Выражение вежливости в устной финской речи / А. А. Берн // Актуальные вопросы финно-угроведения и преподавания финно-угорских языков и литератур: сб. материалов научной конференции (МГУ,17-19 ноября 2010 г.). – Москва: Изд-во МГУ. – 2011. – С. 22-29. (0, 6 п.л.).

9. Берн А. А. Употребление глаголов возможности и вероятности в устной финской речи / А. А. Берн // Материалы XL международной филологической конференции. Уралистика / отв. ред. Н. Н. Колпакова. – Санкт-Петербург. Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. – 2011. – С. 3-8. (0, 5 п. л.).

10. Берн А. А. Особенности выражения директив в финском деловом дискурсе / А. А. Берн // Материалы XLI Международной филологической конференции: Уралистика / отв. ред. Н. Н. Колпакова. – Санкт-Петербург. Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. – 2012. – С. 3-8. (0, 5 п.л.).

Следует также заметить, что не существует удовлетворительных учебно-методических комплексов, направленных на всестороннее развитие коммуникативной компетентности изучающего финский язык. А ведь, как известно, отступление от речевых традиций в некоторых случаях может вызвать неосознанную обиду у носителей языка. Согласно исследованию финского учёного Й. Таннер [Tanner 2012], формулы выражения речевых актов, предлагаемые учебниками финского языка для иностранцев, далеки от реального речевого употребления. Большинство учебников рассчитаны на начальный уровень овладения языком, при этом упор делается на изучение грамматических конструкций, в том числе, при развитии речевых навыков.

Практическая значимость нашей работы состоит в том, что результаты, полученные в ходе нашего исследования, могут быть использованы при составлении учебно-методических материалов и курсов лекций и служить верной опорой в борьбе за правильность и красоту финской речи.

ГЛАВА 1. СУЩНОСТЬ СТРАТЕГИИ МОДАЛЬНОСТИ ВЕЖЛИВОСТИ

В данной главе мы хотели бы дать определение основным терминам, на которые опираемся в работе. Сначала мы рассмотрим историю исследований модальности и проследим взаимосвязь модальности с другими категориями. Далее мы проанализируем подходы к изучению вежливости как культурологической и прагматической категории. Это позволит дать в последней части главы развёрнутое определение стратегии модальности вежливости, её значений и средств выражения.

1.1. Категория модальности

Модальность, в нашем понимании, – это универсальный механизм, позволяющий члену этнокультурного сообщества отразить речевую психологическую оценку ситуации и регулировать коммуникативный процесс.

Понятие модальности, как известно, пришло в лингвистику из модальной логики, разделяющей высказывания на аподектические, категорические, гипотетические, согласно тому, выражают ли они обязательность, существование, предположение. Основным типом модальности, согласно модальной логике, является алетическая модальность (от греч. aletheia – ‘истина’), характеризующая пропозицию с точки зрения истинности и ложности, тесно связанная со значением референтов субъекта и предиката предложения и отражающая внутренние потенции реального мира. Этим она отличается от двух других видов модальной логики, эпистемической и деонтической, указывающих на характер объективных связей в высказывании, выражаемых модальными операторами возможности и обязательности [Лайонз 2003: 344, Бондаренко 1979: 54]. Эпистемическая (от греч. episteme – ‘знание’*)* модальность связывается с понятиями веры и знания, уверенности и сомнения, а деонтическая (от греч. deon – ‘долг’*)* – с нормами различного рода, обязательствами. Значение возможности и обязательности связаны между собой: то, что обязательно, должно быть возможно. Реализацию значений возможности и обязательности можно соотнести с идеей возможных миров Лейбница: данная пропозиция логически возможна хотя бы в одном возможном мире, если она истинна, и материализация факта пропозиции обязательна, если она истинна для каждого возможного мира [Лайонз 2003: 241–247]. Каждая пропозиция характеризует положение дел в каком-то из миров, и данный мир характеризуется группой пропозиций, истинных для него. Таким образом, модальность указывает на существование нескольких вариантов развития событий и возможность различного толкования одной и той же ситуации.

Концепция логической модальности создала базу для анализа языковой модальности. Естественное стремление человека к упорядочиванию и категоризации упрощает суть многих явлений, однако совсем не является залогом их правильного понимания. Язык как социальное и диалогическое явление не является абсолютно объективной системой [Hintikka 1982, Bahtin 1991, Voloshinov 1990]. Перенесение логических моделей на изучение естественного языка не всегда удачно и возможно, так как логика не может объяснить всё богатство языка, учесть все оттенки мысли и чувств, а функционирование языка не всегда может соответствовать законам логики. Следовательно, определение универсальной категории модальности невозможно без учёта специфических особенностей функционирования речи: выбор речевых средств обусловлен не только логическими параметрами, но и факторами субъективной оценки сообщаемого, ситуативностью. Соотношение данных компонентов и их роль в определении значения лингвистической модальности является проблематичным.

В лингвистике укоренилось представление о высказывании как о многоуровневой структуре, в которой различаются пропозициональное и непропозициональное содержание. Впервые французский учёный Балли выделяет в высказывании объективный и субъективный компонент, диктум и модус: диктум – объективная часть значения предложения, его фактическое содержание или пропозиция высказывания, а модус – операция мыслящего субъекта, дающего индивидуальную оценку излагаемых событий, выражающая его эмоции, чувства, волю [Балли 2001: 45]. Информация, содержащаяся в пропозиции или диктуме, является основополагающей частью любого высказывания и не включает сведений о говорящем, его отношении к высказыванию. Другие значения образуют модус или модальную рамку. Данный компонент может включать также аксиологическую оценку [Вольф 2002].

Разделение на пропозицию и модус не может не вызывать вопросов: каким образом происходит разграничение их функций? Форма и содержание неразрывны, изменение формы неизбежно приводит к изменению изначального содержания. Как известно, значение имеет социальный характер, определяясь своей реализацией. Можно также сказать, что значение рождается в процессе "переговоров" между говорящим и слушающим [Muikku-Werner 1993, Tiittula 1992]. То есть использование модальных средств может быть обусловлено всем процессом коммуникации, может регулироваться коммуникативным договором, существующим между собеседниками [Givon 1989: 125–130]. На протяжении всего развития языкознания в составе содержания высказывания лингвистами неизменно выделяются компоненты, выполняющие репрезентативную или дезигнативную, референциальную, идециональную функцию, а также компоненты, передающие способ личностного осмысления говорящим сообщаемого. У последних можно выявить следующие функции: экспрессивная, эмотивная, иллокутивная, апеллятивная, интерперсональная, прескриптивная, дескриптивная,

директивная, фатическая, металингвистическая, поэтическая, кооперативная и другие [Jakobson 1966; Halliday 1961, 1970; Lyons 1977; Searle 1970, финские лингвисты Matihaldi 1979, Larjavaara 2007]. Может ли модальность передавать значения всех или некоторых из перечисленных функций?

Обобщая результаты существующих исследований, можно сказать, что к модальным значениям возможно отнести помимо универсальных возможности и необходимости также значения знания, веры, желания и другие. С учётом прагматического подхода анализ категории модальности может выйти далеко за пределы рассмотрения связи субъекта и предиката конкретного высказывания. Согласно проведенному нами анализу, модальность как категория может быть выделена 1) на уровне диктума, на уровне модуса 2) на уровне модуса в рамках узкого понимания значений модальности, при этом значения уровня диктума имеют второстепенное значение 3) на уровне модуса, охватывая неопределённое или максимальное количество его значений, модальность принимается как коммуникативная категория.

1. Понимание модальности как категории, средства выражения которой могут организовывать в равной степени как пропозицию, так и модус, то есть отношение к содержанию пропозиции, является наиболее распространённым подходом. Согласно ему выделяются соответственно объективная (выражающая связь между субъектом и предикатом) и субъективная модальности. Данное классическое представление, базирующееся на делении О. Есперсеном [2002: 363–371] модальных средств на содержащие элемент воли говорящего и не содержащие, достаточно популярно и сейчас.

Объективная модальность является признаком любого предложения, она формирует высказывание, указывая на то, что что-то имеет место в реальном мире. Субъективная модальность описывает мнение говорящего по поводу того или иного положения вещей [Лайонз 2003: 347]. Подобного же разделения придерживаются многие отечественные лингвисты, понимая модальность как «функционально – семантическую категорию, выражающую разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого» [Ляпон 2000: 303]. В случае объективной модальности подразумевается характеристика пропозиции и анализ её значения по признакам реальность, определённость. Объективно-модальные значения формируют предикативность, наряду с такими категориями, как лицо и время [РГ: 85–86]. Субъективная модальность, выражающая отношение субъекта речи к сообщаемому, может встречаться не во всех типах высказываний, при этом к субъективно-модальным значениям модальности могут быть отнесены самые разные способы отношения субъекта к пропозиции [РГ: 214–216].

Для начального этапа изучения модальности характерен интерес именно к анализу «объективной модальности», тому, насколько контрфактивной и нонфактивной может быть

признана информация, передаваемая модальными средствами, это можно наблюдать на примере финского языка [Setälä 1891, Penttilä 1963, Siro 1964, Hakulinen-Karlsson 1979]. В данных исследованиях мы видим представление модальности, прежде всего, как характеристики предикативности, синтаксической категории [Шапиро 1958, Золотова 1973, Bybee… 1994].

Говоря о субъективной модальности, имеют в виду отношение субъекта речи к пропозиции, его уверенность в факте, излагаемом в пропозиции [Колшанский 1961, 1975, Ляпон 2000, Панфилов 1977, Бондаренко 1979, РГ 1980]. В. В. Виноградов одним из первых вводит признак точки зрения говорящего, достаточно широко понимая значение модальности [Виноградов 1975: 57–88]. Также Пешковский, который относит модальность к субъектно-объектным категориям, замечает, что наклонения выражают всегда «отношение говорящего к той связи», которую он сам «установил между содержанием данного высказывания и действительностью» [Пешковский 2001: 86–88**].**

Возможны более подробные классификации, с некоторым смешением объективных и субъективных значений, выделением внешних и внутренних значений модальности [Золотова 1973, Ермолаева 1987].

Более популярным в настоящее время является всё же представление о главенстве субъективной модальности над объективной, анализ объективной составляющей уход на второй план [например, Perkins 1986, Palmer 2001]. «Выразить пропозицию – значит одновременно определить отношение к ней» [Лайонз 2003: 270]. Не отрицается, однако, существование алетической модальности, наличие высказываний несубъективного характера в принципе: «Модальность предполагает наличие особого угла зрения на пропозицию, но он не всегда принадлежит субъекту речи» [Kangasniemi 1992: 7].

2. На современном этапе изучения категории принято, в целом, выделять эпистемическую и неэпистемическую модальность, значения последней также имеют название «корневых». Неэпистемическая модальность была впоследствии разделена на динамический и деонтический типы. Для обозначения эпистемической модальности [Лайонз 2003, Palmer 2001, Щвец 2007, Беляева 1990] могут быть использованы также названия модальность истинности/правдивости [Грепл 1978], модальность достоверности и вероятности [Беляева 1990], персуазивная [Шмелева 1984], модальность знания и действия или события [Koskinen 1998]]. Значение эвиденциальности принято также относить к значениям эпистемической модальности [Kangasniemi 1992, Larjavaara 2007], так как речь идёт о сообщении источника получения информации, а значит, о степени *достоверности* значения эпистемической модальности [Беляева 1990: 157–170].

В концепции узкого понимания модальности к модальным относят значения возможности и обязательности, хотя в некоторых работах модальными называют также значения желательности [Лайонз 1977, Bybee 1994]. Большое внимание уделяется функционально-семантическому анализу факторов, определяющих функционирование данных значений на материале различных языков [Lyons 1977, Бондаренко 1979, Kangasniemi 1991, Беляева 1990, Цейтлин 1990]. Согласно классификации Е.И. Беляевой, возможность может иметь следующие характеристики: внутренняя / внешняя, приобретённая и неприобретённая, деонтическая и недеонтическая, актуальная и узуальная [Беляева 1990: 126–141]. Ситуации необходимости можно разграничить по типу каузатора, наличию или отсутствию негативного отношения субъекта к действию, степени облигаторности действия и его реализованности [Цейтлин 142–156].

3. С другой стороны, логика развития изучения модальности, а именно перенос фокуса рассмотрения с субъектно-объектных связей на оценочно-познавательную деятельность агента речи, как и выделение агента действия, привели к расширению толкования значений модальности, в соответствии с чем к модальным стали причислять многие явления, отражающие разнонородные возможности агента совершить действие, а также его желание, готовность и оценку - усложнилось понимание взаимодействия параметров пропозиции и модальной составляющей. Расширение значения эпистемической модальности в некоторых исследованиях происходит за счёт возрастания роли субъективной оценки и учёта коммуникативных параметров. «Поведение человека в окружающем мире опирается на знание о нём. Это знание формируется как бы в двух взаимосвязанных сферах – одной, где решающее слово имеет логика и другой, где господствуют чувства» [Раушенбах 1991: 26]. Знание определяет модальную оценку и модально-эпистемическое восприятие высказывания [Рябцева 1995]. Именно фактор наличия или отсутствия определённых знаний об определённом ходе вещей у участников коммуникации, ценностное осмысление этого фонда знаний является одним из определяющих для модальности высказывания [Зеленщиков 2010].

Оценочный компонент, ценностное осмысление признаётся многими лингвистами неотъемлемой частью высказывания, связанной с субъективной модальностью [Шаховский 1987, Рябцева 1993, 1995; Арутюнова 1998, Вольф 2002]. Подклассы оценочных значений могут содержать следующие элементы: субъект оценки, объект оценки, оценочный предикат и фрагмент картины мира [Вольф 2003: 87–88].

Для разграничения значений модальности и отношений субъекта и пропозиции вводится термин «модальная рамка» [Вольф 2003: 87-100]. «Модальная рамка оценки», включает все возможные виды отношения субъекта и действительности [Вольф 2003]. К субъективным модальным значениям причисляются аксилогические категории, отражающие оценку субъекта

по признакам «хорошо/плохо», к модальным причисляются значения «важности», «невыясненной причины» и другие [Вольф 2002].

Согласимся с А. В. Бондарко в том, что оценку в широком смысле, в том числе аксиологическую, нельзя причислять к модальным значениям, она скорее является «особой семантико-прагматической сферой, взаимодействующей с модальной» [Бондарко 1990: 59–67].

Усложняется понятие модуса. Так, Н. Д. Арутюнова выделяет перцептивный, ментальный, эмотивный, волитивный планы модуса [Арутюнова 1988: 109–152]. Н.К. Рябцева выделяет интенсиональный, интенциональный, операциональный, коммуникативный модусы [Рябцева 1993: 51–57]. Некоторые значения, стоящие за названиями перечисленных модусов, могу трактоваться как модальные. Например, Т.В. Шмелева [1984] и Е. И. Беляева [1988] рассматривают модальность как часть модуса, наряду с другими его значениями, в т.ч. коммуникативной установкой, аксиологической, эмоциональной оценками.

Таким образом, значения субъективной модальности постепенно начинают осмысливаться как компоненты коммуникативного содержания высказывания. Изучение модусов даёт возможность для расширения значений модальности в направлении рассмотрения межличностных отошений говорящего и слушающего. Многими современными лингвистами коммуникативность признаётся как один из важнейших факторов, определяющих модальность, или же модальность признатся коммуникативной категорией [например, Грепл 1978, Нефедов 2007, Зеленщиков 2010, Булыгина и Шмелёв 1992, Kangasniemi 1992, Larjavaara 2007].

В финском языкознании нет понятия модуса в изложенном выше понимании, преобладает представление о модальности как субъективной категории, но имеющей ограниченные классические значения [ISK 1477 – 1533]. Значения, в некоторой степени близкие к модальным, могут передавать другие категории, которые всё же следует рассматривать отдельно, например, волитивы, эвалюативы, комиссивы [Kangasniemi 1992: 263 – 291].

В ряде современных исследований предпринята попытка систематизации имеющихся значений модальности и выделение основных. По мнению Л. А. Бирюлина и Е. Е. Корди [1990: 67 – 68], можно определить круг языковых явлений и средств их выражения, которые относятся к модальным согласно различным концепциям данного подхода. Учёные классифицируют модальные значения по шести типам: «реальность/нереальность», «оценка достоверности», «возможность/необходимость/желательность», «целевая установка», «утверждение/отрицание», «эмоциональная и качественная оценка».

Перечисленные нами модальные значения отображают неоднородность семантического объема значений языковой модальности. Интересным представляется концепция, согласно которой модальные значения имеют тенденцию к усложнению и «наслоению» друг на друга [Касевич 1988: 71 – 72].

При учёте всех имеющихся точек зрения, категория модальности действительно не может считаться «семантическим единством» [Бондарко 1990: 59]. Следует заметить, что есть некоторая терминологическая недоработанность в имеющихся концепциях. Очевидно, что в ряде случаев происходит смешение разноуровневых, но взаимозависимых понятий. Так, коммуникативная установка отражает целевую направленность высказывания, в то время как эмоционально-качественная оценка указывает на отношение говорящего к определённому положению вещей. При этом данные элементы неотделимы друг от друга и совместно формируют значение. Представляется, что значение модальности следует искать в ядре структуры значения высказвания. Категория утверждения / отрицания имеет своего рода оценочную составляющую и относится к форме речевого акта. Но может ли она выражать разные модальные значения, или, может быть, утверждение и отрицание можно привести к единому знаменателю? Согласно классическим законам логики, отрицание является утверждением определённой ситуации, обратной пропозиции отрицательного высказывания, поэтому разделение на отрицание и утверждение в плане выражения модального значения кажется неуместным.

Для конкретизации значения модальности обратимся к определению субъективности и функциональности речи.

1.2. Объективность и субъективность в языке и речи. Языковая личность

Рассмотрению проблемы соотношения субъективности и объективности в языке посвящено большое количество работ. Предпосылкой для разночтений являются разные подходы к толкованию понятия субъективности. С одной стороны, под субъективностью можно понимать способ восприятия действительности. По мнению некоторых учёных, деление на субъективное и объективное, в сущности, невозможно провести [Koskinen 1998]. Никакие слова и языковые конструкции не могут передавать лишь объективное состояние действительности, они всегда содержат в себе какую-то долю оценки. Любой текст излагается с определённой позиции, что означает невозможность объективности [Kalliokoski 1996: 13]. Как писал В.В. Розанов, «..человек – существо иррациональное и….как бы ни была упорна работа мысли, она никогда не покроет всей действительности, будет отвечать мнимому человеку, а не действительному…» [Розанов 1990: 71].

Субъективность можно представить как отдельную категорию, затрагивающую определённые области языка, выражающую позиционирование говорящего субъекта к определённому положению вещей. Основы исследования в данном ключе были заложены Э.

Бенвенистом, указавшем, что благодаря языку человек может конституироваться как субъект и именно в языке он себя проявляет. Обозначение себя возможно только в противопоставлении: Я и окружающего мира, первого и второго лица, непосредственно контактирующих лиц и третьего лица [Бенвенист 2002: 292-301]. Лайонз относит к категории субъективности модальность, аффективность и дейксис [Lyons 1977: 739]. В современной западной лингвистике принято выделять 6 – 12 категорий субъективных значений. К ним относят: показатели аффективности, показатели степени уверенности, средства, выражающие сомнение, оговорки, эмфатические средства, средства выражения модальности, средства выражения обязательности, средства, носящие предиктивный характер и другие [Muikku-Werner 1993: 42 – 43]. Финский учёный М. Ларьяваара в исследовании по прагмасемантике к субъективным относит следующие категории и значения: модальность, эпистемность, эвалюативность, импрессивность, эмоциональность или аффективность, аттитъюдность, социальное отношение (по статусу), выражение вежливости, выражение пожеланий и надежд, выражение планов и волеизъявление [Larjavaara 2007: 390 – 397]. Что же всё-таки может подразумевать под собой субъективное владение языком, и насколько субъективно употребление указанных выше категорий?

Субъективность тесно связана с субъектом, а субъект – с социальной действительностью. Язык теснейшим образом связан с человеческим мышлением, являясь непосредственным проявлением сознания. По мнению лингвистов Сепира и Уорфа, язык определяет образ мышления и представления человека об окружающем мире, что несколько спорно [Колшанский 1975, Постовалова 1988, Kangasniemi 1997]. Легче согласиться с менее жёстким определением, согласно которому, «человек не является пленником языка, но язык в своём роде влияет на систему понятий человека о вещах и то, как через неё формируется картина мира" [Leino 1987:47]. Безусловно, как часть культуры, "ненаследственной памяти коллектива" [Лотман, Успенский 1971: 338], язык позволяет передать из поколения в поколение опыт, а вместе с тем и образ мышления, необходимые для выживания в социальной среде, определяя, таким образом, процесс познания мира нового члена коллектива. В сознании носителя языка закреплены определённые модели речевого поведения, которые он запомнил с детства, и которые он неосознанно воспроизводит в речи [Kauppinen 1998, Швец 2008].

Таким образом, субъект – это многоуровневая структура, носитель языка и определённой культуры, а также личность, совмещающая черты национального характера и индивидуальные психологические особенности, отличающие его от языкового социума. Это находит отражение и в восприятии действительности. Представление об объективности связано как с культурой общества, так и с личностными особенностями восприятия субъекта действительности.

Уместным представляется разграничение по уровням понятий *личность, индивидуальность* и непосредственно *субъект* [Демьянков 1992: 9 – 34, см. также Розина: 2003], так как под понятием субъективности могут подразумеваться все три категории. Мы переосмысливаем указанные термины и не будем соотносить их с понятием «человек», так как нас интересует способ реализации языка.

Во-первых, мы можем говорить о *языковой личности*, как наличии языкового инварианта для данного социума. Концепция «языковой личности» разработанная Ю.Н. Карауловым, представляет собой сложную структуру. Она состоит из следующих уровней: 1) вербально-семантического, предполагающего для носителя нормальное владение естественным языком, а для исследователя – традиционное описание формальных средств выражения определенных значений…; 2) когнитивного, единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в более или менее упорядоченную, более или менее систематизированную "картину мира", отражающую иерархию ценностей. Когнитивный уровень устройства языковой личности и ее анализа предполагает расширение значения и переход к знаниям, а значит, охватывает интеллектуальную сферу личности, давая исследователю выход через язык, через процессы говорения и понимания – к знанию, сознанию, процессам…. 3) прагматического, заключающего цели, мотивы, интересы, установки и интенциональности. Эти уровни обеспечивают в анализе языковой личности закономерный и обусловленный переход от оценок ее речевой деятельности к осмыслению речевой деятельности в мире… [Караулов 2003: 27- 48]. Языковая личность, согласно Ю.Н. Караулову, определяется набором определённых психоглосс, устойчивых черт языкового строя, которые можно разделить на грамматические, когнитивные и мотивационные. Психоглоссы – важный коммуникативный параметр, который может характеризовать субъекта как успешного или неуспешного с точки зрения коммуникации. Психоглоссы - это опорные элементы, стоящие за употреблением определённых форм. Для нашего исследования важен этот термин, так как мы ставим для себя задачу выявления принципов речеупотребления [Караулов 2003].

Мы можем сказать, что психоглоссы формируют «ментальную карту» [Fauconnier 1985]. Повторяя определённые конструкции, говорящий запоминает их прагматическое значение и связь с ситуацией. Формируются определённые схемы, содержащие определённую информацию о различных репрезентациях. Толкование фразы опирается на наличие сведений в такой ментальной карте слушающего. Карта состоит не только из психоглосс, но и знаний стилистического узуса эпохи. Для правильного "вхождения" слушателя в ментальное пространство говорящему необходимо создать определённые условия, построить пространство, содержащее ссылки на определённое толкование информации. Ментальное

пространство – это, таким образом, модель построения речевых высказываний для реализации определённых целей, основанная на языковом опыте.

Мы позволим себе подразумевать под понятием языковой личности некий идеальный вариант, имеющий максимальный набор ментальных карт, отвечающих коммуникативным потребностям в различных ситуациях внутри данного культурного пространства. Таким образом, определённый набор ментальных карт обеспечивает коммуникативную успешность в коммуникативных контекстах.

Правильно также заметить, что языковая личность совмещает как языковую компетенцию в самом широком смысле, так и перформацию [Chomsky 1965]. Уместной представляется параллель с концепцией коммуникативной компетенции [Hymes 1964]. Современный анализ коммуникативной компетенции сконцентрирован на интерактивном взаимодействии [об этом, например, Muikku-Werner 1997]. Он показывает, что люди стремятся к взаимопониманию. Нарушающее гармонию и рутину поведение воспринимается как неприятное, вызывает отрицательные эмоции, поэтому безопаснее всегда прибегнуть к привычным моделям поведения, часть из которых определяется выбором правильной структуры, другая часть - выбором правильной стратегии [об этом, например, Goffman 1972]. К коммуникативной компетенции относят, как правило, знание речевых правил, а знание стратегий - к социальной компетенции. Но мы объединим эти понятия в одно – умение языковой личности строить и входить в ментальное пространство, что позволяет осуществить переход от выбора объективно существующих грамматических форм к их речевому употреблению, благодаря интуиции языковой личности.

В универсальном смысле коммуникативная компетенция подразумевает способность построения грамотных высказываний, а также умение учитывать при этом существующие в обществе оценки и представления о мире. Также это понимание того, что и в какой ситуации уместно говорить, какие средства и способы выражения мысли являются наиболее распространёнными, какие аффективными, то есть умение порождать тексты, которые могут стать составной частью языкового материала общества [Щерба 1974]. Под языковым материалом мы подразумеваем тексты различных регистров, которые позволяют выявить психоглоссы языкового коллектива и стилистические потребности эпохи.

В финском языкознании Юли-Ваккури разделяет средства на корректные и некорректные с точки зрения их литературного и коммуникативного употребления [Yli-Vakkuri 1986]. Выражающие «интерперсональное значение» единицы образуют подсистему средств выражения финского языка – их употребление автор называет аффективным. Нам кажется, что нужно говорить об уместном и неуместном для данной ситуации речевом поведении – правильном вхождении в ментальное пространство.

В каждой культуре коммуникативная компетенция проявляется своеобразно. Например, в языках по-разному находят выражение универсальные категории. Одно и то же значение имеет разное количество средств выражения в зависимости от того, насколько важную роль референт данного значения играет в жизни общества или насколько весом прагматический потенциал данного значения. В языке могут быть значения, которых нет в других языках [Kangasniemi 1997: 384 – 403]. Коммуникативная компетенция включает знание о том, как заполняются и чем компенсируются данные «лакуны», которые могут проявляться на разных уровнях речи.

Следующий уровень – *индивидуальность*. На первый взгляд, кажется, что использование такого термина невозможно, когда мы говорим о языке. Под термином «индивидуальность» мы подразумеваем психологические, когнитивные и другие особенности говорящего, которые также создают возможность отклонения от рамок инварианта языковой личности, в соответствии с индивидуальными личностными особенностями. В некоторых случаях на этом уровне можно говорить, например, о коммуникативной неудаче индивида. Таким образом, в нашем понимании языковая личность – носитель социально осознанных мотивировок, подготовленного и коллективно одобряемого речевого материала, а индивидуальность – особого употребления данных норм, особого их проявления, в т.ч. допустимого, но не обязательно конвенционального. К индивидуальному речевому употреблению следует отнести использование диалектов, не всегда отражающее литературную норму – проявление языковой личности. Высказывание может быть лишено индивидуальных черт.

Понятие *субъекта* означает ответственную и самостоятельную языковую личность, проявляющую волю и желание. Субъект совмещает в себе языковую личность как инвариант и индивидуальные психологические черты в разной степени. Для нас субъект – это проявление «лично-объективного» [Потебня 1977: 118 – 119] – полная реализация носителя языковой культуры.

Следуя из подобного определения субъекта, легко прийти к выводу, что субъективность – это проявление субъекта в речи, а значит любое реальное языковое выражение и его восприятие субъективно, то есть определено ментальными картами языковой личности, индивидуально-психологическими чертами и волитивными побуждениями говорящего и слушающего. То есть, мы можем говорить о невозможности объективности в языке и речи в принципе.

Следует, как нам представляется, говорить о разных степенях проявления субъективности – скрытом, когда речевое высказывание презентуется как логически «объективное», или открыто выраженном - под этим мы можем понимать намеренное выделение собственного «Я» или намеренное обнаружение авторского «Я» в тексте, что

определяется ментальными картами носителя культуры. В лингвистической литературе, говоря о категории субъективности, как правило, имеют в виду именно явно выраженную субъективность, к которой относится также аффективность – субкатегория субъективности, категория оценочности, различные модусы, которые мы рассматривали ранее.

Мы считаем, что интуитивный выбор языковой личностью правильных значений и форм – творческий акт, который является проявлением обращения субъекта речи к ментальным картам. Невозможно провести разделение на «объективный» грамматический строй и субъективное «речевое» употребление – язык и речь лингвокультурно обусловлены. Информация попадает в коммуникативный контекст и только тогда приобретает смысл, который трактуется как истинный. Каждое высказывание может быть представлено по-разному в соответствии с задачами субъекта в определённом ментальном пространстве, при этом содержание высказывания следует считать отличным в каждом из возможных вариантов.

Заметим также, что вариативность речи определяется, по нашему мнению, наличием большого количества различных контекстов и возможностей построения ментальных пространств, ситуационных вариантов, которые предполагают множество вариантов решения – которые возможно обобщить и описать.

В нашем исследовании мы опираемся на языковую личность, стоящую за субъектом речи – так как наша задача выявление общих принципов коммуникативного поведения.

1.3. Функциональность речи

Любое высказывание не только в определённой степени субъективно, с точки зрения коммуникации важно, что оно также функционально, окрашено интенциональностью субъекта речи. Представление о высказывании как о целенаправленном речевом действии, имеющем особую структуру и определённые условия реализации, описано теорией речевых актов Остина-Сёрля, которую мы бы хотели применить в данной работе в необходимой степени.

Согласно Остину и Сёрлю, речевые акты представляют собой небольшие отрезки речи, отвечающие определённым языковым функциям [Searle 1970, Остин 1986]. Рассмотрение речевого акта позволяет обратиться к таким важным, с точки зрения данного исследования, параметрам общения, как фактор говорящего и слушающего, их социальным ролям, особенностям протекания коммуникации и др.

Речевой акт обладает следующими характеристиками: интенциональностью и конвенциональностью – это целенаправленное речевое действие, отражающее конвенциональное использование языковых средств языковой личностью – подходящая единица анализа. В данной работе позволим себе использовать понятие речевого акта как

иллокутивного. Термин «высказывание» в этой работе мы будем употреблять как синоним речевого акта [Падучева 2004; 29].

Форму выражения речевого акта можно считать конвенционализированной, если данное выражение уже было успешно использовано [Yli-Vakkuri 1986: 9] и обладает тремя свойствами: имеет чётко выраженную грамматическую структуру (его можно повторить), неупотребление этого выражения будет рассмотрено как отступление от норм, данное выражение используется в чётко определённых ситуациях [Muikku-Werner 1993: 20]. Именно такие речевые акты должны стать основой лингвокультурного анализа, так как являются отражением ментальных карт языковой личности.

Согласно теории речевых актов успешность коммуникации зависит от ряда параметров: установок говорящего и слушающего, иллокутивной силы или явных и скрытых целей высказывания. Иллокутивная сила характеризуется интенсивностью, способом достижения иллокутивной цели, условиями пропозиционального содержания, предварительными условиями, условиями искренности и их интенсивностью [Austin 1962, Searle 1970]. Это означает, что для успешного осуществления речевого акта необходимо выполнение определённых условий: речевой акт должен быть релевантен с точки зрения ситуации, говорящий должен иметь право на высказывание, а слушающий – возможности для совершения определённого ответного действия, мотив говорящего должен быть ясен и др.

На то, как говорящий формирует свой речевой акт, влияет ряд параметров. К ним относятся: оценка говорящим ситуации и факторов, связанных со слушающим – прагматических пресуппозиций, а именно общего фонда знаний слушающего, его возможностей, сложности или деликатности рассматриваемого вопроса, типичности ситуации.

Речевые акты можно классифицировать по значению. Сёрль подразделял речевые акты на репрезентативы, директивы, экспрессивы, комиссивы, декларации [Searle 1970]. В некоторых последующих работах репрезентативы получают названия ассертивов: «..существует только пять иллокутивных целей….: 1) ассертивная – состоит в том, чтобы передать, как обстоят дела…. Пропозиция репрезентирует настоящее положение дел…. 2) Комиссивная - обязывает говорящего сделать что-то – говорящий принимает на себя обязательство реализовать линию действий…3) Директивная – направлена на то, чтобы заставить слшающего реализовать определённую линию действий…. 4) Декларативная состоит в том, чтобы изменить мир посредством произнесения…. 5) Экспрессивная – выразить чувства или установки….. [Сёрль, Вандервекен 1986: 242 – 264].

Следует заметить, что другими лингвистами рассматривается достаточно большое количество конвенционализированных речевых актов, например, сообщения, просьбы и приказы, вопросы, приказы, запреты и позволения, советы и рекомендации и многие другие,

выделенные на основании семантического значения [например, Вежбицка 1985: 251–277]. Это более детальная классификация речевых актов, чем предложенная основоположниками теории речевых актов. Главное же заключается в том, что возможно выделение речевых актов на основании изложенных выше принципов.

Лингвисты выделяют в целом следующие факторы контекста – дискурсивные параметры, влияющие на протекание речевого акта, возможность выражения говорящим его цели. Помимо отправителя и получателя, к ним относятся: форма сообщения, канал связи, код, тема, обстановка [D. Hymes, С.М. Эрвин-Трипп]. Данные параметры влияют на способы выражения иллокутивной силы речевого акта.

Важным является также место речевого акта в процессе коммуникации, дискурса в целом. Речевой акт может входить в более крупную структуру макроречевого акта. Макроречевой акт может иметь развёрнутую структуру:

- языковые единицы, задачи которых привлечь внимание: обращения и пр.;
-подготовка к речевому акту, вспомогательные речевые акты: объяснения причины, обещание вознаграждения;
-сам речевой акт (выражение иллокутивной цели), для осуществления которого существуют различные стратегии;
-потенциальные модификаторы, смягчающие фразы и усилители (устоявшиеся выражения, выражающие вежливость, субъективаторы);
-слова поддержки, следующие за основным речевым актом [Blum-Kulka, House, Kasper 1989: 17–19].

Несмотря на сложность структуры и наличие большого количества параметров, определяющих функционирование речевого акта, средства выражения речевых актов ограничены, и процесс их выбора возможно объяснить.

1.4. Определение модальности. Исследование категории модальности на материале финского языка

Мы можем прийти к выводу, что любое высказывание, по сути, функционально и в определённой степени субъективно. Соответственно, категорию модальности также следует рассматривать как субъективную и функциональную.

Модальное значение содержится в любом речевом акте, может носить различный характер – быть проявлением эпистемической или корневой модальности, указывать на возможность, вероятность, обязательность некоторого положения вещей в определённой степени, отражать различную степень уверенности говорящего в чём-то. Передаваемое

модальными средствами отношение к действительности следует признать субъективным и функциональным – средство выражение модальности выполняет определённую роль в реализации иллокутивной силы высказывания, также оно связано с оценкой говорящим прагматических пресуппозиций. Следовательно, модальность – оценочная категория. Но как широко следует понимать эту оценку?

В нашем понимании языковой категории мы придерживаемся классической точки зрения, согласно которой категория имеет чёткие границы, члены категории обладают обязательными и существенными признаками, равноправны. Категория языковая обязательно должна иметь системность. В этом толковании мы приближаемся к концепции, изложенной в трудах И. И. Мещанинова [Мещанинов 1978: 236–241].

К модальным значениям, согласно традиционной трактовке, мы считаем правильным отнести исходные значения возможности и обязательности. Значение желательности связано с выражением возможности и обязательности (долженствования) опосредованно. Данные значения следует считать единственно возможными, так как только они характеризуют только данную категорию. Возможность и обязательность могут характеризовать как физико-психологические возможности агента действия, так и отражать оценочно-познавательную деятельность субъекта речи, могут реализовываться в ситуациях описания внутренних и внешних факторов среды протекания действия, с разной степенью выраженности присутствия субъекта речи в тексте. Модальные значения могут «преломлять» действительность, полностью меняя истинностный смысл пропозии, представляя точное условным, условное запланированным и т.д.

В целом, современное финское языкознание придерживается идеи субъективности модальности и функционально-семантического подхода к её определению. Мы также позволим согласиться с таким определением категории модальности. **Модальность** отражает отношение субъекта речи к определённому положению вещей с точки зрения его возможности, обязательности, необходимости [ISK: 1477–1479, Larjavaara 2007: 399].

Работы по модальности английского языка явились основой для многих современных исследований модальности финского языка [Kangasniemi 1992, ISK]. Традиционным для финского языкознания является разделение модальности на эпистемическую, деонтическую, динамическую. Рассмотрим вкратце и обобщённо средства выражения модальности в финском языке. Более подробно проанализируем их после определения стратегии модальности вежливости.

1) Эпистемическая модальность, передаёт отношение говорящего к сути пропозиции, его мнение относительно положения дел, на которое указывает пропозиция:

насколько оно достоверно, правдоподобно, возможно, вероятно, определённо, обязательно [Кангасниеми 1992: 11; Vilkki 1991].

Эпистемическую модальность выражают:

- модальные глаголы: voida, taitaa, mahtaa - в значении 'может быть, что что-либо случится', saattaa - в значении 'что-то может вероятно произойти', pitää –'следует случиться', täytyä -'должно случиться'.
- модальные наречия и частицы: muka – 'якобы', tuskin – 'вряд ли', ehkä – 'возможно', kenties –'может быть', arvatenkin - 'вероятно' , kai - 'пожалуй', luultavasti - 'вероятно', ilmeisesti – 'очевидно', varmaan – 'точно', vissiin – 'определённо', toki – 'всё же', ilman muuta –' без сомнения', tottakai-'конечно', ei ikinä - 'никогда', ei millään – 'никоим образом', ei kai – 'вероятно нет', arvatenkaan ei - 'вероятно, нет', kin - 'и', 'же', 'тоже' , kaan /kään- 'и не', ei sittenkään - всё же нет и др.
- предикативные конструкции, например, on mahdollista – 'возможно', on ilmeistä - 'очевидно', on todennäköistä - 'вероятно' и др.
- условно-желательное и потенциальное наклонение.
- значение эвиденциальности может быть передано с помощью глаголов, выражающих впечатление, таких, как tuntua – 'чувствоваться', vaikuttaa – 'казаться' и др.

2) Деонтическая модальность связана с нормами, ценностями и разрешениями и другими предписаниями, цель которых – регулировать деятельность агента, дать разрешение и обязать что-то сделать, указывать на необходимость чего-то [Kangasniemi 1992: 88]. Нормы может диктовать как авторитетное лицо, так и институт, общество, они определяются принятыми моральными и нравственными принципы. Норма может исходить из внутренних убеждений субъекта. Обязательность чего-то может быть связана с «практической необходимостью» [Laitinen 1993: 159, ISK: 1482] сделать что-то. Практическая небходимость подразумевает, что-то стоит сделать, так как это логично в данных обстоятельствах.

К средствам выражения деонтической модальности относятся:

- повелительное наклонение
- модальные глаголы: voida, saada – 'иметь разрешение сделать что-либо', sopia - 'мочь что-то сделать в соответствии с нормами', pitää – 'иметь обязанность сделать что-то', joutua – 'быть вынужденным сделать что-то', tarvita – 'нуждаться в чём-то', päästä – 'получать возможность', tulla, täytyä, kuulua - ' иметь обязательство сделать что-то'.

- предикативные конструкции: on lupa – 'иметь разрешение сделать что-то', on pakko – 'необходимо сделать что-то', on määrä – 'небходимо сделать что-то', on hyvä – 'хорошо бы сделать', on aihetta –' есть причина сделать', on viisasta – 'было бы разумно сделать' и др.
- конструкции долженствования с глаголом olla – ‘быть‘ и причастием пассивным незавершённого действия

3) Динамическая модальность указывает на возможность агента действия сделать то, что зависит от внешних обстоятельств или его внутренних ресурсов.

К средствам выражения динамической модальности можно отнести:

- модальные глаголы voida - 'мочь', sopia – 'подходить', pystyä – 'мочь', kyetä –'мочь', päästä – 'мочь', taitaa – 'мочь (уметь сделать) ', mahtaa - ' мочь, joutua – 'оказаться вынужденным сделать что-то', täytyä, pitää – 'быть вынужденным сделать что-то'.

Таково классическое представление финского языкознания о категории модальности и средствах её выражения, которое мы в целом принимаем, за исключением того, то будет оперировать только терминами эпистемическая и корневая модальности.

Интонация и паралингвистические средства могут быть средствами, позволяюшими распознать правильный тип модальности в случае, когда оно и то же средство может указывать и на возможность, и на долженстование.

Так как использование речевых средств в речевых актах конвенционализировано, модальные значения могут получать большую прагматическую ценность, образуя различные речевые установки. Выражение последних может характеризоваться использованием не только основных модальных средств, но и сочетаемостью их с коммуникативно-ориентированными единицами других категорий, дополнительно подчёркивающих модальность высказывания.

Теория грамматикализации говорит нам о том, что модальность как категорию отличает направленность, проявляющаяся в генезисе значений, переходу от описания внутренних предпосылок чего-либо к внешним условиям, от констатации факта к каузации действия. Значения модальности тесно связаны с параметрами говорящего и слушающего, позволяя отразить их взаимоотношения (Bybee…..1994). Следовательно, значения категории модальности могут быть использованы для построения определённых коммуникативных стратегий.

1.5. Категория вежливости

Цель нашего исследования – описание главной, с нашей точки зрения, речеповеденческой стратегии для носителя финского языка. Перед определением термина

стратегии модальности вежливости необходимо обратиться также к рассмотрению категории вежливости.

Очевидно, для успешного межличностного общения необходимо следовать определённым принципам. Бах и Харниш выделяют три вида средств, организующих общение: привычки, нормы и правила [Bach... 1979: 270-274]. Выполнение правил носит обязательный характер, они регулируют институциональные виды общения, речевые реализации которых носят устоявшийся характер. Но вежливость – это не только норма социального поведения, к которой можно обратиться в важный для себя момент. Вежливость может быть жизненным принципом, стилем поведения. Привычки, нормы и правила – так можно характеризовать различные аспекты категории вежливости, всё зависит от отношения в культуре к проблеме вежливости.

Анализ категории вежливости получил широкое освещение в лингвистике на материале различных языков в плане исследования универсальных особенностей межличностного взаимодействия и с точки зрения выявления культурной специфики речевых актов в разных языках. Вежливость – это явление, которому сложно дать однозначное определение.

Вежливость является постоянным предметом исследования отечественных языковедов как грамматическая и культурологическая категория [Алпатов 2009; Земская 1994, 2004; Ларина 2009, Формановская 2005]. Особенности коммуникации и построения диалога получили рассмотрение в работах Винокур [1993], Кастлер [2004], Тер-Минасовой [2008], Тюриной [2008], Шатуновского [1995, 2004], Ширяевой [2001], Якубинского [1986], Земской и Ермаковой [2004] и других.

Как понятие вежливость означает соблюдение правил этикета и употребление требуемых языковых выражений, она может служить причиной определённых действий [Larjavaara 2007: 466–478] и являться эффектом, достигаемым в результате определённого поведения [Kauppinen 1998: 218]. Это – культурный код, включающий в себя определённый набор лингвистических и экстралингвистических средств, указывающих на статус собеседников, отношение друг к другу, выражение почтения, уважения и покорности, одобрения и сочувствия [Turunen-Partanen 1995: 36].

В нашем описании категория вежливости представлена как культурологическая категория. Это связано с тем, что финский язык (в отличие, например, от японского) не располагает специальными грамматическими средствами для выражения данной категории, также как и для указания на статус коммуникантов.

Научно-методическую базу для исследования культурологической категории вежливости заложила западная лингвистика, и на данный момент можно говорить о следующих направлениях изучения явления. Во-первых, это анализ социальных и этических норм. Ведь

вежливость появилась в связи с необходимостью решения определённых социальных задач: изначально правила вежливости являлись мерами предосторожности против насилия. Например, пожатие руки означало, что в руках у пожимающего не было оружия. В связи с усложнением ситуаций и социальных ролей участников коммуникации, с увеличением числа международных контактов, возрастала необходимость в описании норм поведения и хорошего тона, позволяющих произвести положительное впечатление и добиться желаемого результата от собеседника – правил этикета. К первым источникам, описывающим хорошие манеры, относится книга по этикету Эрасмуса Роттердамского, написанная в 1530 [Luoto 1996: 4]. До сих пор потребность в подобных справочниках не удовлетворена – несмотря на то, что многие постулаты подобных изданий представляются само собой разумеющимися, эффективное владение этикетом представляет собой проблему по сей день [например, Карнеги 1996; Fraser 1990].

Выражение вежливости в языке – это нечто большее, чем просто использование определённых слов в заранее известных ситуациях и нормативное поведение, это конструирование данных ситуаций – речевых актов. Вежливость – одна из форм проявления менталитета нации, а потому тесно связана со структурой языка, она объясняет поведение языковой личности и находится во взаимодействии с факторами внутреннего характера. Вежливость – речевое выражение мотива говорящего, планирование и построение определённой вежливой стратегии, необходимой для реализации какого-либо действия, а также умение подобрать особые языковые формы для адекватного выражения данной стратегии в определённой ситуации. Система языковых средств многообразна, и различные варианты могут быть охарактеризованы с точки зрения их стилистической окраски и их «вежливого потенциала». Речевые стратегии, имеющие одинаковое содержание, такие, как, например, просьбу и приказ, можно рассматривать с точки зрения их степени вежливости.

Как объект прагмалингвистического исследования вежливость может быть исследована с точки зрения разговорных максим, правил [Grice 1975; Lakoff 1973; Leech 1983]; защиты лица [Brown, Levinson 1978, 1987; Goffman 1967, 1972; Green 1975], и коммуникативного договора и особенностей построения диалога [Fraser 1990; Givon 1989; Blum-Kulka...1989], дискурса [Clyne 1994; Watts 2003]. Данные исследования не противоречивы, и во многом дополняют друг друга. Подробное описание концепций теории вежливости представлено в работе Т.В. Лариной [Ларина 2009].

Рассмотрение правил ведения разговора связано с общей теорией речевых актов, задача подобных исследований – качественно объяснить принципы бесконфликтного общения. Согласно Грайсу, выполнение следующих простых максим обеспечивает продуктивность речевого акта: максимы количества (представляется только необходимое количество

информации), качества (обстоятельства излагаются ясно и правдиво), релевантности (говорящие не отходят от темы разговора), выражения (говорящие эффективны) [Grice 1991]. Данные правила основаны на принципе сотрудничества, но вряд ли их соблюдение всегда может гарантировать успешность акта - они не учитывают многих психологических факторов, например, желательность обсуждения темы для слушающего. Интересным может представиться рассмотрение причин нарушения данных максим, идеализирующих диалог. Коммуникативные правила, учитывающие принцип вежливости, разрабатывались разными лингвистами. По мнению Лакофф Р., все конверсационные максимы отвечают принципу ясности [Lakoff 1973].

По мнению Дж. Лича, именно принцип вежливости в большей степени регулирует общение: он поддерживает социальное равновесие между собеседниками и даёт понять, что, прежде всего, они заинтересованы в сотрудничестве друг с другом. Весьма интересна концепция Лича, в которой выделяются следующие правила вежливого поведения: максимы такта, великодушия, одобрения, скромности, согласия, симпатии [Leech 1983].

В своём исследовании Браун и Левинсон отталкиваются от максим Грайса: вежливость – одна из причин для нарушения максим. Задача вежливости – защита лица собеседника, хотя защита собственного лица также является одним из приоритетных принципов ведения диалога. Под лицом здесь подразумевается тот образ, который говорящий хочет передать о себе (термин введён Гофманом). Содержание этого образа в разных культурах разное. Но принцип защиты лица определяет характер взаимодействия повсеместно, так как напрямую связан с защитой достоинства. Импозитивность как ситуация угрозы лицу, может актуализироваться в следующих случаях: коммуниканты социально отдалены друг от друга, один из них имеет более высокий социальный статус, чем другой, речевая деятельность одного из коммуникантов направлена на ограничение свободы и права выбора другого участника коммуникации. К актам, угрожающим лицу, можно отнести: директивы, критику, обсуждение деликатных тем, просьбы, отказы, выражение и приём благодарности и др..

В более поздних исследованиях данная категория рассматривается с точки зрения анализа дискурса и конверсационной прагматики, поэтому во главу угла ставится принцип уместности и культурной конвенциональности [Clyne 1994; Larjavaara 2007; Watts 2003]. Учёные рассматривают вежливость как средство адаптации нашего поведения к тому или иному типу взаимодействия, в который мы оказались вовлеченными, благодаря чему оно может быть уместным, соответствующим ожиданиям, и соответственно, направленным на поддержание взаимодействия между говорящим и слушающим.

Как категория вежливость уникальна тем, что имеет степени сравнения. По крайней мере, можно выделить три степени вежливости относительно различных ситуаций. Это, во-

первых, крайняя, преднамеренная невежливость или грубость (агрессия). Во-вторых, это нейтральная вежливость, подразумевающая огромное количество повседневных ситуаций, когда используются немаркированные с точки зрения вежливости, конвенциональные языковые средства. Использующего их человека нельзя назвать вежливым, однако того, кто их не употребляет, вполне возможно окрестить невежливым или грубым. И третья степень указывает на область исключительной, подчёркнутой, «видимой» вежливости [Larjavaara 2008: 468]. Удачной представляется классификация Т.В. Лариной на формальную, нейтральную и неформальную вежливости [Ларина 2009: 162–163] – в зависимости от регистров речи, добавим мы. Высказывание может не быть маркированным модификаторами вежливости, что не мешает нам отличить вежливую форму от невежливой: каждый уровень вежливости окрашен определённой тональностью, который определяется уместностью речевого акта.

Разные регистры речи могут содержать общие черты, которые и формирует тип вежливости данной культуры. При этом вежливость – одна из тех «тонких» областей, которые являются определяющими при сравнении культур [Larjavaara 2007: 466-475]. Средства выражения данной категории позволяют отразить отношение к основополагающим для языковой личности факторам – статусу, представлении о «радиусе» личного пространства, и тому, кто в это личное пространство входит, а кто нет.

Культурные различия, прежде всего, или различия в «картине мира», как нам кажется, создают различные пресуппозиции по отношению к одинаковым ситуациям. Разные подходы к решению одной и той же проблемы могут стать большой преградой для преодоления коммуникативного барьера, источником войны «культур» [Тер-Минасова 2008], как и различные способы реализации речевого акта [Wierzbicka 1985]. Мы всё время говорим о правильном способе построения ментального пространства, но нельзя забывать, что в разных культурах разные представления о ментальном пространстве вообще.

Классификация культурных различий может происходить по разным основаниям в разных науках, в т.ч. кросс-культурной психологии, исследующей т.н. культурные синдромы – специфические наборы ценностей. Г. Хоффстед выделяет следующие классификаторы культурных различий, отражающие общие социально-психологические черты общества: индивидуализм, дистанция власти, стремление к избеганию неопределенности, мужественность [Hofstede 1984].

При этом для индивидуалистических культур характерно стремление к отчужденности – негативности и дистанцированию, коллективных – общности и солидарности. Высокий уровень дистанции власти предполагает директивный стиль взаимодействия, низкий уровень – демократичный, принимающий во внимание мнения окружающих. Культура с низким уровнем избегания неопределённости создаёт более предрасположенную для конфликтов почву, чем

культура с высоким уровнем избегания неопределённости, где характерна формализация и стандартизация. Женская культура может быть проявлением солидарности и безынициативности, традиционности и стремления сохранить лицо, мужской тип культуры – индивидуализма и доминации (директивности). Данные факторы позволяют весьма обобщённо проанализировать степень открытости, сложности культуры. Изложенное выше позволяет представить, насколько по-разному в социумах оценивается факт угрозы лицу.

На основании различий в подходах к проблеме защиты лица выделяются следующие основные типы вежливости: позитивная или вежливость сближения, негативная или вежливость дистанцирования [Brown-Levinson 1978, 1987]. Позитивная вежливость связана с демонстрацией единства и солидарности с собеседником, с проявлением симпатии и даже «фамильярности», с подчёркиванием значимости слушающего. Стратегии позитивной вежливости выражаются в проявлении участия и интереса к слушателю, вовлечении его в дискурс, уважении желаний и склонностей собеседника, создании чувства принадлежности к коллективу. Для реализации такого типа вежливости характерно обращение по имени выражение симпатии, одобрения, согласия, прямота речевых актов. Стратегии негативной вежливости состоят в предоставлении свободы действий собсеседнику, подчёркивании его автономии, статуса, отчуждённости. В основе принципов выражения негативной вежливости – обращение с использованием титулов, использование косвенных речевых актов, смягчение высказываний, проявление уважения, вывод участников общения из дискурса и др.

Отнесение к определённому типу вежливости как категории конкретного языка носит несколько сомнительный характер, так как в культурах негативного типа можно найти черты позитивной вежливости и наоборот. При этом само по себе определение типа вежливости не даёт представления о конкретных способах реализации речевых актов, использовании основных принципов. Выражение одного и того же типа вежливости в разных странах может отличаться, в силу учёта указанных выше параметров культурного анализа, хотя общие черты также можно найти. Можно говорить о наличии определённых черт, проявляющихся в культуре.

В целом, к основным языковым средствам, выражающим вежливость, можно отнести: средства выражения модальности, вопросительные конструкции, пассивный залог, смещение временного плана как средство снижения прямолинейности высказывания, модификаторы и минимизаторы, лексические заполнители пауз, конечные формативы, используемые для подтверждения согласия собеседника и взаимопонимания. Маркеры усиления в большей степени используются для реализации стратегий позитивной вежливости [Brown-Levinson 1978,1987; Ларина 2009].

Таким образом, мы видим, что категория вежливости исследована в гораздо большей степени, нежели категория модальности. Очевидно, что возможно разделение категории вежливости на подтипы, и выделение особенностей выражения вежливости, характеризующих речеповедение в социуме. При этом речь может идти не только о способах реализации какого-либо типа речевого акта, следует ставить вопрос о возможности использования вообще некоторых типов речевых актов. Одно и то же лингвистическое средство может быть по-разному квалифицировано в зависимости от ситуации, и это будет показано в ходе работы.

Суммируя сказанное выше, мы **определяем вежливость следующим образом** – это сложное понятие, охватывающее различные уровни явлений языковой и внеязыковой действительности, **стратегия** определённого вербального и невербального поведения**,** соответствующая целям и задачам коммуникации, лингвокультурным нормам общества, при использовании которой коммуниканты учитывают принцип защиты лица собеседника.

1.6. Стратегия модальности вежливости

Выражение вежливости связано с необходимостью выстраивания качественных отношений с собеседником, решением определённых речевых задач. Вежливость не связана с истинностным отношением, поэтому её нельзя считать аксиологической категорией – вежливость не обязательно является выражением искреннего отношения говорящего к описываемому факту. Проанализировав принципы анализа категории вежливости, мы нашли параметры, которые позволяют охарактеризовать особенности выражения данной категории. Тем не менее, ни одна из представленных классификаций не может быть применима полностью к анализу языкового материала. Например, финская речь располагает чертами негативной вежливости [Hakulinen 1989: 199], но не всеми, и включает также черты позитивной вежливости.

Как принцип прагматического функционирования языковой личности в речи, вежливость подразумевает реализацию определённых языковых средств: отбор лексических, морфологических, синтаксических единиц для построения речевого акта.

По нашему мнению, в основе использования средств выражения вежливости лежит принцип представления чего-либо возможным или обязательным, относительным – модальные значения. Категории модальности и вежливости не полностью покрывают друг друга: модальность не всегда выражает только вежливость, однако в функциональном плане модальность, как правило, всегда передаёт некоторое отношение к проблеме вежливости. С другой стороны, вежливость выражается не только средствами модальности. Вежливость, сложную прагматическую категорию, следует представлять как радиальную, имеющую центр и

периферию. В центре, по нашему мнению, лежит именно модальность, она формирует высказывание, является его ядром. На периферии находятся многие, в т.ч. паралингвистические средства, но, будучи периферийными, они зависят от центра. Мы назвали наше исследование «модальностью вежливости», а не «вежливостью модальности» или «модальными средствами выражения вежливости», так как считаем, что модальность вежливости имеет право считаться функционально-семантической стратегией, имеющей системность, ограниченность, обладающей рядом признаков и средствами выражения.

Таким образом, **модальность вежливости** – коммуникативная стратегия, включающая комплекс функционально переосмысленных средств выражения модальности, направленная на построение эффективного вербального поведения, в основе которого лежит принцип защиты лица собеседника.

Коммуникативная стратегия модальности вежливости оперирует основными значениями и средствами выражения модальности и оказывает влияние на построение высказывания в целом, и выбор периферийных языковых средств, в частности, речевого этикета, в.

Осмысление модальности вежливости в прагматическом аспекте предполагает рассмотрение различных параметров речевого акта, связанных с говорящим и слушающим. Мы опираемся в нашей концепции на представление о том, что речевое общение тесно связано с понятием цели и осуществляется в условиях неполноты знания [Зеленщиков 2010].

Средства выражения модальности традиционно относятся к средствам выражения вежливости. Использование средств выражения модальности формирует такие черты коммуникации, как «..некатегоричность, или недоговорённость, недосказанность…» [Ларина 2009: 201]. Попытки сближения этих категорий делаются в работах М. Перкинса [Perkins 1983], Х. Кангасниеми [1992] и некоторых других. Данное словосочетание как устойчивое мы встретили лишь в статье М. Л. Маш «Модальность вежливости и смягчения в русском, английском и испанском языках» [Маш 2007], где оно не получает, всё же, терминологического статуса. В работе использование модальности вежливости связывается со смягчением. Но, как мы знаем из исследований категории вежливости, вежливость не обязательно подразумевает смягчение, она подразумевает конвенциональность.

Существует точка зрения, согласно которой значения, рассматриваемые нами, не являются модальными, именно потому, что подверглись переосмыслению [Петрова 2007]. В диссертации М.А. Петровой некоторые из средств модальности (предикаты) представляются как демодализованные, в т.ч. в рассматриваемых нами речевых актах просьбы, например, «Не могли бы Вы…?» и т.п. По нашему мнению, в данных случаях речь идёт всё же именно о выражении модальности в акте вежливости. Нам представляется, что генезис модальных

значений по сути своей таков, что изначально стремится к абстрактизации [Bybee…1998; Kauppinen 1998].

Подход к анализу вежливости, представленный нами, финской лингвистике неизвестен. Разные аспекты категории вежливости на материале финского языка изучаются достаточно активно. Нормы финского этикета описаны, например, в работах Луото, Корхонен, Лейво, Луукка, Никула, Турунен, Партанен [Korhonen 1996; Luoto 1996; Leiwo, Luukka, Nikula 1992; Turunen-Partanen 1995].

А. Хакулинен рассматривает общие принципы функционирования вежливости финского языка [Хакулинен 1989]. В общетеоретическом ключе рассматривает вежливость М. Ларьяваара [Larjavaara 1999, 2007].

Сравнительное исследование каузаций в финском и английском языках представлено в работе Р. Маркканен [Markkanen 1985]. Большинство современных работ, сделанных в области прагматики финского языка, опираются на пионерское в своём роде исследование В. Юли-Ваккури «Вторичное употребление грамматических форм финского языка» [Yli-Vakkuri 1986]. Несмотря на то, что с точки зрения использования современного языка работа является несколько устаревшей, она не имеет аналогов, и некоторые из выводов учёного, касающиеся прагматически верных способов передачи информации, являются важными также для описания форм выражения вежливости в настоящее время. Достаточно подробный анализ каузаций, релевантных с точки зрения выражения вежливости, приведён в работах П. Муйкку-Вернер [Muikku-Werner 1993, 1997]. В одном случае автор исследует только директивы и запросы, представляющие собой записи речи выступающих по телевидению [1993], а в другом – просьбы, высказанные финскими студентами и изучающими финский язык. Последнее исследование, представляет, таким образом, анализ представлений носителей и неносителей языка о формировании речевых актов. Это очень важные исследования для развития финской лингвистики в своём роде. Рассмотрению проблем выражения просьб посвящена диссертация Е. Петерсон [Peterson 2004]. К последним исследованиям вежливости в речевых актах следует отнести работу Йоханны Хаапала-Таннер [Tanner 2012]. В данных работах исследует степень адекватности конструкций, представленных в учебниках финского языка. Автор приходит к выводу, что изучать стратегии вежливости можно только учитывая ситуативные параметры, что подчёркивает актуальность наших исследований.

Большинство современных исследований на материале финского языка посвящено конверсационному анализу [Tiittula 1992; Tainio 1997; Tiililä 1999; Larjavaara 2008 и другие]. Это даёт новые возможности для рассмотрения вопросов вежливости, так как учёные исходят из принципа аутентичности представленного материала и учёта дискурсивных параметров

[Lappalainen, Raevaara 2009; Sorjonen, Raevaara 2006 и др.]. К сожалению, методика конверсационного анализа не даёт возможности для общей систематизации материала.

В сопоставлении с русским языком вежливость финского языка исследована не была, если не считать некоторых монографий, касающихся общих и, в основном, экстралингвистических особенностей [Турунен 2000].

Таким образом, мы видим, что пока что не существует единого исследования, позволяющего описать в целом принципы использования средств выражения вежливости в финском языке.

Задача нашего исследования – сделать обобщающие принципиальные выводы о конвенциональном речеупотреблении языковой личности на материале финского языка, руководствуясь модальностью вежливости как стратегией речевого поведения.

Мы придерживаемся мнения, что модальность вежливости отражает умение участников коммуникации эффективно строить взаимоотношения в ситуации общения. Ситуация общения в нашей работе находит выражение в анализе речевых актов.

1.6.1. Семантика речевого акта

Так как нас интересуют только возможности проявления стратегии модальности вежливости, а не анализ речевых актов в целом, мы обратимся к тем подтипам речевых актов, в которых проявление вежливости важно для поддержания межличностных отношений – то есть таким, в которых неконвенциональное выражение речевого акта может быть импозитивно для лица слушающего.

В данной работе мы сводим рассмотрение различных типов речевых актов к двум основным: побудительным и репрезентативным. Мы обращаемся к этим типам, так как именно для понимания принципов вариации их построения особое значение имеет фактор слушающего – основной для реализации принципа вежливости. Мы не обращаемся к застывшим формам, отражающим выражение речевого этикета, так как они не содержат модального значения и не могут входить в рамки настоящего исследования. Также мы не рассматриваем выражения экспрессии говорящего как таковые, это отдельная тема.

Задача побудительных речевых актов (директив, каузаций) – инициирование некоторого вербального или невербального действия, они объединены значением волеизъявления говорящего (термины, использующиеся в работах Храковского [2001], Корди [2004], Богданова [1990], Масловой [2008]. В силу того, что состав рассматриваемых единиц в данной работе достаточно разнороден, мы рассматриваем неинформационно-побудительный тип и информационно-побудительный тип директив отдельно – как побуждения к действию и побуждения к выдаче информации (запросы информации). Запрос информации предполагает

вербальный ответ на информационно-побудительную каузацию. Побуждение к действию – её выполнение или невыполнение агентом.

Мы используем именно термин *запрос информации* для уточнения типа речевого акта, при этом термин *вопрос* указывает также на форму высказывания, а не только на цель. (Целью некоторых вопросов, риторических, является утверждение). Вопрос может являться способом выражения как информационно-побудительного, так и неинформационно-побудительного типа речевого акта. Для нас важен неформальный подход, семантическое значение речевого акта.

Репрезентативные речевые акты (репрезентативы) представляют некое положение дел - отражают мнение, оценку говорящего. При этом говорящий берёт на себя ответственность за истинность суждения. Важность анализа репрезентативов сложно переоценить, ведь именно представление определённого положения вещей в некотором ракурсе может затронуть чувства собеседника.

В основе рассматриваемых нами речевых актов - ситуация, которую говорящий оценил, и, возможно, желает изменить или проанализировать и верит, что слушающий обладает достаточными ресурсами для её изменения или информацией для её анализа, или же ему требуется мнение собеседника.

Мы анализируем отношения говорящего и слушающего. В репрезентативных речевых актах подразумевается, что слушающему, по мнению говорящего, требуется информация, которую говорящий хочет предоставить. При выражении всех типов каузаций говорящий всегда является также каузатором (в наших примерах), слушающий может быть агентом действия, а может и не являться им. Агентом действия тогда может быть говорящий или третье лицо. Возможны ситуации, когда говорящий и слушающий являются предполагаемыми агентами действия. Агент действия становится переменной, важной для анализа принципов речеупотребления.

Причиной каузации может быть деятельность слушающего или желание говорящего. Заинтересованным лицом в выполнении каузации может быть только говорящий, а может быть слушающий. Возможен вариант взаимовыгодной деятельности. Рассмотрим подробнее параметры, которые определяют использование средств модальности вежливости в речевом акте. В основе использования параметров – оценка ситуации говорящим.

Значения, определяющие позицию говорящего:

- отношение (положительное/отрицательное) к какому-либо положению вещей;
-компетентностная достаточность говорящего для выражения репрезентатива или каузации
-уверенность говорящего;

Значения, определяющие позицию слушающего:

- отношение (положительное/отрицательное) к какому-либо положению вещей;

-свобода выбора действий слушающего при получении информации речевого акта;

-возможности для выполнения каузации, если слушающий – агент действия;

Значения, определяющие предмет речи репрезентатива или объект каузации:

-деликатность объекта речи при акте репрезентатива;

-степень полноты охвата объекта репрезентатива или директивы;

-трудоёмкость выполнения каузируемого действия;

-сроки реализации каузации;

-наличие препятствий для реализации каузации.

Данные значения влияют друг на друга, как было описано ранее. Факторы, связанные с позицией слушающего, оцениваются говорящим перед выражением речевого акта – перлокутивный эффект во многом обусловлен ими. Позиция слушающего после реализации речевого акта будет определять его дальнейшую роль как говорящего и т.д., так как в последующих речевых актах говорящий и слушающий поменяются местами – но это уже требует конверсационного анализа, который не входит в рамки данной работы.

Мы видим, что, помимо выделенных нами параметров (например, компетенции, свободы выбора) в представленных значениях по-новому классифицированы детерминирующие факторы, такие как реализованность действия, отношение к действию, облигаторность [Цейтлин 1990: 142–156]. Заметим также, что подобное деление не совпадает с классическим распределением на значения негативной и позитивной вежливости, как мы об этом упоминали ранее.

Данные факторы влияют на выражение модальности вежливости: чем больше уверенности вкладывает в свои слова говорящий, тем более импозитивным становится высказывание – если снижение импозитивности не предусматривается ситуационно. Если говорящий хочет сделать речевой акт более вежливым, он стремится предоставить слушающему большую свободу выбора. Реализация в речи параметров, определяющих выгоду говорящего, предполагает наличие определённых проблемных факторов, усиливающих модализованность высказывания и снижающих прямоту акта. Подобные проблемные факторы могут быть вызваны предметом речи или объектом каузации: деликатностью предмета речи или сложностью выполнения каузации; могут отразить отношения дистанцированности между говорящим и слушающим. Желательность действия для каузатора и его уверенность в наличии полномочий выразить каузацию ограничивает свободу выбора слушающего-агента. Высокая степень внутренних и внешних возможностей агента для совершения действия снижает трудоёмкость выполнения действия и снижает количество использованных модальных средств.

Таким образом, определение параметров, влияющих на выбор средств модальности вежливости, формирует стратегию коммуникативного поведения говорящего.

1.6.2. Дискурсивное значение речевого акта

Для описания возможностей выражения речевых актов необходимо подробнее рассмотреть ряд параметров, связанных с дискурсом [Хакулинен 1989а: 47]. Дискурс позволяет охватить ситуацию общения с разных сторон. В последнее время рассмотрение дискурса «как речи, погруженной в жизнь» [Арутюнова 2000: 137], то есть актуализированного текста, получило широкую популярность. В целом, дискурс может быть определён как взаимодействие участников общения с целью обмена информацией, оказания воздействия друг на друга, с использованием различных коммуникативных стратегий. Дискурсивный анализ подразумевает рассмотрение коммуникативно-когнитивных структур в определённом социокультурном контексте, что даёт возможность создавать фреймовые модели или сценарии, отражающие схемы поведения в различных ситуациях [Дейк 1989, Larjavaara 2007]. Могут быть выделены различные типы дискурса: институциональный и бытовой, профессиональный и другие. [Карасик 1992, 2000].

Необходимыми для нашего анализа дискурсивными параметрами, по нашему мнению, являются:

1. институциональный или бытовой характер общения;
2. отношения субординации между говорящим и слушающим;
3. роль акта в диалогово-текстовом единстве – контактоустанавливающая, рутинная, первичная, уточняющая.

Именно значения дискурсивного уровня определяют комбинацию семантических факторов, так как желательность, свобода выбора, компетентность и другие параметры по-разному комбинируются в речи одного и того же человека в зависимости от той социальной роли, которую он исполняет.

Рассмотрим подробнее представленные параметры.

1. Институциональный или бытовой характер общения

Общение может быть личностно-ориентированным (бытовым) и статусно-ориентированным (институциональным). Ядром институционального дискурса является общение базовой пары статусно неравных участников коммуникации [Карасик 1992, Peräkylä 1996, 1997]. Институциональное общение может происходить и между коммуникантами одного уровня – служащими института, и между представителем института и его клиентом - внешним лицом. Институциональным можно назвать любой вид общения между

представителями данных категорий, в том числе, и внутри группы. Важно, что один из коммуникантов выполняет институциональную роль.

Очевидно, что социальная институциональная роль предполагает наличие общих целей, потребностей, обязанностей участников коммуникации. В институциональных ситуациях агент и каузатор не могут выступить как суверенные субъекты со своими психологическими особенностями, они должны действовать в рамках своих ролей, подготовленно, осознанно, мотивированно [об этом: Винокур 1993]. Интересно, что способы речевого поведения, конвенциализировавшиеся для использования в институциональных диалогах, берут начало в бытовой, неинституциональной речи [Heritage 1984: 234–235]. Таким образом, анализируя институциональные речевые акты, мы имеем дело с продуктом, явившимся результатом развития социально-коммуникативных общественных отношений. Существование правил всегда упрощает процесс коммуникации, сокращая возможность выбора из ассортимента имеющихся средств выражения. Процесс общения в институциональном диалоге носит более стандартизованный характер, чем в бытовой речи, тем не менее, во многих случаях он схож с ней, а в чём-то принципиально отличается. Одна из задач данной диссертации – показать, что всё речевое поведение основано на психоглоссах.

Соблюдение правил вежливости в данном типе дискурса необходимо не только для обеспечения нормального взаимодействия между участниками коммуникации, но и для поддержания рабочего процесса. Во избежание конфликтов говорящему особенно важно, чтобы исполнение его ролевого поведения соответствовало ролевому ожиданию слушающего. К прагматическим компетенциям относятся знания о языковом регистре, допустимом в данной ситуации, социальных отношениях участников коммуникации и структуре построения дискурса. Несоблюдение правил коммуникации может привести к ухудшению качества труда или потере служащим его рабочего места. В связи с этим, в данных ситуациях к проблемным факторам следует отнести всё, что требует отклонения от конвенциональных норм поведения, сформированных у говорящего и слушающего пресуппозий относительно правил поведения в том или ином институте.

Применительно к настоящему времени можно выделить следующие виды институционального дискурса: политический, дипломатический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический и массово-информационный [Карасик 2000].

В нашей работе мы рассматриваем административный (взаимодействие между клиентами государственных учреждений и служащими, посетителями магазина и продавцами, служащими и читателями библиотеки) и деловой типы (общение между работодателем и подчинённым, представителями разных структур). В некоторой степени нами рассмотрен педагогический

дискурс (общение учителя и ученика, преподавателя и студента). С точки зрения модальности вежливости данные ситуации представляют интерес, так как в них общение происходит между представителями «лингвоактивных» [Формановская 2005] групп разного уровня. Мы охватываем ситуации: *клиент-служащий, служащий-служащий, служащий-руководитель, преподаватель-ученик.*

Цель административного дискурса — обеспечение исполнения полномочий представителей органов государственной власти. В финской лингвистике подробно рассмотрены случаи взаимодействия клиента и служащего институционального заведения (серия «Kieli kioskilla»). Работы финских исследователей Х. Лаппалайнен, Л. Раеваара, М. - Л. Сорьонен, А. Перякюля строятся на рассмотрении способов построения диалога, некоторых конверсационных особенностях, но в них не представлен анализ способов выражения вежливости в микроречевых актах, как таковой не произведён анализ грамматических и лексических средств выражения и не сделаны обобщающие выводы [Peräkylä, Sorjonen 2001; Sorjonen 2001a; Sorjonen, Raevaara 2006; Lappalainen, Raevaara 2009]. Подобные конверсационные исследования можно дополнить [об этом также Lehtinen 2007].

Примеров подробного лингвистического исследования делового дискурса финского языка мы не обнаружили.

2. Отношения субординации между говорящим и слушающим

Говорить об отношениях субординации между говорящим и слушающим достаточно сложно, так как это «подвижный» параметр [Храковский, Володин 2001]. Их роли могут меняться в процессе общения. Постараемся выделить ключевые моменты.

Социологами принято разделение на примарные и секундарные группы. В примарной группе, каковую представляет собой, например, семья, члены находятся в тесном взаимодействии друг с другом, чувство причастности к единому целому велико. Отношения между членами секундарных групп менее близкие [Allardt, Littunen 1972: 38–49]. Необходимость использования средств выражения вежливости в секундарных группах выше, чем в примарных. Общение в примарной группе может быть приравнено к бытовому общению между хорошо знакомыми людьми, даже если имеет место в институциональном заведении. Типичным примером общения секундарных групп является институциональное общение между статусно неравными коммникантами или бытовое общение между незнакомыми или неравными по ряду признаков людей.

Деление на группы происходит по различным показателям, которые являются культурно-обусловленными, например, по признаку положения, пола, возраста. Общение между коммуникантами такого уровня требует субординации, и в разных культурах

проявляется с разными степенями интенсивности. Так в метафарси [Иванов 1994] можно выделить три уровня вежливости, в зависимости от статуса собеседника, фактора его присутствия, а на более раннем уровне развития языка можно было выделить четвёртый уровень для шаха и отдельный уровень для иностранцев. Разграничение средств выражения вежливости по уровням характерно для культур восточного типа.

В финском языке статусность по каким-либо признакам не является определяющей для построения речевых актов и не нормирует общение. Высокий статус в институциональном общении как таковой не является причиной для постреления речевых актов определённого типа – так реализуется демократический принцип финского общества.

Речь может идти о смене регистра в секундарной группе, между незнакомыми людьми в бытовой ситуации. Тогда мы можем наблюдать переход от разговорных форм и выражений к более литературным, официальным, например, обращению *на Вы* к лицам пожилого возраста, представителям властей или при попытке увеличения социальной дистанции. Но этот переход обусловлен требованием ситуации, индивидуальными особенностями взаимоотношений говорящего и слушающего, а не неким статусом коммуникантов. Выходя из институциональной ситуации, представители секундарных групп могут образовывать примарные с разной степенью дистанцированности.

При этом возраст сам по себе не влияет на применение регистра: ребёнок может обращаться к взрослым *на Ты*. Обращение *на Вы* в финском языке рассматривается в ряде справочников по культуре речи [Leiwo-Luukka 1992]. Известный финский лингвист Садениеми так описывает это явление в 60-х годах 20 века: «…в западных диалектах это обращение возможно как к чужим, так и старшим представителям семьи. В восточных диалектах - это признак проявления особого уважения чужих, однако популярнее обращение в форме третьго лица ед. ч., ещё более вежливое …» [1968: 224–226]. Заимствованная из шведского, форма обращения *на Вы* вызывает неоднозначное отношение [Yli-Vakkuri 1986: 129], и, в целом, считается на данный момент устаревающей в финском языке, наряду с обращением к третьему лицу [Larjavaara 2007: 476]. На данный момент в финской культуре принято употребление *на Ты* также в тех ситуациях, в которых русский использует обращение *на Вы*. Наоборот, обращение *на Вы* является для носителя финского языка маркированным речевым средством. В наших буквальных переводах практической части мы используем форму второго лица ед. ч., хотя в аналогичной речевой ситуации в России уместней была бы форма *на Вы*.

Другой аспект, вызывающий вопросы – диалектные различия [Paunonen 1980; Forsberg 1998]. Диалекты имеют влияние на фонетическую форму речи, но не релевантны с точки зрения выражения вежливости, которая имеет единую структуру, как и литературный язык. Выбор языковых единиц в примарной группе, в т.ч. использование диалектных форм, может носить

индивидуальный характер. Замечено, что в силу своей профессиональной привычки преподаватели употребляют более литературные формы в повседневной жизни и ситуациях, не требующих этого [Lappalainen 2007] – это одно из проявлений индивидуализма в речи, профессиональное использование языка.

Особенности разговорной речи и статусность, связанная с возрастом или социальным положением, сама по себе не влияет в современном финском языке на принципы построения речевых актов. Поэтому для выбранного нами аспекта – модальности вежливости - данные параметры не важны, ведь мы анализируем ядро речевого акта, которое остаётся единым в независимости от регистра речи.

Таким образом, важным представляется разделение на институциональные и бытовые дискурсы, возможное выделение субординационных признаков в институциональной речи. Представителей одного статуса мы относим к примарной группе (служащий – служащий), отношения в этой группе могут быть тесными, а общение – близко к бытовому, если речь идёт об одном коллективе. Представителей разных уровней мы относим к секундарной группе (клиент – служащий, служащий – руководитель, руководитель – ученик). В административном дискурсе мы имеем возможность рассмотреть отношения только секундарных групп, в деловом – как в секундарных, так и в примарных. Институциональный дискурс мы разделяем на подтипы только в том случае, если есть различия в употреблении языковых средств.

В бытовом дискурсе мы также можем выделить примарные и секундарные группы в зависимости от степени знакомства между говорящим и слушающим. В целом, примарные группы институционального дискурса типа *служащий – служащий* совпадают с секундарными группами бытового дискурса. Мы считаем, что данные виды достаточны, чтобы отразить особенности коммуникации на финском языке – мы охватываем отношения между единицами разных уровней.

3. Роль акта в диалогово-текстовом единстве

С точки зрения анализа импозитивности как признака речевого акта важно уяснить роль конкретного речевого акта в макроречевом единстве – данном диалоге говорящего и слушающего и истории их общения в целом.

Мы выделяем следующие критерии оценки: контактоустанавливающий, рутинный, первичный, уточняющий характер высказывания. Данные критерии не носят взаимоисключающего характера.

Важно, является ли речевой акт контактоустанавливающим, то есть, ставит ли говорящий своей целью установление контакта со слушающим. Контактоустанавливающий

речевой акт может быть импозитивным, если говорящий и слушающий не знакомы или малознакомы.

К рутинным речевым актам мы отнесли те, которые указывают на события, регулярно повторяющиеся и хорошо знакомые говорящему и слушающему, они регулируют ежедневную рутину. Рутинные речевые акты не должны быть импозитивны.

Контактоустанавливающие речевые акты могут быть рутинными – тогда речь идёт о клишированных формах, указывающих на ежедневно повторяющиеся действия между знакомыми говорящим и слушающим.

Речевые акты могут быть первичными или уточняющими. В нашей работе под первичным речевым актом мы подразумеваем тот, который начинает новую, незнакомую для слушающего тему. Уточняющий – тот, который возвращает к уже начатому некогда разговору, это может быть повторная просьба, сопутствующий, дополнительный вопрос. Уточняющие речевые акты могут быть импозитивны, если требуют от слушающего дополнительных усилий, и неимпозитивны, если слушающий заинтересован в получении некоторой информации.

Данные характеристики не охватывают полный спектр отношений, на которые может указать роль конкретного акта, но они отражают возможные импозитивные для слушающего и опасные для коммуникации места. К таковым можно отнести установление контакта и начало разговора, обращение к новой теме и инициирование нового действия, дополнение и уточнение.

1.7. Средства выражения стратегии модальности вежливости

Для того, чтобы рассмотреть особенности построения речевых актов, необходимо заранее определить те средства, которые можно считать средствами выражения модальности вежливости. Говорящий выбирает их, руководствуясь семантическими и дискурсивными ограничениями.

Вежливость, в целом, является категорией вербоцентрической, так как за каждым речевым актом в итоге стоит действие. Поэтому многие средства передачи значений модальности вежливости также характеризуют предикативность.

Средства выражения модальности вежливости можно разделить на те, которые характеризуют модальное значение и те, которые моделируют данные значения и представляют собой немодальные категории.

Центральные средства модальности вежливости выражают значения возможности и обязательности (долженствования). К ним относятся наклонения, лексические модальные средства. Помимо центральных средств модальности вежливости мы выделяем также «спецификаторы», несколько переосмыслив значение первоначального термина [Мустайоки 2006: 298 – 342]. Они являются средством передачи уже обозначенных значений возможности и

обязательности, центральных средств выражений модальности вежливости. Функция данных «проводников» – организовать высказывание таким образом, чтобы основные значения модальности реализовались. Спецификаторы отражают следующие характеристики действия: вопросительность / утвердительность высказывания (безотносительно к типу речевого акта), категорию лица, утвердительность / отрицательность, определённость / неопределённость, результативность / нерезультативность. Данные значения могут быть выражены с помощью лексических, морфологических и синтаксических средств. Вопросительная форма выражает сомнение в возможности и обязательности, категория лица непосредственно связана с указанием на агента или каузатора, средства характеристики действия подразумевают дополнительные модификаторы, усиливающее основное модальное значение.

Рассмотрим возможные средства выражения модальности вежливости согласно выделенным типам значений.

1.7.1. Спецификаторы как средства выражения модальности вежливости

1.Вопросительная форма

Говоря о вопросительности и утвердительности, мы имеем в виду лишь форму, а не значение речевого акта, так как они могут не совпадать.

По формальным признакам вопросительные предложения зачастую невозможно отделить от утверждений: в разных языках вопросительные предложения строятся по-разному и отличаются от утвердительных благодаря интонации, особому порядку слов, использованию частиц, вопросительных слов. На материале финского языка функция вопроса исследована достаточно подробно. Вопросительность в финском языке определяет взаимодействие грамматических и лексических показателей, синтаксический порядок слов, использование частиц *ko/kö, han/hän* [Hakulinen, Karlsson 1979: 281-288; Penttilä 1963: 554-555; Kangasniemi 1992: 228-230]. Значение могут иметь интонация и ударение [Kangasniemi 1992: 227-228]. В конверсационном дискурсе анализ вопросов происходит в паре с ответами, то есть основным является дискурсивное, а не семантическое значение вопросительного предложения [Raevaara 1997; Sorjonen 2001a].

2. Категория лица

Говоря о категории лица, мы подразумеваем выбор между личными и безличными формами. Для нас важно, к какому типу из представленных ниже мы можем отнести выражение директивы или репрезентатива.

Типы речевых актов по способу выражения лица:

-ориентированный на говорящего (форма 1л. ед.ч. глагола)

-ориентированный на слушающего (форма 2 л., императив)

-инклузивный (1 л. мн.ч., пассивная форма)

-безличный (все неопределённо-личные конструкции, также пассивная форма)

(Классификация Blum-Kulka, House, Kasper [1989: 19]).

Таким образом, в некоторых высказываниях мы можем иметь дело с разными синтаксическими и семантическими агентами. С точки зрения защиты лица важным становится принцип вывода говорящего и/или слушающего из дискурса.

Согласно распространённому мнению, в финском языке наиболее типичными являются безличные стратегии – признак негативной вежливости, и инклузивные с формой пассива, так как формы 1л. мн.ч. практически не употребляются в обычной разговорной речи [Seppänen 1989: 203 – 204]. Их использование можно отнести к позитивной вежливости [об этом: Yli-Vakkuri 1986: 91, 181; Muikku-Werner 1993: 180-189].

К способам выражения безличной стратегии можно отнести использование неопределённых местоимений, безличных предложений (subjektiton lause – ‘бессубъектное предложение’), в которые входит тип обобщённо-личного предложения (позволим себе такой перевод термина *geneerinen lause*), пассивные конструкции и др. Интерес представляет использование способов выражения долженствования в безличных конструкциях [Vilkuna 2003: 281-286]. Они могут маркировать значения реализованности действия, практической необходимости [Laitinen 1993, 1995]. По мнению некоторых учёных, одним из значимых различий между индоевропейскими и финно-угорскими языками является распространённость в большинстве финно-угорских языков обобщённо-личного типа предложения среди несессивных конструкций [Koskinen 1998; Itkonen 1966].

В безличных высказываниях могут выступать предикативные конструкции, дополняющиеся инфинитивом-подлежащим или придаточным предложением: on mahdollista 'возможно', on ilmeistä 'очевидно', on todennäköistä 'вероятно', on lupa 'иметь разрешение, on pakko 'необходимо, on määrä 'небходимо, on hyvä 'хорошо бы', on aihetta ' есть причина', on viisasta 'было бы разумно ' и др. Они позволяют отразить с разных точек зрения субъективную эпистемическую оценку говорящего [Kangasniemi 1992: 19 – 263].

При использовании форм пассива семантическим агентом действия может быть: говорящий, слушающий, говорящий и слушающий вместе – в этом особенность финского языка [Nirvi 1947; Shore 1986]. Это и средство создания общего пространства, и средство вывода из дискурса говорящего и слушающего.

Можно выделить ряд черт, разграничивающих употребление пассива и обобщённо-личного предложения в финском языке. Обобщённо-личные предложения часто строятся с

модальными глаголами и немодальными, указывающими на чувства, состояния. Они могут указывать на то, что опыт говорящего может быть применимым повсеместно. Обращаясь к данной конструкции, каузатор может указывать на себя, а в некоторых случаях – на собеседника, в том числе, при выражении вежливых просьб [Hakulinen 1989 a]. Пассив указывает на множественность синтаксического агента, его использование характерно для ситуаций, в которых речь затрагивает группу, обобщённо-личная конструкция указывает на одного человека. Пассив описывает настоящую ситуацию, обобщённо-личное предложение подчёркивает возможность. Пассив указывает на то, каким образом что-то происходит согласно стандартам, традициям и привычкам коллектива. Обобщённо-личное предложение - на условия, касающиеся одного лица, которые он стремится распространить на группу [Shore 1986; Vilkuna 2003: 143-148, 138-143].

3. Утвердительность/отрицательность

С точки зрения нашей работы нам не важно разделение на обще- и частноотрицательные случаи [Пешковский 1956]. Нам интересно, может ли говорящий позволить себе прямое отрицание с точки зрения конверсационных норм. При этом, говоря об отрицании, мы имеем в виду отрицание некоего действия. Отрицание положения вещей мы не рассматриваем отдельно, с нашей точки зрения отрицание чего-либо - это также утверждение обратного.

Усилителями предикатного отрицания в финском языке могут служить модификаторы: koskaan ‘никогда’, vielä ‘ещё’ (не), mikään ‘ничто’, yhtään ‘совсем, вовсе’, kaan/kään ‘и не’ и многие другие.

С точки зрения интересующего нас аспекта отрицание исследовано мало. Отрицательные вопросы являются частью кода вежливости финского языка, они используются, как правило, в неформальной речи, хотя их использование незначительно [Yli-Vakkuri 1986: 231], в отличие от русского «Не могли бы Вы…». По мнению учёного, в риторических вопросах, по форме положительных, встречаются отрицательные элементы, местоимение mikään. В вопросах, по форме отрицательных, возможно использование частиц-клитиков, они могут иметь утвердительное значение [Yli-Vakkuri 1986].

4. Определённость-неопределённость

Определённость-неопределённость в финском языке является категорией, выражающейся, прежде всего, при помощи порядка слов, неопределённых местоимений. Хотя в финском языке нет артикля, для устной речи становится всё более характерным употребление в этой функции указательного местоимения *se* [Hakulinen 1989 c]. Говоря о порядке слов, мы, прежде всего, имеем в виду типы предложений, экзистенциальные и предложения с прямым

порядком слов. Предложения с экзистенциальной структурой дают возможность представить субъект действия неопределённым [Vilkuna 2003: 101-102]. В этой позиции он сближается с семантическим объектом. Экзистенциальная структура располагает к использованию партитива – парциального падежа в финском языке.

5. Результативность/нерезультативность

Идея выражения результативности является одной из важнейших для финского языка, и пронизывает всю падежную структуру [Leino 1987]. Прежде всего, это влияет на выбор падежа объекта, употребление местных падежей [Vilkuna 2003: 102-103, 118-129]. Признаками партитива являются конатативность, кратность, аннулированность, иррелевантность действия [Томмола 1986: 77 – 86]. Важное значение имеет структурно-семантический тип глагола [Томмола 1986: 106 – 166]. Действия можно разделить на целостные и предельные, указывающие на процесс и на результат, точечные [Vilkuna 2003: 102 – 103]. Неперфективность и партитивность - это признаки неполноты охвата действия, которые влияют на создание эффекта вежливости в финском языке [Yli-Vakkuri 1986].

Мы не рассматриваем подробнее данные категории, так как они лишь частично касаются предмета нашего исследования.

1.7.2. Центральные средства выражения модальности вежливости

Наклонения

Одним из наиболее значимых грамматических средств, характеризующих как отношения говорящего и слушающего, так и желательность выполнения чего-либо для каузатора, являются наклонения. Наклонения - это первая из грамматических категорий, которая была отнесена к модальным. Согласно наиболее распространённой точке зрения, наклонение отражает отношение действия к действительности с точки зрения говорящего. По морфологическим признакам к наклонениям в финском языке можно отнести индикативное, условно-желательное, потенциальное и повелительное/императив. Мы не относим к наклонениям типы речевых актов, значения отрицательных форм логично включаем в значения данных наклонений, и не используем отдельные названия (например, прохибитивы), как мы же упоминали, по нашему мнению, отрицание означает утверждение некой ситуации, обратной указанной в пропозиции. Типология, принятая нами, повсеместно используется в финской лингвистике, и мы не учитываем, например, классификацию РГ. Название условно-желательное, по нашему мнению, наиболее полно отражает весь спектр значений наклонения в финском языке, *кондиционала*.

Не все учёные выделяют императив как наклонение, так как он выражает скорее требование к совершению действия, а не его отношение к действительности по признакам релевантности / иррелевантности, то есть имеет апеллятивную, а не только экспликативную функцию, как другие наклонения. Особенно юссив, форма третьего лица повелительного наклонения, рождает спорные точки зрения. По мнению В. С. Храковского, все формы лица повелительного наклонения можно считать императивными [Храковский 1990: 185–243]. Мы считаем необходимым придерживаться в отношении императива такой же точки зрения и добавляем, что индикатив и условно-желательное наклонение также могут иметь апеллятивную функцию в некоторых ситуациях. Рассматривая императив, мы обращаемся, прежде всего, к формам второго лица – прототипичной форме императива. Случаи юссива, а также формы 1 л.мн.ч. крайне редки и практически не представлены в нашем материале. Специальная оптативная морфологическая форма, существующая в финском языке, не рассматривается нами, так как является устаревшей и не употребляется.

Традиционно условно-желательное и потенциальное наклонение относят к эпистемической модальности, а повелительное – к деонтической модальности.

Формы условно-желательного наклонения достаточно подробно изучены на материале финского языка. В ранних грамматиках финского языка, в том числе Сетяля, кондиционал рассматривается как средство выражения условности, а также вежливости, пожелания, сомнения, следствия, намерения, воображаемого действия [Setälä 1891]. В косвенной речи – для придания неуверенности, выражения будущего, передачи приказа [Kauppinen 1998]. Х.-Л. Матихальди отрицает наличие значения условности в семантике наклонения, выделяя как основное значение контрфактивности. Вариации этого значения рождаются под воздействием контекстуальных и прагматических факторов [Matihaldi 1979; Wiik 1981]. Х. Кангасниеми говорит о нон-фактивности и, отдельно, – о контрфактуальности наклонения [Kangasniemi 1992]. Упомянутые выше исследователи не считают условие основным значением наклонения.

В. Юли-Ваккури, описывая вторичное или аффективное использование модальных средств, замечает, что условно-желательное наклонение используется для того, чтобы поставить под сомнение или подвергнуть критике сказанное вторым лицом [Yli-Vakkuri 1986]. С другой стороны, наклонение позволяет смягчить категоричность некоторых суждений. Благодаря этому его можно считать одним из средств выражения вежливости.

Наиболее полно формы употребления кондиционала проанализированы в работе Кауппинен. По мнению учёного, главное значение наклонения – выражение намерения, основанное на семе «желательности» [Kauppinen 1998: 168–209]. К другим значениям можно отнести: оптативы, предположения, предложения, критику чужой речи и сомнение в истинности полученной информации.

В отличие от условно-желательного наклонения потенциальное менее употребительно и изучено. Х. Форсберг, рассматривая данное наклонение, приходит к выводу, что в наибольшей степени оно сохранилось в диалектах. Основным общепризнанным значением потенциального наклонения является оценка достоверности, содержащая некоторую степень сомнения. Наклонение употребляется в основном в утверждениях, но возможно его использование в вопросах, как правило, риторических, некоторых формах каузации [Hakulinen ja Karlsson 1979; Forsberg 1998]. В нашей работе примеров употребления наклонения этого типа крайне мало.

Императив и индикатив – это наименее маркированные с точки зрения выражения вежливости наклонения. Императив в современной финской лингвистике воспринимается, прежде всего, как речевая функция, прототипический способ выражения директивы, индикатив может нести императивную нагрузку, так как указывает на уверенность говорящего в истинности пропозиции [Matihaldi 1979; ISK и другие]. К сожалению, нет работ, посвящённых сравнению особенностей употребления императивного наклонения и условно-желательного, что представляло бы огромный интерес. Императив представляется достаточно импозитивной формой, тем не менее, он весьма употребителен в речи. Причины его использования мы постараемся рассмотреть в главе II.

Модальные глаголы

Модальные глаголы являются одним из основных лексических средств выражения модальности. Долгое время значение модальных глаголов приравнивалось к значениям наклонений [Forsberg 1998: 37]. Модальные глаголы более полно выражают отношение субъекта к пропозиции, чем наклонения, которые указывают, как правило, на отношение пропозиции к действительности, и могут являться средством выражения объективной модальности, согласно традиционным трактовкам модальности. Модальные глаголы как лексическое средство выражения модальности указывают на наличие в высказывании субъективного подхода, оценочности. Как пишет А. Флинт, модальные глаголы позволяют отразить то, как ожидания субъекта соотносятся с окружающим миром, как градуируются возможности агента относительно какой-либо деятельности или задач [Flint 1980: 62].

Проблематичным является определение модальных глаголов и ограничение данной группы. На первые работы о модальности в финском языке большое влияние оказала модальная логика. П. Сиро [1964] и А. Пенттиля [1963] не рассматривают семантику модальности и выделяют модальные глаголы на основе формальных признаков, синтаксических особенностей модальных глаголов. Модальными при таком подходе могут считаться разные по значению глаголы. Нам данные классификации представляются весьма интересными.

К модальным Сиро относит транзитивные глаголы, в качестве объекта у которых выступает краткая форма первого инфинитива, имеющая того же субъекта действия, что и модальный глагол. Сиро отмечает, что предложения, в которых есть данный модальный глагол, состоят как бы из двух предложений: модального и основного [Siro 1964: 91]. Среди модальных глаголов, рассмотренных Сиро, можно выделить выражающие отношение к пропозиции, например, *arvella 'полагать', tahtoa 'желать', tietää 'знать'* и выражающие возможность, такие, как, *tarjeta 'мочь, благодаря достаточной температуре воздуха', mahtaa 'мочь', jaksaa 'мочь', joutaa 'мочь', 'иметь время сделать что-то',* и глаголы с другим значением, как, например, *tavata 'иметь обыкновение', tavoittaa 'достичь'*. В более поздних работах П. Сиро, анализируя синтаксические особенности финского предложения, связь субъекта и предиката с точки зрения законов логики, рассматривает модальный глагол как логический модальный оператор на основании того, что модальный глагол выполняет функцию не обычного предиката, а модального оператора. Такой оператор содержит в себе значение возможности, обязательности или неуверенности, характеризующее действие следующего за ним глагола, или оказывает влияние на пропозицию, как и логический модальный оператор [Siro 1996].

По мнению А. Пенттиля, к модальным можно отнести глаголы, употребляющиеся в определённых типах предложения. Модальными он считает глаголы, в качестве дополнения которых могут выступать инфинитивы, выражающие явления природы в бессубъектных предложениях, например: Alkaa sataa / Rupeaa satamaan 'Дождь начинается'. Модальные глаголы вместе с инфинитивом могут употребляться в экзистенциальных предложениях. Например: Mahtaako hänellä olla rahaa? 'Могут ли у него быть деньги?'. В качестве субъекта предложений с модальным глаголом и инфинитивом может выступать придаточное предложение, например: Voi olla hyvä, että tulet mukaan. 'Может быть хорошо, что ты придёшь' [Penttilä 1963: 620 – 621]. Основанные на формальном подходе работы Сиро и Пенттиля не могут лечь в основу современной классификации модальных глаголов, однако, нельзя не отметить, что выделенные учёными глаголы отличаются своими синтаксическими особенностями и в некоторой степени моделируют значение смыслового глагола.

Согласно современной классификации, модальные глаголы выражают значения возможности, долженствования и желательности (по мнению ряда учёных). Многие особенности употребления модальных глаголов становятся очевидными из теории грамматикализации, например, изложенной в работе Байби, Пауглики и Перкинса [Bybee…1994]. Согласно их теории, основные модальные значения современных модальных глаголов развились из значений знания, движения со значением достижения цели в пространстве (прибытия), получения, существования, обладания, становления, намерения, обещания и неизбежности [Bybee..1994: 191 – 205]. Эти значения можно разделить на четыре

группы значений. По нашим наблюдениям, со всеми этими значениями связана идея результативности.

1) Глаголы со значением знания (совр. англ. *know - 'знать'*) развивались по схеме: знать – иметь власть – 'мочь' (англ.*can; may*). Они получили динамическое значение возможности сделать что-то.

2) Глаголы движения со значением прибытия (англ. *arrive - 'прибывать'*) и получения (англ. *get - 'получать', obtain - 'приобретать'*) в модальном значением также приобрели динамическое значение *возможности сделать что-то*. Позднее к значению динамической возможности, по мнению Байби, прибавилось деонтическое значение *иметь разрешение сделать что-то*. Данный вывод вполне соответствует законам модальной логики: всё, что разрешено, то возможно.

Значения этих двух групп глаголов близки. В первом случае знание даёт возможность что-то сделать, во втором – беспрепятственное получение или достижение чего-то в физическом мире. Можно сделать вывод, что значения глаголов, в результате получивших значение динамической возможности, были ассоциативно связаны в определённый момент времени со значением результативности.

3) К глаголам группы, включающей **глаголы существования, обладания и становления,** Байби относит значения английских глаголов *to be – 'быть', to become – 'становиться', to have – 'обладать'*. Глаголы с данными значениями в различных языках приобрели сначала значение *возможности*, а потом деонтической *обязанности что-то сделать*. Согласно исследованию, значения этой группы глаголов связаны с идеей судьбоносности, они указывают на важнейшую деятельность (существования и становления) и на присущие каждому функции (обладания чем-то).

Полагаем, что с этими глаголами также можно связать идею результативности, хотя с первого взгляда кажется, что они указывают только на процесс. Факт бытия и обладания чем-то может быть зафиксирован единовременно. Результативность можно связать с тем, что зафиксированные факты бытия уникального существа и обладания уникальной вещью действительны для каждого момента времени. Сущность уникального существа и вещи не изменить. Данная ситуация не изменима, статична и потому результативна. Можно существовать или не существовать, обладать или не обладать, но в меньшей или большей степени эта деятельность невозможна. Следовательно, глагол становления указывает на то, что что-то становится чем-то, обладающим уникальным набором характеристик, и факт этого указывает на результативность. Развитие из значения возможности значения обязательности также удовлетворяет правилам модальной логики: всё, что обязательно, то возможно.

4) Значения глаголов, означающих **неизбежность**, развились из значений глаголов, обозначающих **намерение и обещание**. Так, английский модальный глагол *should –'иметь обязательство сделать что-то'* употреблялся изначально только в форме первого лица для выражения обещания и намерения. Позднее он стал употребляться также в третьем лице и прошедшем времени для описания неизбежных событий прошлого. Деонтическое обязательство приобрели и другие глаголы, выражавшие когда-то неизбежность. Мы можем предположить, что данные глаголы тоже имели изначально результативное значение. По мнению Бенвениста, определённые глаголы (такие, как, например, *клясться*) в форме первого лица выражают принятие субъектом обязательства и близки к акту действия, однако те же глаголы в форме третьего лица просто описывают действие данного лица (Бенвенист 2002: 299-300). Глаголы намерения и обещания в форме первого лица указывают на действие, которое должно совершиться благодаря агенту в результативном смысле в будущем. На этом этапе за данными конкретными глаголами закрепилось значение совершенного вида. Очевидно, что описание событий прошлого предполагает использование глагола, имеющего результативный смысл: прошлое не изменить.

Итак, модальные глаголы развились из значений глаголов, указывающих на деятельность, приводящую к результату. Интересно, что используются модальные глаголы именно с целью указания на снижение результативности. Определённые модальные значения могут выражать будущее время. По мнению Байби, просто динамическое значение возможности сделать что-либо не может указывать на будущее, а деонтическое значение обязательности чего-либо может указывать на будущее. Из этого можно сделать вывод, что **будущее могут выражать глаголы движения, становления, существования** и **обладания.**

Эпистемическое значение – самое позднее из всех значений. Рассматривая развитие значений неэпистемических в эпистемические, учёные пришли к выводу, что, несмотря на изменение типов модальностей, интенсивность признаков их значений сохраняется (Bybee …1994: 195):

Динамическая и Деонтическая — *Эпистемическая*

Сильное обязательство ⟶ уверенность

Слабое обязательство ⟶ вероятность

Возможность ⟶ возможность

(физическая) (степень возможности пропозиции)

Именно это позволяет объяснить употребительность одних модальных глаголов по сравнению с другими.

Описанные выше пути и механизмы развития модальных значений не являются единственно возможными и обязательными для всех глаголов. Существование грамматикализации и развитие модальных значений можно объяснить желанием говорящего найти специфическое выражение для конкретной мысли (Bybee 1994: 281). Поиск особых способов выражения приводит к увеличению частотности использования данных средств в речи, что ведёт, однако, к потере языковыми единицами их специфического значения.

Современная классификация модальных глаголов представлена в работах Х. Кангасниеми, А. Флинт [Kangasniemi 1992; Flint 1980]. Кангасниеми ограничивает круг рассматриваемых им модальных глаголов следующими 14 глаголами: voida 'мочь', saattaa 'мочь', taitaa 'мочь', mahtaa 'мочь', pystyä 'мочь', kyetä 'мочь', päästä 'мочь', joutua ' в т.ч. быть вынужденным сделать что-то', sopia 'быть уместным', saada 'иметь разрешение сделать что-то'. Данные глаголы, несмотря на одинаковый перевод, имеют некоторые семантические оттенки значения, проявляющиеся в их употреблении. Помимо глаголов возможности Кангасниеми относит к модальным также глаголы долженствования: pitää ‘следует’, täytyä ‘должно’, tulla 'следует', tarvita 'нужно' [Kangasniemi 1992].

А. Флинт придерживается более широкого, чем Кангасниеми, представления о том, какие глаголы, выражающие возможность, можно отнести к модальным [Flint 1980: 64 – 115]. Она выделяет 45 глаголов возможности и достаточности, распределяя их по 12 семантическим группам. К группе глаголов, выражающих возможность сделать что-то благодаря **наличию времени**, она относит глаголы: ehtiä , ennättää , kerjetä (разг.), joutaa с общим значением 'успевать'. К группе глаголов, выражающих значение **нахождения/перемещения в пространстве** относятся: joutua 'попадать куда-то против своей воли', päästä 'попадать куда-то благодаря внутренним или внешним факторам', mahtua 'помещаться', sopia 'подходить', passata 'подходить' (разг.). Глаголы, выражающие **достаточность** чего-то для какой-то деятельности: kelvata 'годиться, быть достаточно хорошим', riittää и piisata (разг.) 'быть в достаточном количестве'. К глаголам, выражающим **разные степени возможности и уверенности говорящего** относятся: voida 'мочь', saattaa 'мочь', mahtaa 'мочь' (больше уверенности, чем в предыдущем), taitaa 'мочь' (ещё больше уверенности субъекта речи, чем в двух предыдущих вариантах). Значение возможности у следующих глаголов связано с наличием **способности** агента сделать что-то: osata 'мочь, благодаря умению', selviytyä ' мочь, благодаря умению применить конкретные знания в конкретной ситуации', pärjätä 'мочь справиться', päteä 'мочь благодаря законности, компетенции, обоснованности', pystyä 'мочь благодаря умственным способностям и душевным возможностям агента', kyetä 'мочь благодаря физическим способностям агента'. Значение возможности у следующих глаголов связано с наличием **энергии**: jaksaa 'мочь, преодолев усталость', viitsiä 'мочь, преодолев инерцию'. Значения

храбрости, уверенности указывают на причины того, почему какая-то деятельность, выраженная следующими глаголами, возможна: kehdata 'мочь, преодолев стеснение', iljetä 'мочь, преодолев робость', juljeta 'мочь, имея наглость ', tohtia 'мочь, осмелившись', rohjeta 'мочь благодаря храбрости'. Значение возможности у следующих глаголов связано с наличием у агента **терпимости к различным факторам, желания чего-то и одобрения чего-то**: hirvetä 'мочь посметь сделать что-то', uskaltaa 'мочь осмелиться на что-то', tarjeta 'мочь, благодаря достаточной температуре воздуха', kestää 'мочь выдержать что-то', kärsiä 'мочь вытерпеть что-то', sietää 'мочь вытерпеть что-то', suvaita 'мочь вытерпеть, благодаря внутренним представлениям', hyväksyä 'одобрять', sallia 'позволять', suostua 'соглашаться'. На **наличие или отсутствие чувствительности** к чему-либо у агента указывают следующие глаголы: hennoa – 'быть в состоянии сделать что-то, скрепя сердце', raaskia (разг.) 'мочь, преодолев жалость'. С наличием у агента **самообладания** связано выражение возможности у глагола malttaa ‘иметь терпение’. С **ценностным осмыслением действительности** связан глагол kannattaa 'стоить'. На значение **гармонии** указывает глагол viihtyä 'чувствовать себя хорошо, чтобы что-то сделать'.

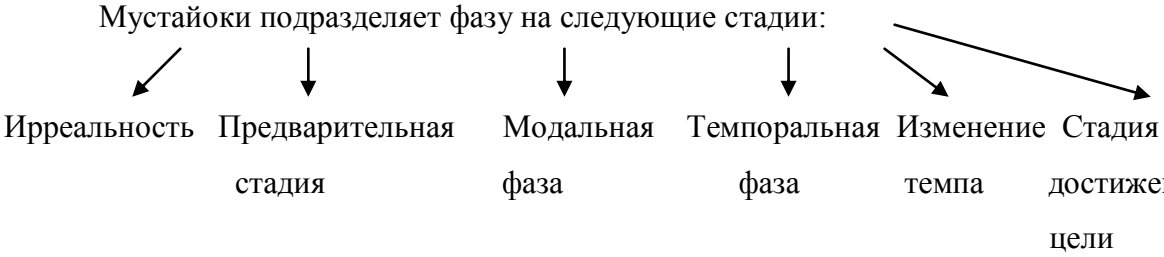
А. Флинт объединила глаголы на основе их общего семантического значения – возможности что-то сделать благодаря какой-то черте характера агента, его желанию или определённым внешним обстоятельствам. Все выделенные Флинт глаголы выражают динамическую модальность. Некоторые из приведённых глаголов выражают также эпистемическую модальность (voida, saattaa, mahtaa, taitaa). Модальные глаголы Флинт можно разделить на выражающие специфическое значение и выражающие общее значение возможности, универсальные. К последним относится вся группа глаголов, выражающих различные степени возможности и уверенности говорящего, и некоторые глаголы, выражающие общее значение каждый в своей группе, такие, как pystyä, kyetä, sopia, päästä. По мнению Кангасниеми, модальными не могут считаться глаголы с ярким специфическим лексическим значением (tarjeta, viitsiä).

Флинт подчёркивает, что наличие большого количества глаголов, выражающих возможность и достаточность и вместе с тем причину этого, является особой чертой финского языка. Многие из приведённых глаголов не имеют аналогичных лексических соответствий в других языках [Flint 1980: 2, 7]. Обилие подобных глаголов свидетельствует как о стремлении к экономии языковых средств, так и аналитичности языка, желании точно разграничивать причины различной деятельности [Herlin 2005]. Глаголы возможности и достаточности являются важным средством построения речевых стратегий. Замечено, что многие из этих глаголов употребляются с отрицанием, выражая, например, вежливый отказ с указанием причины [Kiuru 1977].

Составители описательной грамматики финского языка ISK придерживаются широкого подхода к пониманию модальности. Они относят к модальным глаголы, классифицированные как Флинт, так и Кангасниеми. Близкими к модальными можно считать глаголы полагания, выражающие предположения, знание, веру во что-то, такие, как, например, luulla 'полагать', tietää 'знать', uskoa 'верить, считать', и глаголы, выражающие намерение, желание, такие, как haluta 'хотеть', aikoa 'намереваться', выражающие индивидуальность восприятия: tuntua, vaikuttaa, kuulostaa ‘казаться, производить впечатление’ [ISK: 1501 – 1502]. Значение данных глаголов мало отличается от значения эпистемической модальности, передавая отношение субъекта к действию.

Представление А. Мустайоки [Мустайоки 2006: 262] о фазе, как семантической структуре, охватывающей разные стороны действия, от гипотетических представлений о нём до его реализации, позволяет вписать модальность и модальные глаголы в ряд глаголов, указывающих на определённую стадию действия.

Мустайоки подразделяет фазу на следующие стадии:



Ирреальность указывает на различные гипотезы относительно определённого действия. Она может быть выражена условно-желательным наклонением. **На предварительной стадии** агент обдумывает возможность выполнения определённого действия. Информацию о нахождении действия в данной стадии могут передавать многие глаголы, выражающие оценку, намерение, впечатление. На **стадии модальной фазы** «передаётся информация о наличии тех или иных модальных обстоятельств (необходимость, возможность, желание), определяющих мотивы и вероятность осуществления действия» [Мустайоки 2006: 263]. Модальную фазу могут передавать рассмотренные глаголы со значениями возможности и обязательности. **Темпоральная фаза** включает в себя начало и конец действия. На неё указывают глаголы *alkaa – 'начинаться' и loppua – 'заканчиваться'*, и другие, синонимичные с данными. **Изменение темпа** указывает на факторы, меняющие скорость выполнения действия. Её может выразить, например, глаголом *kiirehtiä – 'торопиться'*. На **стадии достижения** цели задача выполнена. На эту стадию действия может указывать совершенный вид глагола. Для рассмотрения модальности интерес представляют две соседние с модальной фазы. Можно сделать вывод, что область модальной фазы, в силу своего центрального положения и ёмкости значения, напрямую связана с субъектом и условиями протекания действия. Модальная фаза может распространять своё влияние на соседние области значений.

Предварительная стадия	**Модальная фаза**	**Темпоральная фаза**
Глаголы, выражающие намерение, оценку действия, впечатление.	Модальные глаголы	Глаголы, обозначающие начало\конец действия

Некоторые глаголы данных областей значений получают модальный оттенок значения. Глаголы, выражающие намерение, оценку действия и впечатление рассматриваются как близкие к модальным, о чём мы говорили [ISK].

Мы можем предположить, что при широком подходе к модальности, помимо глаголов классификаций А. Флинт и Х. Кангасниеми, как выражающие модальность вежливости могут рассматриваться глаголы, указывающие на намерение, оценку действия и впечатления, если они соотносятся с фазой действия и используются в директивах и репрезентативах. Подобные глаголы позволяют представить действие как не совсем реальное, находящееся в начальной стадии, неперфективное, то есть они могут ставить под сомнение возможность чего-либо и выражать значение эпистемической модальности.

Модальные наречия и частицы

Помимо весьма распространённых в устной речи модальных глаголов, очень употребительны модальные наречия и частицы, которые являются средством эпистемической модальности. К модальным наречиям можно отнести, например, следующие: muka 'якобы', tuskin 'вряд ли', ehkä 'возможно', kenties 'может быть', arvatenkin 'вероятно' , kai 'наверное', luultavasti 'вероятно', ilmeisesti 'очевидно', varmaan 'точно', vissiin 'определённо', toki 'всё же', ilman muuta ' без сомнения', tottakai 'конечно', ei ikinä 'никогда', ei millään 'никоим образом', ei kai 'вероятно нет', arvatenkaan ei 'скорее всего нет', ei sittenkään ‘всё же нет’ и другие [Hakulinen ja Karlsson 1979: 263]. Данные наречия в разной степени отражают уверенность говорящего в чём-то, позволяют передать сомнение, акцентировать внимание слушающего. С точки зрения своего прямого значения они исследованы достаточно полно, однако их роль в построении речевых актов рассмотрена мало. Некоторые стилистические особенности модальных наречий описаны в описательной грамматике финского языка [ISK 1518-1527].

Особого внимания заслуживаю частицы-клитики, употребительные в устной речи: kin 'и', 'же', 'тоже' , kaan/kään 'и не', s ‘а’,‘ну’ , pa(s) ‘ну и’ ‘даже’, ‘-ка’, han/hän ‘же’. Перевод частиц вне контекста достаточно затруднителен и не исчерпывается представленным здесь, так как в разных речевых актах они могут иметь разные оттенки значений. Помимо традиционных грамматик, коммуникативные особенности использования частиц рассмотрены достаточно подробно, в том числе, в работах, посвящённых выражению вежливости [например, Muikku –

Werner 1993,1997, Yli-Vakkuri 1986, Markkanen 1985], общим особенностям функционирования речи [Hakulinen 1989c], конкретному употреблению в определённых типах дискурса [Raevaara 2006].

Результаты этих исследований можно обобщить следующим образом. Частицы создают важные интерперсональные значения, позволяющие поддерживать диалог. В некоторой степени они участвуют в построении побудительных и репрезентативных речевых актов, маркируют социальные роли участников коммуникации. Так, можно сказать, что частица «ра» имеет достаточно неформальный характер. Частица *han/hän* может быть использована в разных стилях речи. Её употребление имеет следующие особенности:

1) Присоединяется к глаголам и «смягчает» утверждения, вопросы и приказы, указывая на известные истины.

2) Присоединяется к первому слову в предложении и указывает на вновь открывшиеся обстоятельства, имеющие отношение к данному моменту – используется в настойчивых утверждениях.

3) Использование частицы возможно, если говорящий и слушающий близкие знакомые, если говорящий по положению выше, чем слушающий. Поэтому в институциональной речи она возможна не во всех ситуациях [Hakulinen 2001e].

По мнению А. Хакулинен, использование частицы в приказах характерно для ситуаций, когда выполнение каузации необязательно [об этом также: Markkanen 1985]. Так, по мнению Хакулинен, использование пассивной формы без окончания для выражения директивного речевого акта указывает на абстрактную ситуацию, использование частицы делает ситуацию конкретной и необязательной с точки зрения говорящего [Hakulinen 2001e].

Употребление частицы в утвердительных предложениях указывает на её связь с иным контекстом. Она позволяет говорящему либо попытаться доказать свою правоту, отталкиваясь от противоположной точки зрения, указанной в контексте, либо использовать её как средство обоснования. Частица может являться средством обобщения, указывающим на то, что говорящий взывает к общеизвестной истине. То есть, частица может выражать два противоположных значения – согласие с ранее сказанным и несогласие.

Хакулинен выделяет среди утверждений основные типы речевых актов, в которых используется частица:

- Напоминание
- Уступка
- Разъяснение

Интересна разница между частицами *han/hän* ‘же‘ и *kin ‘и’*. Частица *kin* подчёркивает один из вариантов, находящийся наравне с другими, в то время как частица *han/hän* выделяет высказанное как самое важное обоснование. То есть, частица *han/hän* указывает на причинно-следственные связи акта и контекста, а частица *kin* – на однородность фактов, событий и т.п. При этом *kin* указывает на наличие ещё каких-то обстоятельств помимо того, на который указывают. Она не подразумевает, что факт, на который указывается, является общеизвестным, это скорее мнение автора. Частица *han/hän* может комбинироваться с частицей *kin*, при выражении противопоставления может использоваться частица *pa*. Если частица *han/hän* является средством, усиливающим мнение говорящего, то частица *pa* используется как средство противопоставления говорящего и высказанного факта [Hakulinen 2001e: 44 – 90].

Частица *s* напоминает обращение sinä [Yli-Vakkuri 1986: 124], и напрямую связана с поддержанием взаимодействия с собеседником. Это наиболее частотная частица финской речи, область применения которой – вопросительное предложение, вопросительное слово, заканчивающееся на гласную или вопросительная частица ko/kö, императивная форма глагола и частица *pa*. Согласно исследованиям, эта частица является средством смягчения вопросов и просьб [Matihaldi 1979], привносит несколько фамильярный оттенок [Penttilä 1963], напрямую связана с выражением вежливости [Lampinen 1990]. Она находит наибольшее применение в общевопросительных предложениях административного дискурса, но встречается также в частновопросительных, при этом в неинституциональном дискурсе частица встречается в два раза реже, нежели, чем в институциональном. Частица употребляется как среди членов примарных, так и секундарных групп, служащими, врачами и т.д. [Raevaara 2006a: 117 – 143].
Частица употребляется:
-в вопросах-напоминаниях
-риторических вопросах, утверждениях, при этом говорящий как бы ссылается на общеизвестные истины.

Л. Раеваара интересно прослеживает употребление частицы в дискурсе. Одним из значений частицы является употребление в вопросах-запросах информации, сопутствующих действию служащего – таким образом, процесс поиска информации становится общим как для говорящего, так и отвечающего, даже если последний не участвует в процессе. Другое значение частицы – переход к качественно новой теме разговора. Следовательно, частицы употребляется в инициальных, первичных вопросах, но не вторичных. Вопросы без частицы являются, как правило, уточняющими. В случае, если речь идёт о медицинском или педагогическом дискурсе, то с помощью вопроса, содержащего частицу, врач или педагог пытаются вывести собеседника на определённый ответ [Raevaara 2006a: 117 – 143].

Выше мы рассмотрели исследования, посвящённые анализу выделенных нами средств выражения модальности вежливости. Мы проанализировали имеющийся в нашем распоряжении неоднородный теоретический материал, касающийся истории исследования категорий модальности и вежливости, обнаружили точки их соприкосновения. Для понимания категории модальности большое значение имеет рассмотрение вопросов субъективности языка и функциональности высказываний, понятия языковой личности, сопричастности развития и функционирования языковой личности и культуры. Языковая личность, оперируя культурными навыками, знаниями из ментальных карт, выбирает необходимые средства выражения модальности вежливости.

Мы дали определение категориям модальности, вежливости и модальности вежливости. К последней мы отнесли значения возможности и долженствования, которые в призме прагматического аспекта могут приобретать значения желательности, намерения, компетентностной достаточности, вынужденности, условности, относительности, неопределённости и создают эффект вежливости определённого уровня, прежде всего, при выражении каузаций, запросов информации. Эти значения, относимые некоторыми учёными к различного рода модусам и модальным рамкам, по нашему мнению, относятся к выражению модальности вежливости.

Далее мы рассмотрим два основных типа речевых актов: побудительный и репрезентативный. Мы начинаем рассмотрение темы именно с побудительного типа речевого акта, так как он в большей степени требует обращения к средствам выражения вежливости. Репрезентативный речевой акт содержит мнения и реакции, следующие на посыл со стороны говорящего – зачастую директивный.

Наша задача – определить, как средства выражения модальности вежливости употребляются в данных речевых актах.

ГЛАВА 2. ЗНАЧЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ ВЕЖЛИВОСТИ В ПОБУДИТЕЛЬНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТАХ

Побудительные речевые акты, в том числе, когнитивные, прагматические и лингвокультурологические аспекты их изучения, достаточно широко рассмотрены на материалах разных языков [в работах: Вежбицка 1985; Остин 1986; Корди 1990; Корди 2004; Лайонз 2003; Ларина 2009; Храковский 1990; Храковский, Володин 2001; Цейтлин 1990; Blum-Kulka…1989; Searle…1985 и других]. Большое внимание уделено разработке теоретических аспектов: понятиям директивного поля высказывания, директивной ситуации, семантико-прагматической классификации побудительных высказываний, анализу с учётом различных параметров коммуникации.

Цель использования побудительных речевых актов – инициировать некое действие со стороны. Заметим, что в данной работе мы не принимаем разделение на оптативность, повелительность, необходимость и используем термин *побудительные высказывания, директивы* синонимично для указания на широкий круг явлений, которые могут включать значения необходимости и оптативности. Подробная классификация не входит в задачи нашего исследования.

На материале финского языка исследованы различные способы воздействия на слушающего, при этом большое значение в современных исследованиях уделяется ситуативным параметрам [ISK 2004; Kangasniemi 2002; Kauppinen 1998; Laitinen 1988, 1992, 1993, 1995; Lappalainen, Raevaara 1997; Markkanen 1985; Muikku-Werner 1993, 1997; Sorjonen… 2009]. Несмотря на наличие достаточно подробной классификации побудительных речевых актов [ISK], в финской лингвистике отсутствует принципиальное описание механизмов, объясняющих обращение к тому или иному типу в определённой ситуации.

Далее рассмотрим отдельно неинформационно-побудительные и информационно-побудительные речевые акты. Цель первых – каузация невербального действия, вторых – побуждение к выдаче информации. Таким образом, косвенные директивы, имеющие форму вопроса, мы относим к неинформационно-побудительным речевым актам, например: «Ты могла бы открыть окно?». Под информационно-побудительным типом мы подразумеваем только инициирование вербальной реакции ответа и акта предоставления информации, например: «Какой сегодня день?».

2.1. Неинформационно-побудительный тип

Директива – общий термин, описывающий различные виды побуждения. К директивам относят синтаксические типы, которые могут выражать приказы, запрещения, советы, напоминания, предложения, пожелания, рекомендации, предупреждения. Способами выражения директив являются лексические и грамматические средства.

В основе любого директивного акта – ситуация, которую говорящий - каузатор действия желает изменить и верит, что агент действия обладает достаточными ресурсами для этого. При этом каузатор и агент могут по-разному относиться к ситуации директивы – действие может быть выгодно для них или нежелательно, трудоёмко.

В рассматриваемых нами ситуациях говорящий является также всегда каузатором действия или входит в группу каузаторов и выступает от их лица. Слушающий может являться агентом действия (например, в приказах «Прочитай книгу…»), а может не являться. Тогда агент действия – говорящий (например, в запросах разрешения «Можно я возьму…»). Предполагаемыми агентами действия могут быть и говорящий, и слушающий (например, в предложениях «Давай пойдём…»). Агент действия является важной переменной, часто влияющей на выбор языковых средств. В наших примерах нет ситуаций, когда агент действия – третье лицо. В этом случае речевой акт начинает более напоминать информационно-побудительную каузацию и должен быть отнесён к этому типу. Следует уточнить, что мы рассматриваем только взаимоотношения говорящего и слушающего, то есть третье лицо, если оно существует, нас не интересует – параметры, связанные с ним, относятся к объекту каузации.

План выражения директивного акта можно разделить на следующие компоненты: номинацию действия, каузацию и мотивацию к выполнению данного действия. Соотношение данных компонентов, как и их выражение, зависит от ряда факторов, как внутреннего, так и внешнего характера.

Обратимся к внутренней характеристике. В.С. Храковский и А.П. Володин выделяют следующие принципы классификации побудительных речевых актов – три бинарных признака, на которые можно опираться при анализе: импульс каузации, заинтересованность или выгодополучение и субординация. Так как мы определяем субординацию как дискурсивный признак, нами он отнесён к внешним факторам.

1) Импульс каузации. Каузация может исходить от говорящего, а может быть ответной реакцией на инициативу участника коммуникации. Каузатор может быть источником, импульсом каузации, когда действие выгодно ему. Импульс каузации может исходить от агента действия, когда причина его возникновения связана с деятельностью агента. То есть, импульс каузации – источник возникновения директивной ситуации.

2) Заинтересованность. Помимо импульса каузации, следует также выделить выгодополучателя. В зависимости от типа ситуации получение выгоды может быть обусловлено либо социальной ролью участника коммуникации (объективно), либо его личными потребностями (субъективно). Исполнения каузируемого действия может желать либо каузатор, либо агент действия.

Ряд факторов отражает функционирование речевого акта как единицы дискурса:

1.Субординация. В каждом конкретном речевом акте говорящий может ставить себя либо выше слушающего, либо быть наравне с ним или ниже. Отношение субординации подвижно [Храковский, Володин 2001: 136–137]. Как мы уже говорили, отношение субординации в финской культуре носит зачастую индивидуальный характер, является принадлежностью институциональной речи и не маркируется ярко языковыми средствами.

2. Роль в диалогово-текстовом единстве: контактоустанавливающая, рутинная, первичная, уточняющая;

3. Тип коммуникативной ситуации: институциональной или бытовой.

Проанализировав различные признаки побудительных актов, мы пришли к выводу, что наиболее важными параметрами для анализа являются следующие (учитывая также изложенное в главе I):

Значения, определяющие позиции говорящего-каузатора и слушающего:

- импульс каузации и заинтересованность в каузации;

-компетентностная достаточность говорящего для выражения каузации, учитывая тип дискурсивной ситуации и фактор субординации;

-уверенность в возможности реализации каузации;

-определение агента действия.

Значения, определяющие объект каузации:

- характер каузируемого действия – сложность, степень полноты охвата действием, сроки реализации каузации;

-наличие препятствий и их источник;

-привычность выполнения каузации для агента действия;

-контактоустанавливающий, рутинный, первичный, уточняющий характер высказывания.

2.1.1.Использование императива

Императив – это прототипическое средство выражения директивы и способ прямой

каузации. По сравнению с ним, иные формы выражения побуждения являются в той или иной степени косвенными. На данный момент недостаточно изучено, в каких ситуациях в финской речи возможно употребление императива с точки зрения вежливости.

В рассматриваемых нами классических императивных ситуациях говорящий = каузатор, слушающий = агент действия. При обращении к императиву каузатор уверен в реализации или необходимости реализации директивы на сто процентов. Этот показатель характеризует также параметры желательности действия для каузатора, его представления о возможностях агента и достаточности собственной компетенции для каузации. Использование других наклонений снижает прямоту каузации со стопроцентного уровня до обусловленного ситуационно.

Мы пришли к выводу, что использование императива в финском языке характерно, прежде всего, для примарных групп: неформального стиля общения, в котором отсутствуют проблемные факторы. Рассматривая случаи употребления императива, мы обнаружили, что наиболее важным условием использования повелительного наклонения является то, что сам агент выполнения последующего действия является, по крайней мере, импульсом каузации: именно в связи с деятельностью агента возникает необходимость в выражении казуации. Соблюдение этого условия происходит как в примарных, так и секундарных группах.

Бытовая речь

Агент – импульс каузации

1. Агент - импульс каузации и выгодополучатель: *Mene sisälle Helena, minä hoidan tämän tyypin* [Hotakainen] ‘Проходи внутрь, Елена, я справлюсь с этим типом’; *Ota lisää kakkua!* [Н.А.] ‘Возьми ещё пирога!’; *Menkää erittäin varovasti sillä kadulla, jolla ei ole valoja* [Н.А.] ’Идите очень осторожно по той улице, на которой нет света’и т.д.

2. В следующих случаях агент, третье лицо или обстоятельства являются импульсом каузации, создающим условия и предпосылки для выражения каузации. Однако агенту выгодна реализация каузации: *Keskity… ajamiseen, et joskus…päästään tonteille* [Hotakainen] ‘Сосредоточься ты на езде, чтобы мы когда-нибудь добрались до участков’ (Ты так ведешь машину, что я вынужден сказать это); *Kerro Helenalle terveisiä!* [Н.А.] ‘Передавай Елене привет!’ (Вопрос выгоды вообще не релевантен - выгодополучатель третье лицо. Данное пожелание являлось ожидаемым, уместным и потому было произнесено); *Katsokaa minun vauvaani, minun esokoistani!*[Н.А.]. ‘Посмотрите на моего младенца, моего первенца!’ и т.д.

По значению императивные предложения неформальной устной речи могут быть разделены на:

-советы:

Ota taksi sieltä, missä oletkin [Н.А] ’Возьми такси там, где и будешь находиться’; *Astu eteenpäin. Vai haluutsä et joku tulee tohon väliin* [Hotakainen]? ’Сделай шаг вперёд. Или ты хочешь, чтобы

кто-то встал там, между?'; *Mitä sinä oikein mutiset? Puhu kunnolla jos sinulla on jotain asiaa!* [Lehtolainen]'Что ты там собственно бормочешь? Говори нормально, если у тебя что-то серьёзное (дело)!';

-инструкции: *Kerro lisää, niin katsotaan, miten voin auttaa* [Oksanen] 'Расскажи ещё, тогда посмотрим, чем смогу помочь'; *Laita seteli talousrahakippoon* [Kallio]! 'Положи купюру к деньгам на хозяйство'; *Kysele vähän mitä siinä on* [Н.А.]! 'Поспрашивай немного, что там!'; *Lisää se tähän* [Н.А.] 'Добавь это сюда';

-пожелания: *Älä ole noin hapan!* [Kallio] 'Не будь таким кислым!'; *Piristy!* [Härkönen] 'Взбодрись!'; *Pidä huolta itsestäsi!* [Kallio] 'Береги себя!';

-приглашения/предложения: *Ota kesäkurpitsa*! [Kallio] 'Возьми кабачок'; *Tulkaahan tänne istumaan* [С.Н.] 'Заходите же, сюда, садитесь'; *Istu alas!* [Hotakainen] 'Присаживайся'; *Syömään!* [Kallio] 'Кушать!'; *Ole kuin kotonasi!* [Kallio] 'Будь как дома'; *Iltapala alkaa olla valmista, käy pöytään* [Härkönen] 'Ужин почти готов, иди за стол'.

-разрешение/согласие, в данных речевых актах агент либо просит разрешения сделать что-то, либо разрешает, даёт согласие: *Anna minä puran kassit kun minun pitää kuitenkin tietää mitä tämän talon kaapeissa on* [Н.А.] 'Дай, я разберу пакеты, ведь мне надо всё-таки знать, что находится в шкафах в этом доме'; *Anna minun nyt jatkaa työtäni rauhassa* [Lehtolainen]'Дай мне продолжить спокойно работу'.

Возможны и отрицательные конструкции: *Soita ny, mutta älä lyä kauppaa heti lukkoon* [Н.А.] 'Позвони сейчас, но сразу не заключай договор' (согласно нашей концепции прохибитивы – это те же приказы, только отрицательные по форме); *Älä huolehdi! Olen tehnyt läksyt* [Lehtolainen]. 'Не беспокойся. Я сделал домашнее задание' и т.д.

Таким образом, мы видим, что значение императива – регулятивное, с его помощью каузатор пытается воздействовать на непосредственно существующую проблему. В рассмотренных ситуациях форма императива используется для выражения непосредственного перехода к действию.

Императив реже используется, если речь идёт об отсроченном действии. В таких ситуациях он принимает характер **инструкции-совета**: *Seiso sitten suorassa ja ota vastaan mitä annetaan* [Hotakainen] 'Стой же прямо и бери что дают'; *...jos sulla tosiaan tulee näitä ostoja niin säilytä noi kaikki kuitit nii* ...[Н.А.] '…если у тебя ещё будут, в самом деле, такие покупки, сохраняйте все чеки, тогда…'; *Kertokaa sitten ajoissa, mitä laulatte, niin voimme painattaa sanat ohjelmaan* [Krohn 1998] 'Расскажите тогда вовремя, что Вы поёте, и мы сможем напечатать слова в программе'; *Ilmoita sinä minulle, jos kuitenkin palaat viikonlopuksi mökille* [Härkönen] 'Сообщи мне, если вернёшься, всё же, на выходные в деревню' и т.д.

В приведённых предложениях мы видим указание на обстоятельства, при которых следует использовать инструкцию – она неким образом визуализирует императивную ситуацию, оправдывая употребление императива как средства регуляции.

Императив используется также в следующих случаях:

-пермиссивы, уступительные конструкции: *Uskokaa te mitä uskotte* [Krohn 1998] ’Верьте, чему верите’; *Tehkää mitä teette, tää on mun elämä ja mä päätän miten tän elän!* [Hotakainen] ‘Делайте, что делаете, это моя жизнь, и я решаю, как я живу’; *Tehkää te mitä lystäätte* [Oksanen] ‘Делайте, что хотите’ и т.д.

-агитационный призыв: Использование императива возможно в торжественных случаях, когда его цель - привлечение внимания: *Todistuksia toverit! Kertokaa, miten toteutatte haltuunoton omilla työpaikoillanne!* [Krohn 1998] ‘Доказательства, товарищи! Расскажите, как Вы осуществите захват власти на Ваших рабочих местах!’ *Tehkää taukoja, niin pitkiä kuin voitte, yksinkertaistakaa työprosessi, ehdottakaa, mitä muuta vois tehdä!* [Krohn 1998] ‘Делайте перерывы, настолько долгие, насколько можете, упрощайте рабочий процесс, предлагайте, что ещё можно было бы сделать’ *Älkää antako menneisyyden vaikuttaa tulevaisuuteen!* [Н.А] ’Не дадим прошлому влиять на будущее!’. *Muistakaamme rakkaita vanhuksia!* [Н.А.] ‘Давайте помнить о любимых стариках!’ и т.д.

Каузатор – импульс каузации и выгодополучатель

Только в примарной группе бытовой речи, когда нет угрозы лицу слушающего, императив может использоваться как негрубая форма выражения побуждения: каузатор считает, что у него достаточно прав для выражения требования. В данном случае требуется немедленно перейти к выполнению какого-либо действия.

-просьбы: *Sano nyt, että tämä kuulostaa loistavalta...* [Kallio] ‘Скажи теперь, что это блестящая мысль .. (*букв*. …это звучит блестяще) ’; *Sanoppas esimerkki!* ‘Приведи-ка пример’ [Härkönen] (Если утверждаешь, что прав);

- молитвы (по сути, просьбы): *Rakas jumala, älä anna pahan tapahtua* [Н.А.] *букв.* ‘Любимый Бог, не дай плохому случиться’ [Н.А.]; *Rakas jumala avaa ole kiltti букв.* ’Любимый Бог, открой, будь добр’. *Jumala: Anna sen tykätä minusta* ‘Господи: пусть я ему понравлюсь’[Н.А.];

- призывы, направленные на деятельность окружающих лиц: *«Lopettakaa» – huusi Laura, kun Sami kelasi kolmatta kertaa taaksepäin kohtausta* [Kallio] ‘Прекратите, – закричала Лаура, когда Сами промотал эпизод назад в третий раз’; *«Rauhoittukaa», sanoi Marko. Se on vain elokuva* [Kallio] ’Успокойтесь, – сказал Марко. Это только фильм’; *Anna suukko!* [Kallio] ’Поцелуй!’; *Silmät kiinni!* [Hotakainen] ’Закрой глаза’; *Päästä ulos!* [Oksanen] ‘Выпусти!’; *Älkää uskoko mitään mitä he sanovat!* [Oksanen] ‘Не верьте ничему, что они говорят!’;

- **угрозы –** импозитивны в отличие от рассматриваемых выше речевых актов: *Keitto on sitten huomiselle, katsokin, ettet syö tätä vahingossa!* [Hotakainen] ‘Суп тогда на завтра, и смотри, не съешь его случайно’; *Menen uimaan. Mene pois, häivy!* [Lehtolainen] ’Иду плавать. Отойди, исчезни!’ и т.д.

Подобные речевые акты не рассматриваются подробнее в нашей диссертации, так как нерелевантны с точки зрения вежливости.

Частотность употребления императива в ситуации каузатор = импульс каузации = выгодополучатель 30% из всех случаев употребления императива – ситуации, нерелевантные с точки зрения выражения вежливости. При этом речь идёт об **императиве немедленного действия.**

Институциональный дискурс

Агент – импульс каузации (Агент = слушающий)

Примеров употребления императива в институциональной форме общения значительно меньше, чем в бытовой, они характерны, например, для образовательного дискурса, в котором агент-слушающий является импульсом каузации. При этом императив не носит контактоустанавливающей функции, его регламентирующая роль связана с рутинными делами.

1. Образовательный дискурс

-инструкции: *Aloittakaa tekemällä taulukko* [Н.А.] ‘Начните, заполняя таблицу’; *Paapas se sinne* [Н.А.] ’Положи-ка это туда’; *Mitä se tarkoittaa? Kerro sinä, Kassu!* [Н.А.] ‘Что это означает? Расскажи ты, Кассу’ и т.д.

Возможно использование эллиптических предложений и вокативов, когда каузатор лишь напоминает о действии, о котором уже шла речь ранее: *(*В школе) *Palautetta hänelle…* [Н.А.] ‘Отзыв для неё’…; *Kommentteja!* [Н.А.] ‘Комментарии!’; *Matias!* [Н.А.] ‘Матиас!’ и т.д.

Обратим внимание, что в финских императивных предложениях невозможно употребление субъекта, указание на лицо возможно только после глагола (Markkanen 1985) . *Lue sinä sillä aikaa lehteä kun minä kirjoitan tämän loppuun* [Н.А.] ’Почитай ты эту газету, пока я допишу это до конца’ и т.д.

-напоминания: *Muistakaa se henkilökuvausharjoitus kello kymmeneksi* (школа) [Н.А.] ‘И не забудьте (*букв.* ‘помните’) - упражнение по составлению портрета человека - к 10 часам’ и т.д.

В данных случаях императив также используется как сигнал к активации определенного действия, предусмотренного рамками ситуации. Подобное использование императива характерно не только для школьного дискурса, но и для любого типа ситуаций учитель-ученик:

(спортивный дискурс): *Jännitä, palauta jarruttaen* [Н.А.] ‘Напрягите, верните медленно в исходное положение’ и т.д.

Соответствующее использование императива характерно для проповеди, наставления религиозного деятеля – но и в данном случае речь идёт об инструктаже человека, пришедшего за советом: *Kaikki, mitä teette, se tehkää sydämestänne* [Hotakainen] ‘Всё, что Вы делаете, делайте от сердца’ и т.д.

При этом стоит заметить, что инструкции относятся к регуляции непосредственных ситуационно-обусловленных дел. Другим типом дискурса, для которого типично подобное употребление императива, является взаимодействие врача и пациента. В медицинском дискурсе употребление императива связано именно с выполнением диагностирующей функции, когда действия пациента необходимы для проведения определённых процедур врачом. Здесь мы приведём несколько собранных нами примеров: *Hengitä sisään, hengitä ulos* [Н.А.] ‘Вдохните, выдохните (*букв*. вдохни, выдохни),’; *Avaa suu* [Н.А.] ‘Откройте рот *букв*. (открой рот)’ и т.д.

Группы учитель-ученик и доктор-пациент нельзя назвать примарными. Однако выгодополучателями в рассмотренных речевых актах являются пациент и ученик, они получают инструкции как ответ на образовательный запрос или запрос о помощи. Это снимает необходимость употребления средств выражения вежливости.

2. Деловой дискурс

В примарных и секундарных группах делового дискурса использование императива носит регулятивный характер, при этом очевидно, что директива не носит первичного характера – она является реакцией, относится к рутинным действиям агента и каузатора.

Агент – импульс каузации (агент=слушающий):

Речь идёт о действиях инструктивного характера, сопутствующих основной деятельности агента – дополняющих побуждениях-просьбах, следующих за основной: *Lähetä minulle osoitteseen…!* [Н.А.] *букв.* ‘Отправь мне на адрес…!’ *Sanoppas se häne henkilötunnus!* [Н.А.] *букв.* ‘А скажи-ка этот его личный номер’; *Kirjoita nämä tiedot ole hyvä ja muokkaa sivu oikean kokoiseksi!* [Н.А.] *букв.* ‘Запиши эти сведения, будь добр, и установи правильный размер страницы’; *Huomaa Marjan sähköpoistiosoite! Posti tulee minulle* [Н.А.] *букв.*’Обрати внимание на электронный адрес Марьи! Почта приходит ко мне’; *Lisää vielä punaisella merkitty lause* [Н.А.] *букв.* ‘Добавь ещё предложение, помеченное красным’; *Joo, tee varaus* [Н.А.] *букв.* ‘Да, забронируй’ и т.д.

-Императив может быть использован для выражения согласия на какое-либо действие: *Kysy* [Н.А.] *букв.* ‘Спрашивай’; *Joo, korjaa siihe* [Н.А.] *букв.* ‘Да, исправь там’; *Lisää niin, kiitos*

[Н.А.] *букв.* ‘Добавь так, спасибо’. Это форма согласия агента на определённое предложение, при сравнении с выражением инициативы, исходящей извне, мы видим, что импозитивный речевой акт требует смягчения: *Lisäisitkö sen sopimukseen?* [Н.А.] ‘*букв.* Не могла бы добавить это в договор?’ и т.д.

-Императив может быть использован и для выражения основной просьбы, но рутинного характера, без наличия проблемных факторов, требующих использования средств выражения модальности вежливости: *Laita minulle kopio* [Н.А.] *букв.* ‘Отправь мне копию’. *Laita kirje menemään* [Н.А.] *букв.* ‘Отправь письмо’ и т.д.

3. Административный дискурс

В секундарных группах административного дискурса (общение между служащим и клиентом) использование императива проявляется на уровне рутинного клише как инструкция: *Merkitkää nimenne…* [Kotus] ’Укажите имя…’; *Kuitatkaa tähän...* [Kotus] ‘Распишитесь здесь’ и т.д.

При этом распространены случаи эллипсиса глагола, как в ситуациях:

-служащий-клиент административного дискурса: *Nimenselvennys allekirjoitusviivan alle* [Kotus] ‘Расшифровка подписи ниже’; *sitte vaa allekkirjotus niin…* [Kotus] *букв.*’тогда только подпись и…’ (эллипсис глаголов в предложениях, носящих практически ”ритуальный характер”);

-клиент-служащий: *Punane ällämä, kymmene kappalee ….* [Kotus] *букв.*’Красный LM, 10 штук’ и т.д.

Помимо случаев эллипсиса следует также учитывать ситуации, при которых клиент не говорит ничего [Lappalainen, Raevaara 2009], или лишь обращается к агенту, протягивая материал, требующий работы: *Hei!* [Н.А.]’Здравствуйте’; *Tässä* [Н.А.] ‘Вот’. Хотя случаи невербальной коммуникации не являются предметом рассмотрения данной диссертации, можно предположить, что степень их рестриктивности совпадает с семантической загруженностью повелительного и индикативного наклонений. Ситуации, в которых вербальное выражение каузации не требуется, также как и в случаях с использованием императива рутинны и неимпозитивны, поэтому не требуют использования средств выражения вежливости.

Письменный дискурс

Письменная речь не является предметом нашего исследования, однако некоторые замечания мы хотели бы сделать в связи с практической значимостью вопроса. Типичным примером использования императива в письменной речи административного дискурса являются различные инструкции, например, в объявлениях: *Kuljettajat! Esittäkää rekisteriote passintarkastuksessa* [Н.А.] ‘Водители! Предъявите регистрационную выписку при прохождении

паспортного контроля’; *Älä tuo tarttuvia tauteja!* [Н.А.] ‘Не привозите (*букв.* не привози) заразные заболевания!’; *Aseta kortti kortinlukijaan* [Н.А.] ’Вставьте (*букв.* вставь) карту в считывающее устройство’ и т.д.

Другие источники императива - это справочные пособия, инструкции по эксплуатации: *Tarkista, että sähkökaapelit on tuotu moottorille* [Н.А.] ‘Убедитесь *(букв.* убедись), что электрические кабели подведены к двигателю’; *Kiristä muutterit* ‘Затяните (*букв*. затяни) гайки’ [Н.А.] и т.д.

Индикативные формы

Формы 2 л.

Одну из форм индикатива, второго лица ед.ч. и мн.ч. смыслового глагола, мы можем рассмотреть как альтернативу морфологической форме императива, она представляет действие как совершившееся. Данные высказывания имеют значение инструкций:

Бытовая речь: *Odotat siinä* [Oksanen] ‘Подождёшь там’; *Pistät nyt sen piiloon* [Hotakainen] ‘Спрячешь сейчас это’; *Ja torilta ostat siemeniä ja lähetät niitä!* [Oksanen] ‘И на рынке купишь семена и пошлёшь их!’ и т.д.

Институциональная речь: *Laitat tähä että oot työttömänä niin ku meillä näkkyy se ni ei tarvviim mittäät todistuksii tästä* [Kotus] *букв.* ‘Укажешь здесь, что ты безработный, так как у нас это будет видно, не потребуются никакие доказательства этого’; *Täyttelet tämän* [Kotus] *букв*. ‘Позаполняешь это’. Или форма обращения ко второму лицу через третье: *Ja Matias antaa palautetta* (школа) [Н.А.] ‘И Матиас даёт отзыв’ и т.д.

Формы 1 л. ед. ч.

Формы первого лица могут использоваться для выражения обещаний, согласий, которые, однако, не являются импозитивными формами. *Allekirjoitan sen keskiviikkona* [Н.А.] ’Подпишу это завтра’; *Soitan sinulle huomenna* [Н.А.] ’Позвоню тебе завтра’ и т.д.

Средства модальности вежливости в сочетании с формой императива

Императив и индикативное наклонение в побудительном значении являются ярким примером проявления уверенности каузатора в том, что он имеет достаточно компетенции для выражения каузации, каузацию возможно выполнить. Можно выделить ряд средств своеобразного смягчения императивной каузации, направленных на усиление диалогичности высказывания, вовлечение слушающего в процесс каузирования. Это достигается путём использования частиц.

1. Несколько смягчает использование императивных и индикативных форм частица han/hän ‘же’, ‘-ка’, ‘ведь’, достаточно характерная как для бытовой, так и для

институциональной речи. Анализ значений данной частицы, как и клитиков в финском языке вообще, неоднозначен. Мы считаем, что данная частица используется, если речь идёт о действиях, строго обязательных для выполнения с точки зрения каузатора.

Это форма «напоминания», отсылающая к общим для каузатора и агента сведениям: по мнению каузатора, агент должен понимать необходимость выполнения действия. Таким образом, основанием для каузации является общность фонда знаний каузатора и агента: *Muistathan, että tämä on savuton juna* [Н.А.] *букв.* ‘Ты же помнишь, что в этом поезде не курят’; *Muistattehan että voisitte maksaa ostoksenne myymälämme kaikille kassa pisteille* [Н.А.] ‘Вы же помните, что могли бы оплатить ваши покупки на всех кассах магазина’. Форма глагола «помнить» снижает рестриктивность директивы, но использование частицы усиливает «важность» объекта каузации – и каузатор полностью уверен в необходимости и возможности каузации.

Данная частица может быть использована и среди членов примарной группы: *Väistähän* ‘Отойди же’ [Lehtolainen]; *Muistathan …* [Hotakainen] ‘Ты же не забудешь’; *Mene nyt kotiin... Ymmärräthän sinä, että tämä hetki on aivan sopimaton* [Krohn 1998] ‘Иди сейчас домой …Ты же понимаешь, что данный момент совершенно неподходящий’.

Мы считаем, что за использованием данной частицы стоит очень важное для понимания модальности вежливости финского языка значение – «значение общего модального поля», когда и каузатор, и агент начинают действовать в едином пространстве «знания».

2. Есть ряд средств, которые позволяют смягчить использование императива и индикатива – в связи с определёнными обстоятельствами каузатор пытается сократить дистанцию по отношению к агенту.

Частицы-клитики и дискурсивные частицы

Другим способом смягчить директиву является использование частиц *s/pa/pas* ‘а’, ‘ну’ ‘ведь’,‘ка’, снижающих рестриктивность побуждения, однако, в отличие от частицы *han/hän*, типичной для секундарных групп административного дискурса, данные частицы используются только в неформальной речи для сопровождения выражения побуждения. *Kuulkas nyt, minulla on ollut kolme firmaa* [Hotakainen] ‘Послушай-ка сейчас, у меня было три фирмы’; *Katsopas tätä* [Н. А.] ‘А посмотри-ка сюда’; *Ootappas siinä on tota…*[Н.А.] ‘Подожди-ка, там это…’; *No kerropa* [Oksanen] ‘Ну, расскажи-ка’ и т.д.

Модификаторами смягчения могут служить также вводные слова, подчёркивающие, что импульс каузации, исходящий от агента, вполне совпадает с желаниями каузатора, и он не видит причин для того, чтобы действие оставалось нереализованным. Дискурсивные частицы toki ‘всё же’, nyt ‘ну’, vaan ‘а ну’, ‘конечно’, vain ‘ну’, ‘ка’и др. придают большую

убедительность императивным предложениям: *Menkää vaan* [Н.А.] ’Идите, конечно’; *Tule ihmeessä!* (sisään) [Н.А.] ‘Ну, заходи же! (внутрь)’ и др.

Данные частицы указывают, прежде всего, на согласие агента выполнить определённые действия. Использование частиц и вводных слов призвано сократить дистанцию между каузатором и агентом. Это периферийные средства выражения модальности вежливости, связанные с построением хода диалога.

Обороты типа *ole hyvä*

В учебных пособиях по финском языку распространено употребление фраз подобных *ole hyvä, olkaa hyvät, ystävälliset* в значении ‘пожалуйста, будь добр, будьте добры, будьте любезны’ и т.п. Однако, по нашим наблюдениям, использование подобных фраз в речи строго ограничено [см. также: Markkanen 1985]. Это может быть связано с тем, что в составе данных выражений имеется уже императив, поэтому они не могут рассматриваться в качестве аналогов русского *пожалуйста*.

Подобные выражения распространены в ситуациях невербального предложения, просьбы принять, обратить внимание на что-то, например, аналогично русскому: «Пожалуйста, Ваш чай», но не в ситуациях просьбы выполнить каузацию, как в русском «Пожалуйста, открой дверь». Это различие часто забывается изучающими финский язык. В значении просьб примеры употребления данных оборотов мы встречаем в незначительной мере, при этом они носят инструктивный характер и употребляются вместе с императивной каузацией: *Olkaa ystävälliset ja puhukaa* [Н.А.] ‘Будьте любезны и говорите…’; *Odota, ole hyvä, sivu latautuu* [Н.А.] *букв.* ‘Подожди, пожалуйста, страница загружается’ и т.д. Но и здесь мы видим, что агент является выгодополучателем, импульс каузации исходит от него – то есть, эти формы подчиняются описанным нами правилам использования императива.

Императив может употребляться для акцентирования внимания агента, не взывая к его лучшим чувствам. Например: *Kuulkaahan rouva…* [Н.А.] ‘Послушайте же, госпожа…’; *Kuule* …[Н.А.] ‘Слушай…’; Данные формы достаточно импозитивны, и не имеют отношения к выражению вежливости.

Выше мы рассмотрели возможности употребления императива. Важно, что императив – это яркое средство выражения уверенности каузатора в необходимости выражения директивы, возможности её реализации.

1. Каузатор уверен, что у него есть все полномочия, компетенции и права для выражения императива, что связано с нахождением с агентом в примарной группе – отсутствием отношений субординации или институциональной обязанностью каузатора.

2. Агент является выгодополучателем или импульсом каузации, использование императива подготовлено предыдущей ситуацией. Несмотря на институциональный характер дискурса и более высокий статус каузатора по сравнению со статусом агента, использование императива характерно только для рутинных просьб, вторичных, но не первичных и контактоустанавливающих. Императив является средством выражения регуляции поведения агента, и предполагает непосредственное исполнение.

3. Действие не представляет сложности для агента.

Именно эти параметры определяют употребление наклонения, однако, согласно нашим описаниям, присутствуют случаи использования «незамедлительного» императива. Хотя они не частотны, их употребление регулируется определением импозитивности предмета речи.

Императив может быть употреблен в следующих типах речевых актов, в которых учитывается принцип защиты лица агента: инструкциях, советах, некоторых просьбах и согласиях.

Императив используется чаще в бытовой речи. Если говорить о грамматических способах выражения императива в вышеуказанных формах, то следует заметить, что наиболее употребительной является форма второго л. ед.ч. Обращение с помощью императива к группе лиц носит апеллятивный характер или характер пермиссива.

При рассмотрении особенностей употребления императива/индикатива мы выявили следующие условия выражения директив.

1. Директива являются рутинной или уточняющей.

2. Агент является выгодополучателем.

3.Агент не является выгодополучателем, но каузация имеет характер инструкции (агент является импульсом каузации).

Таким образом, остаются нерассмотренными следующие области:

1. Директива является первичной, контактоустанавливающей.

2. Агент не является выгодополучателем, не является импульсом каузации.

3. Объект каузации имеет неизвестный характер.

К интересующим нас типам директив относятся просьбы и разного рода предложения, некоторые из которых можно выразить, прежде всего, используя вопросительную форму, модальные глаголы, некоторые частицы – такие побудительные речевые акты являются в определённой степени косвенными. Данные формы уже не могут быть в столь же высокой степени рестриктивными, как императивные, так как особенности их конструкции и семантическое значение будут смягчать директиву.

2.1.2.Просьбы

В финском языке отношения между разными социальными группами, а также отношения внутри групп регулируются перечисленными ранее дискурсивными параметрами, социальный статус агента при этом не имеет значения. Поэтому речевые акты просьбы и предложения в финском языке, по нашим наблюдениям, используются во многих случаях, когда, например, в русской речи место имел бы императив как тип речевого акта – прямое побуждение к действию, в т.ч. во многих бытовых и институциональных ситуациях.

Мы будем рассматривать случаи, в которых говорящий является каузатором, а слушающий – агентом. В случае, если они не будут совпадать, мы отметим это отдельно.

Обратим внимание, что речевой акт просьбы носит более импозитивный характер, чем предложение, так как при выражении просьбы выгодополучателем является каузатор, сложность реализации действия для агента зависит от ситуации, а желание агента реализовать каузацию не принимается во внимание. При выражении предложения агент может входить в группу выгодополучателей, по крайней мере, он может принимать решение о необходимости реализации каузации.

Мы можем выделить следующие дискурсивные ситуации в бытовой и институциональной речи, в которых может выражаться просьба: контактоустанавливающие, рутинные, первичные, уточняющие.

Для контактоустанавливающих просьб характерна высокая степень импозитивности – у каузатора нет уверенности в положительном ответе, поэтому их выражение характеризуется употреблением различных средств выражения вежливости. В этом случае мы говорим только об институциональном административном дискурсе, так как в бытовом дискурсе просьбе предшествует определённый коммуникативный блок, который снижает степень рестриктивности. В институциональной административной речи присутствие данного коммуникативного блока не предусматривается в обязательном порядке.

Первичная просьба указывает на то, что ранее директива агенту не каузировалась.

Для рутинных просьб характерно снижение степени импозитивности – речь идёт о регуляции рутины.

Уточняющие просьбы могут быть более или менее импозитивны, чем первичные – это зависит от того, кто является выгодополучателем при решении вопроса.

Мы рассматриваем речевые акты в порядке возрастания импозитивности.

Бытовая речь

Рутинные просьбы

Говорящий=каузатор

Слушающий=агент

Неимпозитивными просьбами являются те, которые указывают на часто совершаемые агентом действия, к выполнению которых он привык, которые не могут вызвать у него сложности и противоречить желаниям. Они регулируют повседневный быт: *Annatko rahaa?* [Н.А.] ‘Ты дашь денег?’; *Panetko oven kiinni?* [Н.А.] ‘Закроешь дверь?’; *Avaatko ikkunan?* [Н.А.] ‘Откроешь окно?’; *Laitatko salaattia?* [Н.А.] ‘Ты сделаешь салат?’; *Katsotko mitä radiosta tulee?* [Oksanen] ‘Ты посмотришь, что идёт по радио?’; *Käännytkö pari kertaa ympäri?* [Hotakainen] ‘Ты не мог бы пар раз повернуться?’ и т.д.

Данная просьба представляет по форме запрос информации, но основная задача каузатора – действие агента. Форма вопроса позволяет агенту дать отрицательный ответ на каузацию – косвенный характер директивы служит защите лица слушающего, активируя значение свободы выбора. Рутинность предмета речи такова, что невыполнение каузации не может обидеть каузатора слишком сильно и повлиять на межличностные отношения говорящего и слушающего. Но слушающий не ожидает отрицательного ответа.

Сравним данные формы с императивными. Императив используется в случае, если агент может безусловно и беспрепятственно выполнить некое действие: *Merkitse kalenteriin* [Н.А.] *букв.* ‘Запиши в календарь’; *Varaa meille hotellihuoneet* [Н.А.] *букв.* ‘Забронируй нам гостиничные номера’. Использование в этой ситуации вместо императива вопроса с глаголом в форме императива приведёт к превращению директивы в запрос информации. Нельзя также забывать, что императив используется в случаях, когда агент является выгополучателем или импульсом каузации – директива носит инструктивный характер, а не характер просьбы: *Laita takki mun pöydälle* [Н.А.] *букв.* ‘Положи пиджак мне на стол’.

В случае использования императива каузатор уверен в согласии агента выполнить что-то. Косвенная просьба с использованием формы вопроса говорит о том, что каузатор оставляет возможность того, что в данную минуту агент имеет препятствие выполнить каузацию. При использовании индикативного вопроса также очевидно, что агент не является импульсом каузации. В данных ситуациях отсутствует объективная сложность выполнения действия. Использование вместо индикативного вопроса императива означало бы грубое вторжение в пространство агента и являлось бы приказом.

Подобные косвенные просьбы с глаголом в индикативном наклонении и форме вопроса составляют в силу низкой степени выраженности вежливости лишь небольшую долю от общего числа директив. По нашим наблюдениям, более 70 % из них выражаются с помощью большего числа значений модальности вежливости. Тем не менее, данная форма индикативного вопроса как косвенная просьба встречается в два раза чаще, чем форма императивного наклонения.

Усиление импозитивности

Несмотря на то, что просьба носит относительно рутинный характер, она может усложняться при изменении параметров дискурса.

- Использование модальных глаголов

Просьбы с модальными глаголами реализуются только через вопросительные формы высказывания. *Pääsetkö huomenna perjantaina tulemaan ruokatauon aikana?* [Н.А.] ‘Ты сможешь завтра в пятницу приехать во время перерыва на обед?’; *Jaksatko katsoa vielä tätä?* ‘[Н.А.]Ты можешь смотреть ещё это?’; и т.д.

Несмотря на несложность объекта каузации, дополнительные средства модальности вежливости используются для их смягчения, в т.ч. в бытовой речи. Модальные глаголы, которые употребляются в этом случае, указывают на внутренние и внешние возможности агента, при этом агент-слушающий называется через форму 2 л. Абсолютную рутинность просьбы нарушает именно эта подчёркнутая зависимость от возможностей агента, которые в данную минуту могут быть недостаточны для реализации просьбы.

- Использование модального глагола возможности voida – ‘мочь‘

Достаточно характерно использование глагола *voida* ‘мочь’ и других глаголов возможности в примарных и секундарных группах бытовой речи. *Voitko avata oven?* [Н.А.] ’Ты мог бы открыть дверь?’; *Voitteko kertoa tarkemmin näistä mittareista?* [Krohn 2004] ’Вы могли бы поточнее рассказать об этих измерительных приборах?’; *Voitteko kertoa, mitä se tarkoittaa, minulla on siitä vain hämärä käsitys?* [Krohn 2004] ’Вы могли бы рассказать, что это означает, у меня об этом лишь смутное представление?’ и т.д.

Использование модальных глаголов при выражении просьбы создаёт впечатление переноса действия на более дальний срок, нежели при использовании немодального глагола. Непосредственный переход к действию может быть осуществлён словно бы после анализа возможностей агента.

Первичные просьбы

Напомним, что к первичным просьбам мы относим те, объект каузации в которых не связан с решением рутинных задач и которые открывают какую-то тему разговора.

- Использование условно-желательного наклонения

Если просьба, с точки зрения каузатора, в какой-то мере может противоречить желаниям агента и уже нерутинна, а ситуативно-обусловлена, то характерно использование условно-

желательного наклонения, прежде всего, с немодальными глаголами: *Tulisitko sinäkin jo nukkumaan?* [Kallio] ‘Не пойти ли и тебе спать?’; *Katsoisitko, onko meillä munia?* [Н.А.] ‘Ты не посмотришь, у нас есть яйца?’; *Ottaisitko pari printtiä tästä ja toisit mukanasi huomenna?* [Н.А.] ’Ты не взяла бы пару распечаток отсюда и не принесла бы их с собой завтра?’; *Tekisitkö minulle tämän palveluksen sadasta eurosta?* [Hotakainen] ‘Ты не смог бы оказать мне эту услугу за сто евро?’ и т.д.

Условно-желательное наклонение маркирует каузации, в выполнении которых говорящий более чем заинтересован – это прототипическое выражение просьбы в финском языке. При этом каузатор совсем не уверен, что имеет право высказывать каузацию – как в случае с употреблением индикативного наклонения. С другой стороны, условно-желательное наклонение также отсылает к наличию определённых внешних условий, гипотетической возможности для совершения каузации, а не к возможностям агента, как при использовании модальных глаголов в форме индикатива. Каузатор не предполагает, что агенту может быть выгодна каузация, и он хочет инициировать действие, заставить агента преодолеть возможные сложности, связанные с выполнением действия.

Просьбы с немодальными глаголами в форме условно-желательного наклонения указывают на более высокую степень вежливости, нежели просьбы с использованием модальных глаголов в индикативном наклонении.

Следует заметить, что индикативная форма модальных глаголов и условно-желательная форма немодальных глаголов по-разному выражают значения вежливости. Условно-желательная форма подчёркивает желательность каузации для каузатора и указывает на непосредственный переход к некоему действию. Но, если для использования императива при выражении директивы необходимы условия уверенности каузатора, его компетентностная достаточность, а агент должен быть, по крайней мере, импульсом каузации, то условно-желательная форма не требует удовлетворения данным условиям. Она свидетельствует о снижении степени уверенности говорящего, и каузатор сам является импульсом каузации и выгодополучателем.

При использовании модальных глаголов в форме индикатива каузатор считает, что возможность реализации действия зависит от желания агента, которое может быть обусловлено его внешними или внутренними возможностями, при использовании условно-желательного наклонения подчёркивается желательность действия для каузатора.

Индикативная форма модальных глаголов подчёркивает зависимость реализации каузации от ресурсов агента и представляет характер действия отсроченным – это неимпозитивная форма для агента, так как возможность сделать что-то оставляет также возможность что-то не делать.

Отрицательный ответ на вопрос с модальным глаголом возможности указывал бы на объективный недостаток возможности агента. Условно-желательная форма является значением, представляющим угрозу лицу каузатора, так как значение желательности импозитивно. Отрицательный ответ на вопрос с формой условно-желательного наклонения указывает скорее на отсутствие желания агента согласиться с каузатором, в данном случае отвечающий должен попытаться объективизировать причины отказа.

Поэтому каузации с модальными глаголами используются в менее импозитивных ситуациях, нежели с условно-желательным наклонением, и весьма расхожи в обыденной жизни, в том числе, в примарных группах: *Voitko antaa suolaa?* [Н.А.] ‘Можешь подать соль?’ и т.д.

- Условно-желательная форма модальных глаголов

Возможно усиление значений модальности вежливости благодаря использованию форм условно-желательного наклонения модальных глаголов. Просьбы с использованием условно-желательной формы модальных глаголов используются в более импозитивных ситуациях, чем просьбы с модальными глаголами в форме индикатива и немодальными глаголами в форме условно-желательного наклонения: *Etkö voisi käyttää muunlaisia vaatteita?* [Hotakainen] ‘Разве ты не мог бы надеть другую одежду?’; *Ehtisitkö näyttää sen joskus?* [Н.А.] ‘Ты не успела бы показать это когда-то?; *Voisitko poistua hetkeksi? Tulen päästämään sinut sisään* [Н.А.]’Ты не мог бы выйти на секунду? Я впущу тебя’; и т.д.

Данная форма используется, если каузация, очевидно, не просто вызывает у него дополнительные сложности агента, а невыгодна ему.

Мы можем сделать вывод, что в бытовой речи рутинные просьбы маркируются с помощью индикативного наклонения. Переход к первичным просьбам – более импозитивным – осуществляется с помощью условно-желательного наклонения.

Здесь следует оговорить следующую особенность использования условно-желательного наклонения: в утвердительной форме 2л. конструкция выражает лишь желательность действия для каузатора, к выполнению которого агент ещё не приступил. *Menisit jo* [Н.А.] ‘Ты бы пошёл уже’; *Kuuntelisit* [Н.А.] ‘Послушал бы‘ и т.д. В некоторых ситуациях данные формы могут звучать достаточно грубо – поэтому подобные речевые акты употребляются только в примарных группах, и не являются просьбами. В этом случае условно-желательное наклонение имеет значение лишь желательности действия для каузатора, и не имеет значение свободы выбора, заключенной в вопросительном предложении. Если бы мы добавили, например, союз ”jos” и получили бы форму *Jos menisit* [Н.А.] ‘Если бы ты пошёл’, то мы получили бы

выражение, которое могла бы скрывать просьбу. Если бы мы использовали модальный глагол: *Voisit…* [Н.А.] ‘Мог бы..’ в качестве ответной реплики, то мы могли бы получить разрешение. Данные формы не представляют интерес для нашей темы, так как разрешение не может быть импозитивно, хотя вся ситуация и несёт угрозу лицу.

Институциональный деловой дискурс

Говорящий=каузатор

Слушающий=агент

Рутинные просьбы

Принципы реализации рутинных директив в деловом дискурсе во многом совпадают с неинституциональным.

- Модальные глаголы в форме индикатива

В абсолютно неимпозитивных ситациях возможно использование форм индикатива немодальных глаголов. *Annatko henkilötunnuksen?* [Н.А.] ‘Ваш личный номер?’; *Teetkö käännöksen venäjäksi?* [Н.А.]’Сделаешь перевод на русский?’ и т.д.

- Использование модальных глаголов

Использование модальных глаголов, прежде всего, *voida,* связано с ситуацией, когда каузатор запрашивает наличие возможности агента выполнить что-то. В задачи агента, по всей видимости, может не входить институциональная обязанность выполнения каузации. *Voitko kääntää tekstin venäjäksi?* [Н.А.] ‘Ты мог бы перевести текст на русский?’; *Voitko muokata alla olevan tekstin?* [Н.А.] ‘Ты мог бы перевести на русский текст ниже?’;

Употребление модальных глаголов, имеющих помимо возможностного также дополнительное лексическое значение, создают впечатление, что агента просят сделать-то, преодолевая препятствие. *Ehditkö tulemaan?* [Н.А.] ‘Успеешь приехать?’; *Ehditkö printata?* [Н.А.] ‘Успеешь распечатать?’ и т.д. Глагол ehtiä ‘успевать’ указывает на внешнюю возможность сделать что-то благодаря наличию времени. Глагол pystyä ‘мочь, благодаря внутренним возможностям’ отсылает к внутренним возможностям агента. Говорящего интересует, в какой степени слушающий готов реализовать определённое действие, несмотря на то, что оно может быть сложным для него или противоречить желаниям: *Pystyttekö kertomaan mahdollisimman tarkasti, mitä näitte?* [Hotakainen] ‘Вы в состоянии рассказать как можно точнее, что Вы видели?'; *Pystytkö muokkaamaan…?* [Н.А.]’Ты сможешь обработать…?’ и т.д.

- Употребление глагола saada – ‘мочь ‘

Отметим ряд особенностей институциональной речи. Весьма употребительным является использование глагола *saada* ˈполучатьˈ как немодального глагола в форме 1 л. ед.ч. *Saanko liitteestä käännöksen venäjäksi maanantaiksi?* [Н.А.] *букв.* ‘Получу ли я перевод приложения на русский к понедельнику?’; *Saanko käännöksen suomeksi?* [Н.А.] *букв.* ‘Получу ли я перевод на финский?’; *Saanko merkityt kohdat käännettyä venäjäksi?* [Н.А.] *букв.* ’Получу ли перевод на русский выделенных мест?’ и т.д.

Эффект вежливости данных конструкций создаётся за счёт вывода агента из дискурса: ответственность не перекладывается на плечи реального исполнителя. Однако, сам каузатор, благодаря семантике глагола, тоже остаётся только получателем услуги. В рассмотренных примерах каузатор, по всей видимости, считает, что могут существовать некие препятствия для выполнения агентом действия. Например, каузируемое действие не входит в компетенцию или круг обязанностей агента, реализация побудительного акта иным образом обременительна.

Использование формы 2 л. в данном значении возможно, но малохарактерно, частотность составляет примерно ¼: *Saatko maanantaina minulle?* [Н.А.] ‘*букв*. Можешь ли мне (доставить) в понедельник?’.

- Перформативы

Использование перформатива недостаточно характерно для финской речи и свидетельствует о проявлении неких особых проблемных факторов, исключительности просьбы и дистанцированности каузатора от агента: *Pyydän kääntämään* [Н.А.] ‘Прошу перевести’; *Pyytäisin tarkistamaan kohtaa* [Н.А.] 'Просил бы проверить этот пункт’ и т.д. Эти формы возможны лишь в ситуациях «руководитель – подчинённый». Но мы относим их к особым рутинным просьбам, так как они имплицируют тот факт, что деятельность агенту знакома. В качестве первичных просьбы с перформативами не могут быть использованы, так как они весьма импозитивны для агента - у него нет возможности отказаться. Это особый тип просьбы, здесь мы видим использование формы 1л. глагола и утвердительный тип предложения.

Усиление импозитивности

Первичные просьбы

В описанных ниже случаях мы видим, что просьба перестаёт носить рутинный характер, и ранее не представлялась агенту.

- Форма условно-желательного наклонения немодальных глаголов

Условно-желательное наклонение используется, как мы наблюдаем, если каузация имеет особое значение для каузатора, а объект каузации носит характер неожиданности для агента: *Ehtisitkö kääntää?* [Н.А.] ‘Ты не успела бы перевести?’; *Kääntäisitkö?* [Н.А.] ‘Не перевела бы?’ *Katsoisitko onko teillä August Strindbergin ”Hyvien ihmisten kaupunki” ruotsiksi?* [Н.А.] ‘Вы не посмотрите, у Вас нет книги Августа Стриндберга «Город хороших людей» на шведском?’, *Miten saataisiin asia hoidettua?* [Н.А.] ‘Как мы могли бы уладить дело?’; и т.д.

Первичные просьбы указывают на ситуации, в которых говорящий инициирует новую для слушающего каузацию.

- Использование модальных глаголов в форме условно-желательного наклонения

Для первичных просьб делового дискурса (как примарного, так и секундарного уровня) характерно использование в форме условно-желательного наклонения модальных глаголов, указывающих на некий внешний фактор, влияющий на возможности агента совершить действие. К данным факторам относится: время, отсутствие препятствий, общий запрос возможностей (менее импозитивная ситуация). Таким образом, каузатор стремится избежать вопроса о желательности или нежелательности чего-то для агента, во-первых, защищая его личное пространство, во-вторых, защищая межличностные отношения: *Ehtisitkö kääntää tämän?* [Н.А.] ‘ Ты не успела бы перевести? ’; *Pääsisitkö tulemaan?* [Н.А.] ‘Ты не смог бы приехать?’; *Voisitko tehdä minulle .....kartoituksen?* [Н.А.] ‘Ты не мог бы сделать для меня исследование?’ и т.д.

Формы условно-желательного наклонения весьма распространены в институциональном дискурсе – в большей степени, чем в бытовой речи. Но рутинные вопросы они не маркируют.

- Использование предикативной конструкции ”on mahdollista” – возможно

Употребление подобных безличных конструкций с выводом каузатора и агента из дискурса относится к ситуациям высокой импозитивности, в которых каузатор применяет стратегию «негативной вежливости», дистанцируясь от агента – они свойственны, прежде всего, институциональной речи. Каузатор ссылается на наличие некой общей внешней возможности сделать что-то, будучи совсем неуверен в правомочности просьбы: *Onko mahdollista saada muutama näyte?* [Hotakainen] *букв.* ‘Возможно ли получить несколько образцов?’; *Onko mahdollista lopettaa?* [Härkönen] *букв.* ‘Возможно ли закончить?’; *Mitenkähän mahdollista saada näihin ...muutama näyte? Perheeni odottaa autossa...* [Hotakainen] ’Есть ли какая-то возможность несколько образцов положить в эти… Моя семья ждёт в машине’; *Voisi laittaa yleisesityksen...* [Н.А.] ‘Можно было бы отправить общую презентацию…’; *Olisiko*

mahdollista laittaa suoraan PDF:iin? [Н.А.] ‘Было бы возможным сделать прямо в PDF-форме?’ и т.д.

Предложения с предикативными конструкциями безличного типа и обобщённо-личные предложения позволяют каузатору избежать прямого обращения за помощью к слушающему – тот волен выбрать в качестве агента постороннее лицо. Вопрос возможности чего-либо вместо просьбы сделать что-то является в высокой степени косвенной просьбой.

- Употребление предложений экзистенциального типа

Экзистенциальные утверждения, также как и безличные высказывания, позволяют вывести из дискурса агента и каузатора: *Tässä olisi tekstejä kääntämistä varten* [Н.А.] *букв.* ‘Здесь тексты для перевода’; *Tässä olisi se kirje…* [Н.А.] *букв.* ‘Вот было бы то письмо…’ и т.д. Каузатор, протягивая агенту предмет каузации, утверждает факт наличия предмета, а не просит – агент должен догадаться, что ему следует провести определённые действия над объектом каузации.

Контактоустанавливающие просьбы

К контактоустанавливающим просьбам институционального дискурса мы отнесли те, в которых просьба первична по характеру, но при этом она выполняет также фатическую функцию – речь идёт об установлении отношений между прежде незнакомыми или малознакомыми говорящим и слушающим. Это достаточно импозитивная ситуация.

Выражение вежливости в данных конструкциях слагается из следующих составляющих: общий вопрос, как правило, имеющий экзистенциальную конструкцию, благодаря которому возможен вывод из дискурса участников коммуникации, а также использование условно-желательного наклонения: *Onko sinulla aikaa kääntää minulle tekstejä?* [Н.А.] ‘Есть ли у тебя время переводить тексты для меня?’. *Olisiko sulla aikaa kääntää seuraava dokumentti?* [Н.А.] ‘Не нашлось ли бы у тебя времени перевести этот документ?’ *Olisiko sinulla kiinnostusta tehdä .....?* [Н.А.] ‘Было бы тебе интересно выполнить ….?’ и т.д.

Использование бытийных конструкций призвано защитить лицо говорящего и слушающего: некая ситуация словно бы имеет место быть вне зоны их ответственности. Возможности агента выполнить какое-либо действие зависят от наличия у него времени и желания, но ничего не говорят об отношениях между каузатором и агентом. Форма индикативного наклонения имеет более прямой характер, нежели форма условно-желательного в запросе информации, которая свидетельствует о большей заинтересованности каузатора: он просит агента преодолеть возможные трудности, связанные с выполнением директивы, и реализовать каузацию.

Институциональный административный дискурс

В институциональном административном дискурсе все инициальные просьбы клиента следует считать контактоустанавливающими. Следующие за ней – уточняющими, так как они дополняют первую просьбу. В каждом случае директива является контактоустанавливающей для клиента, а для служащего она может быть рутинной, но средства её оформления зависят от представлений клиента. Все просьбы служащего являются уточняющими (сопутствующими решению проблемы клиента).

Контактоустанавливающая просьба - выражение причины визита

Средства выражения причины визита во многом зависят также от того, каков тип действия ожидается от служащего: информационная поддержка, работа с документами, просит ли посетитель разрешить некую инициативу или инициировать работу служащего. Мы можем выделить несколько синтаксических подтипов для выражения причины визита: утверждение некоторого факта как косвенный намёк служащему на необходимость выполнения каких-то действий или прямое выражение просьбы как потребности клиента.

Рутинные просьбы

Несмотря на то, что просьба контактоустанавливающая, если клиент считает вопрос рутинным, он снижает степень импозитивности.

Если у клиента имеется на руках некий документ, который необходимо рассмотреть, он в 90% случаев протягивает его служащему, используя минимум языковых средств. Его просьба заключается в том, что он хочет инициировать деятельность служащего, причём служащий должен самостоятельно определить содержание каузации.

- Просьбы-уведомления

Просьбы-уведомления имеют конструкцию экзистенциального типа, в которых директива не выражается – она подразумевается. Следующие высказывания с глаголом в индикативном залоге используются, если каузатор уверен, что каузация носит рутинный характер: *Täss o hakemus* [Kotus] ‘Вот (*букв*. имеется) заявление’; *Miul on sellane asia*…[Kotus] ‘У меня (*букв*. имеется) следующее дело’ и т.д. Использование подобных уведомительных конструкций, исключающих указание на личность каузатора и его желания, говорит о том, что, по мнению каузатора, его вопрос абсолютно правомерный, обыденный и решение проблемы входит в круг обязанностей агента-служащего. Подобные уведомления регулируют ход

макроречевого акта, обозначают начало решения вопроса агента и малорелевантны с точки зрения выражения модальности вежливости.

Говорящий, имея некую проблему, не инициирует её решение: *Minulla on semmoinen asia* [Kotus] ‘У меня такое дело’; *Mull o tuota ni vuokratuessa jotain epäselvää* [Kotus] ‘У меня...ээ..как бы … в пособии на аренду есть кое-что непонятное’; *Pari kysymystä* [Kotus] ‘Пара вопросов…’ и т.д.

Использованием бытийных конструкций начинаются не более трети всех институциональных диалогов, однако, в 90% из них есть какой-то минимизатор. *Mulla on niinku toukokuulta sellane*....[Kotus] ‘У меня есть, как бы, такой майский…’; *Mull on ihan niinkis simppeli asia*...[Kotus] ‘У меня такое абсолютно как бы простое дело…’ и т.д.

Более распространены аналогичные конструкции с использованием форм условно-желательного наклонения (80% от всех форм выражения утвердительных контактоустанавливающих просьб). *Tämmöne ois* [Kotus] *букв.* ‘Вот такое было бы…’; *Miul ois tällane asia* ...[Kotus] *букв.* ’У меня было бы подобное дело…’. Значение бытийности защищает лицо говорящего и слушающего – в высказываниях нет семантического агента действия. Форма условно-желательного наклонения в данном случае указывает на некоторую неуверенность каузатора в правильности своего поведения: релевантности просьбы, правильности её подачи. Сам объект каузации может требовать особого рассмотрения – форма условно-желательного наклонения говорит о необходимости исключительного подхода.

В некоторых случаях за подобными уведомлениями может следовать не только предоставление документа, но и описание сути вопроса, которое не требует использования средств модальности вежливости – решение проблемы должно быть рутинным для агента: *Miul ois tällane asia että tuota, om maksettu hammaslääkärillej ja ne käski täältä sitte kyssyy että soapiko*...[Kotus] *букв.* ’У меня было бы такое дело…что.. это… заплачено стоматологу, и там сказали спросить здесь, подходит ли …. (клиент протягивает квитанцию)’; *Tulin kysymää tosta mä viime viikolla toimitin sen sovitellusta päivärahasta sen hakemuksen* [Kotus] *букв.* ‘Я пришла спросить о том, что на прошлой неделе я заносила заявление об определённом денежном суточном пособии’; *Mä kävin täällä tuota torstaina avopuolison tukipäätös; asioita kyselemässä* [Kotus] *букв.* ‘Я была здесь … того самого…в четверг, спрашивала по поводу дел моей второй половины, решения о финансовой поддержке’ и т.д.

Усиление импозитивности

Если от служащего требуется не просто принять некоторый документ, но и осуществить определённый анализ и провести работу, просьба начинает носить более импозитивный характер и приобретает развёрнутую структуру. Подобную просьбу нельзя считать рутинной – требуется индивидуальный подход к рассмотрению вопроса клиента. Несмотря на то, что

реальным агентом будет являться служащий, каузация представляется через действия каузатора - посетителя.

- Формы условно-желательного наклонения немодальных глаголов

В подобных высказываниях типично использование глаголов с конкретным значением действия в форме условно-желательного наклонения: *Mä ottaisi yhe postimerkin* …[Kotus] *букв*. ’Я взял бы одну почтовую марку’; *Mä jättäsin tän työttömyyskorvaushakemuksen*…[Kotus] *букв*. ‘Я оставил бы вот это заявление на получение компенсации по безработице…’; *…asumistukihakemuksen tekisin…[*Kotus] *букв.* ’… я бы составил бы заявление на получение пособия на проживание...’ и т.д.

Форма условно-желательного наклонения смягчает уведомительный характер высказываний причин визита, хотя речь идёт о несложной и типичной операции для служащего. Представление каузатора о действии отражается через форму и семантику объекта и использованных глаголов – это значение результативности. Говорящий использует форму тотального объекта – ему точно известен необходимый результат. Значение использованных глаголов ottaa ‘брать’, tehdä ‘делать’, jättää ‘оставлять’ само по себе указывает на результативность однократного действия.

- Формы условно-желательного наклонения с глаголами желательности и потребности

Более импозитивны ситуации, в которых говорящий-каузатор использует не конкретные глаголы со значением действия, а глаголы со значением желательности и потребности. Клиент не уверен, что просьба носит рутинный характер и подчёркивает личную заинтересованность в чём-либо. Выполнение данного действия сложнее для служащего, чем в предыдущих случаях, так как реализация чего-либо полностью ложится на плечи служащего – агент не принимает в ней участия.

В этом случае используется предикат в форме первого лица ед.ч. – потребность каузатора является причиной каузации. Форма условно-желательного наклонения смягчает просьбу, ставя желательность её выполнения в зависимость от условий, диктуемых институциональной ситуацией: *...nim mä haluisil ladata* [Kotus] ‘…да, я хотел бы загрузить’; *Tarviisin tota semmosta peruspäivärahaa*...[Kotus] ’Мне бы нужны эти, суточные…’; *Tarvitsisin vain pienen tasoituksen*...[Kotus] ’Мне бы нужно немного подравнять…’ и т.д.

Так как значение нужды является производным от значения желательности, то можно считать высказывания, в которых употреблён глагол tarvita ‘нуждаться’, более вежливыми, чем те, в которых употреблён глагол haluta ’желать’. Результат каузируемого действия в рассматриваемых случаях недостаточно определён, что подчёркивается с помощью

минимизаторов – формы партитива объекта и ограничителей каузируемого действия результата (например, обстоятельство «немного»). Глаголы ”tarvita” и ”haluta” указывают на некую потребность говорящего, его неуверенность и содержат вопрос о возможности получения подобной услуги – это предполагает реакцию слушающего, прежде всего, на данный запрос, выполнение каузируемого действия переносится на более дальний срок. Это, безусловно, создаёт дополнительный эффект вежливости. Употребление подобных глаголов рассчитано на эмпатию слушающего.

Тенденция вывода реального агента из дискурса, которую можно наблюдать во всех рассмотренных выше случаях, служит задаче защиты лица собеседника. Контроль за выполнением каузируемого действия лежит за внешними факторами, которые определяют, можно и нужно ли реализовать потребности каузатора – последний защищает таким образом своё лицо.

Если причина визита клиента носит более чем исключительный характер, можно наблюдать усиление средств модальности вежливости.

- Формы перфекта условно-желательного наклонения

Формы перфекта условно-желательного наклонения являются очень сильной формой вежливости: *Poika olis halunnu mielummin tän; kun tän kutosen joka me ostettiin nin saako vaihtaa (M heiluttaa kättään myöntyvästi)* [Kotus] *букв.* ‘Сын хотел бы скорее эту, а не шестую, которую мы купили, можно ли поменять…’ (Продавец машет рукой в знак согласия); *Kuule mä oisin tarvinnu sellasen; ee sata ykstoista lomakkeen* [Kotus] ‘Послушайте (*букв.* послушай), мне нужен бы вот тот, то есть бланк 111’; *Oisin tuohon ladannu nyt Helsingin sisästä aikaa* [Н.А.] *букв.* ‘Я загрузил бы на неё сейчас внутреннее время (время на внутренние поездки) по Хельсинки’ (проездная карта) и т.д.

Обратим внимание на то, что, как и в менее импозитивных просьбах, в данном случае синтаксическим агентом действия является сам каузатор.

- Модальные глаголы со значения долженствования

В перечисленных выше актах просьбы говорящий уверен в необходимости некой каузации, однако, в некоторых случаях он прибегает к косвенному выражению просьбы, через объяснение необходимости чего-то согласно общим нормам, используя неопределённо-личную конструкцию. В этом случае он обращается к модальным глаголам со значением долженствования: *Pitäis hakee kod, sitä hoidontukee* ...[Kotus] *букв.* ’Необходимо бы получить это… пособие по уходу..’; *Mun piti jättää tämä* ...[Kotus] *букв.* ’Я должна была оставить это

(заявление)…'; *Mun täytyy tehdä tämä kun mulla on tämä eläkehakemus …* [Kotus] *букв.* 'Мне обязательно нужно сделать это, так как у меня это заявление на пенсию...' и т.д.

В подобных высказываниях мы видим реализацию значения практической необходимости, а не личной нужды каузатора.

Таким образом, мы можем заключить следующее: ни в одном из типов выражения причин визита клиент не использует прямое обращение к служащему как каузатору, то есть форму 2 л. предиката. Синтаксическим агентом является в большинстве случаев (за исключением бытийных конструкций) сам каузатор. Поскольку в данном типе речевых актов импульсом каузации и выгодополучателем является клиент-каузатор, данные просьбы можно считать наиболее импозитивным типом каузаций вообще.

Обратим внимание, что только для контактоустанавливающих просьб административного дискурса характерно использование утвердительных форм, с указанием на 1л. ед.ч.

Уточняющие просьбы

Рассмотрим отдельно уточняющие просьбы, так как они могут дополнять как рутинные просьбы, так и разные виды импозитивных просьб, и сами по себе могут содержать в себе угрозу лицу собеседника.

Уточняющие просьбы могут быть неимпозитивны, если они относятся к бытовой речи или примарным группам институциональной, а также, если:

1. просьба носит рутинный характер, то есть достаточно часто инициируется вследствие привычной для агента деятельности: *Tarkistatko…?* [Н.А.] 'Проверишь…?. и т.д.

Здесь следует также указать на повторяющиеся просьбы, которые неимпозитивны, если предмет речи не может нанести урон агенту. Сравните: Soittaisitko? 'Ты не могла бы перезвонить?' Просьба представлена в первый раз (первичная). Soitatko? 'Позвонишь?' (уточняющая). Просьба становится рутинной. Происходит снижение импозитивности.

2. импульс каузации – агент: *Voisitko tehdä…* [Н.А.] 'Ты мог бы сделать?'; *Lähetä minulle …*[Н.А.] 'Отправь мне'. и т.д.
3. агент-выгодополучатель. *Lähetä minulle .....osoitteeseen…* [Н.А.] 'Отправь мне на адрес…'; *Lisää työ laskuun*….[Н.А.] 'Добавь работу в счёт'; *Varaa kalenteristasi aika...* [Н.А.] 'Отметь в своём календаре время' и т.д.

Уточняющие просьбы, сопутствующие основной директиве, могут быть импозитивными и требовать использования средств модальности вежливости и снижения категоричности. Если основная просьба содержит директиву общего характера, отсылающую к рутинным делам агента, то уточняющая может указывать на исключительные особенности её реализации и быть нерутинной - каузатор накладывает ограничения на деятельность агента. В этом случае агент не является импульсом каузации и выгодополучателем.

Деловой дискурс

- Формы условно-желательного / потенциального наклонения

Формы косвенных наклонений активно используются в уточняющих просьбах секундарных групп институциональной речи.

Ограничения могут быть связаны с внешними факторами, определяющими возможности агента: *Jos saisit esitelmän valmiiksi maanantaiksi?* [Н.А.] ‘Если бы ты подготовил доклад к понедельнику?’; *Onnistuisiko saada maanantaina?* [Н.А.] ‘Удастся ли получить в понедельник?’.

Формы потенциального наклонения используются незначительно в институциональной речи: Lienenkö mie nyt tään oekkeen täöttäny? [Korpus] *букв*. ‘Вероятно ли, что я сейчас правильно заполнила эту анкету?’ и т.д.

- Безличные конструкции

Интерес вызывают случаи, когда от агента требуется переделать выполненную им работу - ситуации угрожают лицу агента. *Olisi hyvä jos yhtenäisyyden vuoksi kaikki olisi monikossa* [Н.А.] ʽБыло бы хорошо, если бы из соображений единообразия всё было бы во множественном числеʼ; *Olisi hyvä jos saisimme lisäaikaa* [Н.А.] ʽБыло бы хорошо, если бы нам дали дополнительное времяʼ; *Voisiko tuota sanoa esimerkiksi jollain toisella tavalla* [Н.А.] ʽМожно ли было бы сказать это, например, как-то по-другому?ʼ; *Miten pitkiä ilmauksia voisi lyhentää?* [Н.А.] ʽКак длинные выражения можно было бы сократить?ʼ и т.д.

Каузатор прибегает к использованию безличных конструкций, с помощью которых он только намекает на лучший вариант реализации каузируемого действия, не побуждая агента к выполнению действия. Безличный тип высказывания можно считать даже более осторожным способом выражения директивы, чем бытийную конструкцию – связь с агентом полностью скрыта.

Административный дискурс

Уточняющие просьбы клиента

Все просьбы, следующие за основной, следует считать уточняющими основную, выраженную в причине визита. К уточняющим в данном случае можно отнести разнородные по значению просьбы, определённым образом дополняющие тему беседы.

- Формы условно-желательного наклонения

Формы условно-желательного наклонения маркируют ситуации, в которых каузатор-клиент пытается регулировать действия агента-служащего, касающиеся решения основной просьбы, выгодным для себя образом: *Voisko pannav vaikka kolmastoista yheksättä niinku tähäm päivään astin?* [Kotus] *букв.* 'Можно было бы написать, например, 13.9, как бы до сегодняшнего дня?'; *Saisko tota tähän jonku vaikka käytetyn kirjekuoren?* [Kotus] *букв.* 'Можно было бы, ну, для этого, например, использованный конверт?'; *...noin parikytä viikkotuntia, mitä siinä nyt sittet tulis?* [Kotus] *букв.*'… ну, примерно пару десятков часов в неделю, что из этого бы вышло?' и т.д. Обратим внимание, что для данных ситуаций также характерен вывод из дискурса агента – в приведённых примерах используются обобщённо-личные конструкции и экзистенциальный тип.

- Использование модальных глаголов

Каузатор использует модальные глаголы со значением возможности, если он хочет убедить агента в потребности осуществления выраженной просьбы. По всей видимости, есть некоторые препятствия для осуществления просьбы. Обратим внимание на использование минимизаторов vähän 'немного', yhtään 'вовсе, совсем не', с помощью которых каузатор словно бы пытается уменьшить объект каузации и затраты агента. С этой же целью употребляется форма партитива объекта sitä päätöstä 'это решение' и отрицательная форма предложения следующего высказывания: *Kun mä <u>vähä</u> tartte eri tahoilles sitä ...nyt <u>sitä päätöstä</u>* [Kotus] *букв.* 'Так как мне нужно <u>немного</u> для разных лиц это… ну… <u>это решение'</u>; *sää <u>et</u> nyt sittev voi kattoo <u>yhtään</u> sitä tuota sitä?* [Kotus] 'Вы (*букв.* Ты) <u>совсем не</u> можешь посмотреть это … ну…это (решение)? и т.д.

Но каузатор готов сделать всё возможное для осуществления желаемого: *Ja mää voiv vaikka sähköpostil laittaa ni sähköpostihan?* [Kotus] 'И я могла бы, например, по электронной же почте направить письмо' и т.д.

Уточняющие просьбы служащего

Все просьбы, выражаемые служащим, относятся к решению задачи, поставленной

клиентом. То есть импульсом каузации и выгодополучателем является клиент. Подобные просьбы относятся к уточняющим.

Так как в отличие от ситуаций делового дискурса речь идёт о секундарных группах, импозитивность данных просьбы выше. Мы видим достаточно мало примеров употребления императива, помимо уже описанных эллиптичных конструкций типа: *Ja allekirjoitus tänne…*[Kotus] ‘И подпись сюда’. Данные типы просьб очень распространены в связи с бюрократическим характером дискурса. В них возможно также использование условно-желательного наклонения, если каузатор не уверен в положительной оценке действия агента.: *Nii siihe kohtaan tulis allekkirjotus…* [Kotus] *букв.* ‘А, вот сюда, пошла бы подпись’. Возможно, агент не согласен с подобным способом решения проблемы.

- Экзистенциальная форма

Просьба в форме бытийной конструкции носит уведомительный характер и регулирует рутинные процессы – это типично для просьб, выражаемых служащим: *Onks teillä tota kelakorttia esimerkiks mukana tai jotain muuta henkilötodistusta?* [Kotus] ‘У вас есть, ну, например, карточка Кела с собой или какое-то иное свидетельство?’; *Onks sul jotai kelakorttii tai henkilöllisyystunnusta tai jotain ni katotaas vähä miltä näyttää.?* [Kotus] *букв.* ‘У тебя есть какая-нибудь карточка Кела или индивидуальный номер, или что-нибудь, тогда посмотрим немного, как это выглядит?’; *Mä toin tän viime viikolla sen; sen beetodistuksen tänne et se tulis erityiskorvattavaks: ni onko sitä mahollisuutta tehdä näin?* [Kotus] ’Я принесла это на прошлой неделе, это свидетельство «Б», чтобы получить бы специальную компенсацию, возможно ли это сделать?’. Задача подобных речевых актов состоит не в том, чтобы убедиться в наличии у клиента документов, а в том, чтобы получить их на руки. Несмотря на высокую степень вежливости, данные формы инициируют деятельность, результаты которой важны для агента.

- Формы условно-желательного наклонения

Интересно употребление условно-желательного наклонения в ситуации обсуждения цены: *Nää olis nyt yhteensä kolmetoista ja kakskymmentä* [Kotus] *букв.* ‘Это было бы теперь всего 13 и 20’; *Se tekee kahdeksantoista markkaa* [Kotus] ‘Это будет 18 марок’. Данные высказывания не предполагают за собой никакой реплики слушающего, то есть обсуждения, как такового, не происходит – использование условно-желательного наклонения не функционально. В последнем предложении употреблено индикативное наклонение. В чём же разница? В примерах с условно-желательным наклонением цена ещё не рассчитана. В одном случае, речь идёт о парикмахерской, и, цена может, видимо, меняться. В другом случае речь идёт о цене на несколько товаров и сомнение продавца заключается в том, будет ли покупатель брать всё. В

случае с использованием индикативного наклонения стоимость не подлежит обсуждению, так как покупка происходит в супермаркете. Формы условно-желательного наклонения используется чаще, чем форма индикативного.

- Условные конструкции с союзом jos

Возможно использование утверждений в форме индикатива с союзом jos ‘если’, хотя данные формы не частотны: *Ens viikolla jos otatte yhteyttä…* [Kotus] *букв.* ‘На следующей неделе, если свяжитесь…’ (Вместо: «Свяжитесь на следующей неделе»); *Nii tuohoj jos saav….allekirjotuksen* [Kotus] *букв.* ‘Да, если я получу подпись сюда’ (Вместо: «Поставьте здесь подпись»), *Jospa mie otan sen sitte* [Kotus] ‘А если я возьму её тогда’ (Вместо: «Можно мне взять её тогда»). Используя подобные косвенные конструкции, каузатор-служащий не хочет оказывать давления на агента – тот вправе принять своё решение относительно объекта каузации.

Запросы разрешения

Случаи запроса разрешения схожи с просьбами, так как их значение включает в себя просьбу «разрешить». Речевой акт запроса разрешения предусмотрен ролями участников коммуникации и не представляет угрозы лицу слушающего – последний получает возможность реализовать деятельность, желательную для него.

Для секундарных групп характерно использование глагола saada ‘мочь, иметь разрешение’: *Saanko kysyä?* [Н.А.] ‘Можно спросить?’; *Saanko tulla sisään?* [Н.А.] ‘Можно зайти внутрь?’ Правда, данные речевые акты могут быть представлены только лицу, принимающему решения и стоящему выше по субординации.

Для примарных групп в данном значении характерно использование глагола voida ‘мочь‘: *Voiko hän laittaa viestin?* [Н.А.] ‘Может ли он (разрешить ли ему) отправить сообщение?’;’ *Voiko tuollaista laittaa asiakkaalle?* [Н.А.] ‘Можно ли такое отправлять клиенту (подойдёт ли это клиенту)?’ и т.д.

Несмотря на наличие нескольких модальных глаголов, выражающих долженствование в финском языке, для институциональной речи характерно использование модального глагола pitää, указывающего на необходимость следования чему-либо согласно принятым нормам: *Mitkä dokumentit pitää liittää*? [Н.А.] ’Какие документы следует прикрепить?’; *Pitääkö se allekirjoittaa*? [Н.А.] ’Следует ли это подписать?’; *Mitä pitää tehdä, pitääkö toinen palauttaa?* [Н.А.] ’Что следует сделать, следует ли вернуть второй (экземпляр)? ’ и т.д. Использование этого глагола связано с выражением практической необходимости, поэтому он может быть использован также в примарных группах.

2.1.3. Предложения

К речевым актам, использующим максимальное количество средств выражения модальности вежливости, следует отнести различные виды предложений, которые подразумевают, что выгодополучателем является не только говорящий-каузатор, но и слушающий, в той или иной степени. У слушающего есть возможность повлиять на факт реализации каузации. В речевом акте просьбы обоснованием для каузации было только мнение каузатора. Каузатором предложения всегда является говорящий, но агентом действия может быть говорящий, слушающий или третье лицо.

Предложения как тип речевых актов являются наиболее распространённым способом выражения директив в финском языке: в их основе лежит принцип сотрудничества, совместной деятельности говорящего и слушающего. Таким образом, их значение позволяет избежать импозитивности, связанной с использованием более рестриктивных побуждений.

При выражении предложений главным является принятие во внимание желаний слушающего. Мы можем выделить два типа ситуаций. В одном случае выгодополучателем в большей степени является слушающий, и участие говорящего - каузатора в реализации каузации может быть различным. В другом случае выгодополучателем является, в основном, говорящий - каузатор, но каузация, в целом, не противоречит желаниям слушающего.

Бытовая речь

1. Рассмотрим случаи, в которых основным выгодополучателем является слушающий:

- Формы индикативного наклонения

Haluatko toisen oluen? [Н.А.]‘Хочешь ещё пива (*букв.* второе пиво)?’; *Otatko mehua?* [Н.А.] ‘Будешь сок?’. *Kuka tulee vapaaehtoisesti taululle?* [Lehtolainen] ‘Кто хочет подойти (*букв.* добровольно подойдёт) к доске?’

Как конкретизирующий вопрос речевой акт мог бы быть импозитивным, так как нацелен на получение информации о желаниях собеседника. Являясь предложением, предполагающим получение слушающим какой-то выгоды, он упрощает его деятельность – последнему не придётся просить о какой-то услуге самому: слушающий может согласиться её принять или отказаться от неё.

- Формы условно-желательного наклонения

Достаточно частотно использование форм условно-желательного наклонения, также в примарной группе. Для каузатора важно не нарушать личного пространства слушающего, проявить деликатность и уважение к возможно отличному мнению. Форма

условно-желательного наклонения подчёркивает также желательность действия для говорящего. Каузатор, используя форму 2л. глагола, апеллирует к желанию слушающего, но, так как речь не идёт о просьбе, это не импозитивно – выгодополучателем является слушающий. *Tahtoisitko että lähden sinne?* [Kallio]'Хотела бы, чтобы я отправилась туда?'; *Haluaisitko tulla meille syömään?* [Kallio] 'Хотела бы ты прийти к нам пообедать?'; *Olin menossa elokuviin ja ajattelin, että haluaisitko tulla mukaan?* [Н.А.] 'Я шла в кино и думала, хочешь ли ты пойти со мной»?'.

Апелляция к желанию слушающего представляет некоторую угрозу лицу каузатора – отрицательный ответ в данном случае крайне импозитивен. Поэтому форма условно-желательного наклонения – это также сигнал слушающему.

В несколько иных ситуациях каузатор может сослаться на наличие у себя возможности выполнить каузацию – семантическим агентом действия становится непосредственно сам каузатор. *Voisin ihan hyvin ottaa pari päivää vapaata ja tulla sinne pitämään sinusta huolta* [Kallio] 'Я могла бы совершенно спокойно взять несколько свободных дней и приехать туда заботиться о тебе'; *Ajattelin, että voisimme ehkä jutella vähän* [Krohn 2004] 'Думал, что мы могли бы, пожалуй, немного поболтать'. Так как существует ссылка на возможности каузатора, у слушающего больше возможностей отказаться от определённой услуги, чем в случае с использованием значения желательности. *Minulla olisi nyt sitä rahaa* [Н.А.] *букв.* 'У меня были бы теперь эти деньги' (Предлагаю ими воспользоваться).

Использование условно-желательного наклонения свидетельствует о меньшей степени уверенности каузатора в том, что агент заинтересован в каузации. Мы видим определённые минимизаторы: обстоятельства времени «несколько дней», образа действия «немного», задача которых - представить выполнение действия для агента несложным – в данном случае для самого говорящего-каузатора. Также использование условно-желательного наклонения защищает лицо слушающего: он может быть уверен, что каузатор не делает ему одолжение, а действительно заинтересован в некотором действии.

2. Рассмотрим случаи, в которых основным выгодополучателем является каузатор.

- Форма условно-желательного наклонения и вопроса

Форма условно-желательного наклонения и вопроса сближает предложение, в котором более заинтересован говорящий - каузатор, нежели слушающий, с просьбой. *Tulisitko sinä? Jos pidettäisiin dekkaristien ...työpaja joskus marraskuussa?* [Lehtolainen]'Ты пришла бы? Если бы мы провели заседание мастерской писателей… детективов когда-нибудь в ноябре?'; *Tulisitko sinäkin jo nukkumaan?* [Kallio] 'Не пойти ли и тебе уже спать?'; *Mitä sanoisit kylvystä?* [Kallio]

‘Что ты сказала бы о том, чтобы принять ванну?’; *Olisko teillä hetki aikaa keskustella aivan poikkeuksellisen houkuttelevasta aikakauslehtitarjouksesta?* [Hotakainen] ‘У вас не нашлось бы секундочки поговорить об исключительно привлекательном предложении на журнальную подписку? и т.д.

Каузатор не указывает на своё желание инициировать что-то и не называет в качестве исполнителя агента. Он просто указывает на некоторое положение вещей, благоприятное для определённой деятельности. При этом просьба может быть выражена через утверждение и носить весьма косвенный характер, так как она представляется как мнение о неком действии: *Meistä olisi mukavaa jos asuisit siellä kunnes löydät asunnon* [Kallio] ‘По нашему мнению, было бы здорово, если бы ты пожила там, пока не найдёшь квартиру’ и т.д.

Возможен вывод из дискурса говорящего и слушающего: *Olisiko nyt sen elokuvan vuoro ?* [Н.А.] ‘Не настала ли (*букв.* не была бы) теперь очередь фильма?’ Подобная реализация характерна для ситуаций, в которых каузация каким-то образом может противоречить действиям слушающего. Можно наблюдать развитие косвенного способа образования речевых актов, до степени, когда его значение может дешифроваться только в контексте: *Ollaanko me nyt viisaampia?* [Н.А.] ‘Мы сейчас (стали) мудрее?’ (Вместо: Всё ли ясно, можем ли мы закончить? - предложение завершить беседу).

Возможно использование модальных глаголов, выражающих долженствование, придающих высказыванию аксиологическое осмысление. *Pitäisikö meidän mennä juhlimaan?* [Н.А.] ‘Не следует ли нам (стоит ли нам) пойти отпраздновать это?’; *Pitäisikö meidän tältä päivältä lopettaa?* [Н.А.] ‘Не следует ли нам (стоит ли) закончить на сегодня?’ и т.д. Утвердительная форма носит более рестриктивный характер и относит причину каузации к нормативной. *Meidän pitäs istua ja puhua* [Härkönen] ‘Нам стоило бы сесть и поговорить’ и т.д.

- Отрицательный вопрос

Отрицательный вопрос является одним из распространённых способов косвенного выражения предложения, при этом каузатор уверен в том, что слушающий также считает каузацию вполне логичным продолжением развития какой-либо ситуации. К русскому варианту хочется добавить оборот «не так ли, почему бы нет».

При использовании формы 2 л. вопросы обращены напрямую к слушающему: *Mikset muuttaisi tänne?* [Kallio] ‘Почему бы тебе не переехать сюда?’; *Etkö sinä voisi kertoa minulle mikä nyt on taas vialla?* [Н.А.] ‘Разве ты не могла бы рассказать мне, что сейчас не так опять?’; *Ettehän te ole ehtinyt juuri nukkua?* [Krohn 2004] ‘Вы (обращение на Вы) же, наверное, не успели выспаться?’

При использовании отрицательных вопросов, по большей части безличного типа, говорящий превращает предложение в запрос информации «на общую тему»: *Eiköhän olisi parasta lähteä täältä palelelemasta?* [Lehtolainen] ‘Не лучше уж ли было бы уйти отсюда и не мерзнуть?’; *Eiköhän tämä ollut tässä tällä kertaa?* [Lehtolainen] ‘Это же было всё на это раз, не правда ли ? («Закончим на этом»)’; *Eiköhän lopeteta tämä virallinen osuus?* [Н.А.] ‘Не закончить уж ли нам эту официальную часть?’; *Eiköhän tilata lasku?* [Н.А.] ‘Не заказать ли нам счёт?’ и т.д. Речь идёт именно о каузации действия, тем не менее.

Обратим внимание на использование тотального объекта в двух последних предложениях, которые свидетельствуют о том, что отрицательный вопрос приближается к утверждению, причём безапелляционному: «Закончим официальную часть», «Закажем счёт».

Основой для подобных вопросов являются общие представления говорящего и слушающего, на которые ссылается каузатор. Очевидность необходимости какого-либо действия подчёркивается частицей han/hän – ‘же’. Без использования частицы han/hän – ‘же’ вопросы несут в себе меньше уверенности говорящего в том, что пропозиция обязательно имеет место быть: *Eipä sinne pitäs tilata tietysti aeka* [Kotus] *букв.* ‘А, разве туда не нужно бронировать, конечно же, время?’; *Eiks se lääkäri vois, se ei vois …että ois joku korvaava lääke, vasttaava?* [Kotus] *букв.* ‘Ну, разве этот доктор не мог бы…не мог бы он… если было бы какое-то другое заменяющее лекарство, соответствующее…?’ и т.д.

- Пассив

Согласно перечисленным в первой главе значениям, пассив может указывать на разное количество участников действия и различное отношение к действию. Мы относим выражение пассива к способам реализации форм предложения.

По нашим наблюдениям, утвердительная форма пассива используется для описания непосредственного перехода к действию. В целом, можно сказать, что финский пассив, как форма замены 1 л.мн.ч. активного залога, указывает на сопричастность говорящего-каузатора к выполнению действия, и этим уменьшает объём необходимой работы, которая ложится на плечи слушающего.

1. Регламентация

Используя форму пассива, каузатор не предусматривает возможность, что агент может отказаться от чего-либо: одно из значений данной формы близко к императивному, о чём неоднократно писали финские лингвисты [Yli-Vakkuri 1986]. Неимпозитивность формы индикативного пассива обусловлена семантическим содержанием предложения: оно не задевает личных интересов слушающего, а регламентирует ход событий – и в этом значении форма

также сближается с пассивной: *Mennäänpäs jonkinlaisessa asiajärjestyksessä* [Krohn 2004] ‘Ну, давайте-ка пойдём в каком-то порядке’; *Tässähän me voiraan kattella sitä, kun juaraan kahveeta* [Н.А.]. *букв.*’Здесь же мы могли бы посмотреть это, когда пьём кофе’; *Lähdetään työkaveria haastattelemaan* [Н.А.] ‘Пойдём возьмём интервью у коллеги’; *Haetaan matkalla suklaata, se piristää aina* [Lehtolainen] ‘Возьмём по дороге шоколада, он всегда взбадривает’; *Mennään osoittamaan mieltä* [Н.А.] ‘Пойдём, выскажем своё мнение’ и т.д.

При этом доля участия каузатора в рассматриваемом положении вещей может быть минимальной – речь может идти о деятельности агента, роль каузатора может остаться регламентирующей. *Otetaan Urhon teksti* [Н.А.] ‘Возьмём текст Урхо’; *Yritetään vielä* [Н.А.]. ‘Давай попробуем ещё’ и т.д.

Использование пассива отличается от использования императива в рассмотренных примерах тем, что импульсом каузации является именно каузатор, а не агент – это и является причиной обращения именно к этой форме.

2. Диалогичность

В случае использования пассива в вопросительном предложении на первый план выходит значение диалогичности – у слушающего появляется больше возможностей для отрицательного ответа. *Aloitetaanko näistä synopsiksista?* [Lehtolainen] ‘Не начать ли (*букв.* Начнём ли) с этих синопсисов?’; *Pannaanko lehteen ilmoitus, että..?* [Н.А.] ‘Не дать ли (*букв.* Дадим ли) объявление в газету, что…?’; *Mennäänkö? - Päätä sä* [Н.А.] ’Пошли? - Решай ты’; *Vaihdetaan ole sinä minä ja minä olen sinä* [Krohn 1998] ’Поменяемся: ты будешь мной, а я тобой’; *Mennään ennen kuin olet palellut?* [Lehtolainen] ‘Пойдём, пока ты не замёрз?’ и т.д.

3. Планирование

В форме условно-желательного наклонения пассив используется скорее для уговоров – действие важно для каузатора, речь не идёт о регуляции процесса, как в первом значении, а о свободном планировании событий. Каузатор совсем не уверен, что слушающий согласится с предложением: *Voitaisiin jutella huomisesta kun äitisi tulee ja päästään juhlimaan!* [Н.А.] ‘Мы могли бы поговорить о завтрашнем дне, когда твоя мама придёт, и начнём праздновать!’; *Mentäskö me sitten suvella elokuviin?* [Hotakainen] ‘Не пойти бы (*букв.* Пойти ли бы*)* нам летом в кино?’; *Voitas mennäkin* [Н.А.] ‘Могли бы пойти’ и т.д.

Институциональная речь

Для институциональной речи характерны те же способы выражения предложений, что и для бытовой речи. Классифицировать данные типы можно следующим образом.

С одной стороны, речевой акт предложения неимпозитивен, так как включает

сопричастность каузатора к принятию решений. С другой стороны, именно эта его особенность ограничивает его употребление для ситуаций «клиент-служащий» и «служащий-руководитель». Так как не всегда уместно предложение некоторого решения лицу официального уровня.

Предложения руководителя и служащего подчинённому и клиенту

- Пассив /Индикативная форма пассива в утвердительных предложениях

Употребление индикативных форм пассива в невопросительных предложениях характерно для административного и делового дискурса, для речи служащего или руководителя по отношению к клиенту или служащему. Пассив может подразумевать совместную деятельность каузатора и агента.

1. Регламентация

Приведённые ответные реплики каузатора направлены на управление некой ситуацией. *Selvä. Näillä pärjätään* [Н.А.] ‘Ясно. С этим справимся (Благодаря наличию документов проблема будет решена)’; *Nyt ootellaan vähän aikaa vielä* [Н.А.] ‘Сейчас подождём ещё немного’; *Katotaas nyt vähäm miten: saadaan nää kaikki asiat sit pois järjestyksestä* [Kotus] *букв.* ‘Посмотрим теперь немного, как закончить со всеми этими делами’ и т.д.

Интересна семантика формы *Katotaas* (разговорная) / *Katsotaan* (литературная) – ‘Посмотрим‘. Используя её, каузатор переносит выполнение предполагаемой каузации на неопредёлённый срок. В данном случае данное предложение позволяет заменить на акт предложения речевой акт отказа от немедленной реализации чего-то.

С помощью предикативных конструкций можно указать агенту на наличие возможностей сделать что-то или на ценностную значимость его предложения: *Mmm tavallaan on järkevämpää että me tehdään se sillon* [Н.А.] ‘Ммм… как бы разумнее, что мы сделаем это тогда’ и т.д.

2. Диалогичность

В некоторых случаях использование пассива подчёркивает важность мнения агента. Пассив может указывать на собственные действия каузатора: *Laitetaas vaikka tää, tänne* [Н.А.] *букв.* ‘Поставим (напишем) это, например, сюда…’; *Laitetaan tohon vielä päivämäärä* [Kotus] *букв.* ‘Поставим (напишем) там ещё дату’; *Lasketaas toi vaikka*…[Kotus] *букв.* ‘Посчитаем это, например…..’ и т.д.

Пассив может указывать и на действия, которые будут выполняться исключительно агентом: *Pannaan tohon*… [Н.А.] ’Напишем там..’; *Kirjotetaa sit*… [Н.А.] ’Давайте напишем…’.

Подобных примеров всё же меньше, они также отражают желание каузатора быть сопричастным процессу.

3. Планирование

С помощью пассива можно планировать дальнейшую деятельность: *Tuo on siihe arvio mutta tehään tarkkamääränen sitten ku piätökset saahaan* [Kotus] *букв.* 'Это оценка (этого вопроса), но давайте сделаем детально точную, когда получим решения'; *букв. Te voitte tuoda sen aikasemminki ni voidaan tehdä se päätös* [Kotus] 'Вы можете принести её (бумагу) и раньше, и тогда мы сможем принять это решение' и т.д.

Мы видим, что использование пассивных форм достаточно типично для институциональной речи. При этом речевой акт предложения заменяет акт приказа, именно в силу стратегии модальности вежливости. Формы императива и индикативного наклонения слишком рестриктивны.

- Использование форм условно-желательного наклонения в пассивном залоге

В случае употребления форм условно-желательного наклонения пассива, каузатор предлагает решения, касающиеся личных интересов агента. Поэтому форма условно-желательного наклонения является в данном случае сигналом снижения значений компетенции каузатора, ведь решение остаётся за агентом: *Me voitas makssaa sitte…..tästä ostosta* [Kotus] *букв.* ' Мы могли бы заплатить тогда…за эту покупку'; *Ni sit voitas maksaa nyt se lisäkorvvaus* [Kotus] *букв.* 'Ну, мы же могли бы оплатить сейчас эту дополнительную компенсацию'; *Me voitais sulle vaikka kattoo se lääkärin neuvonnan aika* [Kotus] *букв.* 'Мы могли бы, например, посмотреть для это Вас время (для бронирования) к врачу' и т.д.

- Модальный глагол возможности *voida* активного залога в форме индикатива и условно-желательного наклонения.

Активный залог глагола voida 'мочь' указывает на необходимость непосредственных действий, в то время как форма пассива подчёркивает принадлежность каузатора к институту – он выступает от лица определённого сообщества. С помощью глаголов со значением возможности каузатор указывает на альтернативность развития событий: *No sillon voi ottaa tietysti ottaa yhteyttä jos siinä on laskutusvirheestä kysymys* [Kotus] *букв.* 'Ну, тогда можно, конечно, связаться, если вопрос заключается в расчётной ошибке'; *Voi niikut tehdä keskenää sev valtakirjan* [Kotus] *букв.* 'Можно, как бы, между собой заключить эту доверенность'; *Voidaan tehdä se päätös mut sitte*…[Kotus] *букв.* 'Можем принять это решение, но тогда…' и т.д.

Если каузатор является семантическим агентом, то слушающему предлагается согласиться с предложением по урегулированию некой проблемы, поставленной им: *Ja mää voiv vaikka sähköpostil laittaa sähköpostihan* [Kotus] *букв.* ‘И я могу, хоть, по электронной почте отправить, ведь, письмо’; *Mie voisin ottaa nuo teijjän paperit ja tuota vähä vielä vilikasta jos niissä on jottain ni* [Kotus] ‘Я мог бы взять те Ваши документы и, ну.., немного просмотреть, есть ли в них что-нибудь’; *Mie voisin ihan vilikasta* [Kotus] ‘Я могла бы немного посмотреть’ и т.д.

Если каузация исходит непосредственно от каузатора и не является ответным импульсом на задачу, поставленную агентом, используется условно-желательное наклонение: *Mut vois sitä ottoo lääkärin kanssa seurraavan kerran puhheeks* [Kotus] *букв.* ‘Но, можно было бы поднять этот вопрос в следующий раз при беседе с врачом’; *Siinä ois vielä muutama vappaa paikka* [Kotus] *букв.* ‘Там было бы ещё несколько свободных мест’; *Se ois toinem päivä huhtikuuta* [Kotus] *букв.* ‘Это было бы второе апреля’; *Eli se ois niinku yheksästoist kolmatta* [Kotus] букв. *букв.* ‘То есть, это было бы, как бы, 19.3.’ ; *Jos se ois semmonen kahen tonnin tuo vuokra nii siitä semmonen tuhatviissattaa markkaa tulis sitten et siitä viissattaa markkaa jäis sitte suurimpiirttei* [Kotus] *букв.* ‘Если бы эта аренда составляла бы этак две тысячи, то при вычете оттуда около 1500 марок, тогда, стало быть, 500 марок и осталось бы, в общих чертах’ и т.д.

Вопросительная форма характерна для случаев, где каузатор подчёркивает свою некоторую неуверенность в правильном решении вопроса: *Oisko vielä sitte joku rinnakkaisvalmiste jota vois sitte kokkeilla?* [Kotus] *букв.* ‘А, не было бы тогда ещё какого-то другого подобного лекарства, которое можно было бы тогда попробовать?’; *Nyt on vähän mietitty että jos se sittenki olis se astmakurssi?* [Kotus] *букв.* ‘Мы тут подумали немного, а что если бы это был бы всё же курс по реабилитации от астмы?’ и т.д.

Предложения клиента служащему и служащего руководителю

В силу указанных ранее причин речевой акт предложения не совсем уместен в данном типе отношений, в этой ситуации он, как правило, заменяется просьбой или запросом информации, о чём мы уже говорили.

- Пассив

Lähetetäänkö tällaisenaan vai lähetetäänkö vasta ensiviikolla? [Н.А.] ’Отправим ли мы в таком виде или отправим только на следующей неделе?’; *Kenen allekirjoitus laitetaan kaavakkeeseen?* [Н.А.] ‘Чью подпись поставим в анкете?’ и т.д.

Для выражения предложений со стороны клиента служащему институционального заведения и работника руководителю для выражения предложения типично употребление условно-желательного наклонения с глаголом в форме пассива: *Niin sitte saatais se…* [Kotus]

букв. ‘Ну, тогда получили бы это…’; *Voitasko sem pannav vaikka kolmastoista yheksättä niinku tähäm päivään asti*? [Kotus] *букв.* ‘Можно ли бы там написать, хотя бы, 13.09., как будто до сегодняшнего дня?’; *Voitaisiinko kohtaan 31 vastata ”kyllä”?* [Kotus] ‘Можно ли было бы в пункте 31 ответить «да»’. Форма условно-желательного наклонения указывает на снижение компетентностной достаточности каузатора – он не совсем уверен в правильности предлагаемого действия.

Предложение может быть задано в вопросительной форме с помощью оборота Mitä jos? ‘Что если?’. *Mitä jos laitettaisiin nämä tiedot?* [Н.А.] ’Что если, представили бы эти данные?’ и т.д.

В данном случае предложение заменяет вопрос о разрешении чего-либо.

За счёт значения инклюзивности пассив вносит дополнительные значения соучастности, диалогичности – мнение одного становится мнением коллектива.

Реклама и маркетинг

- Использование форм индикатива

В ряде случаев каузатор ненавязчиво подчёркивает наличие определённых возможностей, которые способны каким-то образом улучшить положение слушающего. *Nyt teillä on mahdollisuus tutustua edullisesti toiseen viehättävään perhejulkaisuun* ...[Н.А] ‘Сейчас у Вас есть возможность выгодно познакомиться с другим привлекательным семейным изданием…’; *Nyt kotilieden uskollisille tilaajille me tarjoamme Annan neljä seuraavaa numeroa kahdeksalla eurolla* [Hotakainen] ‘Сейчас для верных заказчиков «Домашнего очага» мы предлагаем четыре следующих номера журнала «Анна» за восемь евро’ и т.д.

Подобное значение характерно для разного рода маркетинга. Форма условно-желательного наклонения была бы здесь неуместна: каузатор полностью уверен в возможности предоставления чего-либо агенту. При этом слушающий не обозначается, и для него не инициируется никакая деятельность – он может только принять что-либо.

- Использование форм условно-желательного наклонения

В случае более прямого предложения, когда слушающий должен ответить, заинтересован он или нет в определённой услуге, каузатор обязательно обращается к форме условно-желательного наклонения: *Toinen julkaisu, joka voisi teitä kiinnostaa aivan toisella asiatasolla...* [Hotakainen] *букв.* ’Второе издание, которое могло бы Вас заинтересовать абсолютно на другом уровне’; *Minulla olisi tarjota teille erinomainen lehtitarjous* [Н.А.] ‘У меня есть (*букв.* было бы предложить) для Вас великолепное предложение по подписке на газету’ и т.д. Обратим

внимание, что значение желательности, заключённое в форме наклонения, связывается не с лицом говорящего или слушающего: синтаксическим субъектом является предмет речи – объект предложения.

- Вопросительное слово «joko»

Среди инициальных предложений интересны вопросы, которые начинаются с вопросительного слова *joko*. Это устное выражение характерно для предложения продукта, услуги, помощи, её использование словно бы предполагает, что услуга уже, по крайней мере предложена клиенту, а может быть уже им реализована: *Joko sinulle on tarjottu lehti….?* [Н.А.] *букв.* ‘Вам уже предлагалась газета….?’ ‘У вас уже есть газета?;’ *Joko sinulla on uusi K-plussa MasterCard?* [Н.А.] ‘У вас уже есть новая карта MasterCard К-плюс?’. Непосредственное предложение слушающему принять некоторый продукт/услугу последует в случае отрицательного ответа слушающего.

Формы настолько конвенционализировались, что слушающему должно быть понятно, что за запросом информации стоит косвенное предложение. Подобный вопрос защищает лицо каузатора: он показывает, что не хочет быть излишне навязчивым.

2.1.4.Рекомендации

В речевом акте рекомендации мы объединили все рекомендации и советы, содержащие оценку действия каузатором. Импульсом каузации и выгодополучателем является исключительно слушающий.

Рекомендации носят импозитивный характер, так как их содержание может не совпадать с мнением слушающего – их использование возможно только в определённых ситуациях. При их выражении каузатору важно подчеркнуть желательность чего-то, ценностность какого-либо положения вещей, но не обязательность.

Бытовая речь

- Использование форм условно-желательного наклонения:

Sinun olisi syytä nähdä tilanteesi kauempaa ja osana suurta kokonaisuutta [Hotakainen] ‘Тебе стоило бы увидеть свою ситуацию со стороны (издалека) и частью большей общности’; *Olisi hyvä soittaa tänään* [Н.А.] ‘Было бы хорошо позвонить сегодня’ и т.д.

- Использование модального глагола kannattaa ‘стоить’ и глаголов долженствования:

Использование форм долженствования не является импозитивным, так как агент является импульсом каузации и выгодополучателем: *Sieltä kannattaa käyä kysymässä* [Н.А.] *букв.* ‘Стоит там сходить спросить’; *Ei kannata mennä sinne kolmeks päiväksi* [Н.А.] ‘Не стоит ехать туда на три дня’; *Tuossa on yksi reikä, joka täytyy porata* [Н.А.] ‘Там одно отверстие, которое необходимо перфорировать’; *Sinun täytyy maistaa tätä* [Н.А.] ‘Ты должна попробовать это’ и т.д.

Институциональная речь

Для институциональной речи в большей степени характерно использование рекомендаций, чем бытовой. Каузатор зачастую обращается к безличному типу конструкций, позволяющему представить точку зрения каузатора как общую норму.

- Использование предикативных оборотов с предикативами, указывающих на степень качества

Рекомендации с использованием формы индикатива носят достаточно рестриктивный характер, близкий к императивному: *On hyvä tehdä se nyt* [Н.А.] ‘Хорошо бы сделать это сейчас’; *Teidän on hyvä ottaa huomioon…* [Н.А.] ’Вам хорошо (бы) принять во внимание…’; *On parempi laittaa tämä heille…*[Н.А.] ’Лучше направить это им’ и т.д.

- Использование модальных глаголов долженствования в обобщённо-личных конструкциях

Для институциональной речи характерно использование модальных глаголов долженствования, в особенности kannattaa – «стоить», как и в бытовой речи. Рекомендация носит обобщённый характер, но касается только агента. При этом основанием для каузации является общая практика и нормы – это позволяет вывести из дискурса агента и каузатора при инициации деятельности. В этом случае мы также видим реализацию значения модальности общего знания: *Ja kannattaa aina kysyäk ku käy meillä …* [Kotus] *букв.* ‘И стоит всегда спрашивать, когда бываете у нас…’; *Eli ihan kannattaa sillee niin….* [Kotus] *букв.*’То есть, просто, стоит сделать так…..’; *Se kannattaa täyttää ja sev voi sinä päivänä tuoda…* [Kotus] *букв.* ‘Её стоит заполнить и можно в тот день принести’ и т.д.

Каузация может распространяться на группу лиц, в которую входит каузатор: *Kannattaa tehdä sillä tavalla et odotellaan se päätös* [Kotus] *букв.* ‘Стоит сделать так, что давайте дождёмся этого решения’ и т.д.

Возможно использование глаголов долженствования pitää и täytyä: *Sit pittää tää muuttoilmotus vaan tehäs…*[Kotus] *букв.* ‘Тогда следует просто сделать это заявление о выезде’; *Ja sitte tämä pitää näyttää nyt siel…* [Kotus] *букв.* ‘И тогда это следует показать теперь там…’;

Pitäisikö heille ehdottaa jotain päivämäärää? [Kotus] *букв.* ‘Следует ли предложить им какую-то дату?; *Täytyy sit seuraavan kerran…* [Kotus] *букв.* ‘Нужно тогда в другой раз…’; *Täytyy laittaa sinne vaikka sit…* [Kotus] *букв.* ‘Нужно написать туда, например, это…’ и т.д.

В институциональной речи превалирует глагол *pitää*, указывающий на следование общим нормам поведения. Глагол *täytyä* указывает на практическую необходимость.

Появление семантического субъекта в лице агента усиливает каузативность конструкции: *Teidän täytyy tulla joskus uudestaa…*[Kotus] ‘Вам следует обязательно прийти снова когда-нибудь…’; *Teidän kannattaa tehdäs kirjallinen valtakirja…*[Kotus] ’Вам стоит сделать письменную доверенность…’ и т.д. В этом случае подчёркивается, что выполнение рекомендации будет полезно именно данному агенту.

Обратим внимание на использование отрицательной формы глагола tarvita со значением ‘не нужно’. Это косвенные способы выражения запрещения, переданные через рекомендации: *Eihän kenenkään muun tarvitse tietää tästä* [Н.А.] *букв.* ‘И ведь никому же другому не нужно об этом знать’ (Вместо: «Не говори об этом никому»); *Mutta jäätelökioskin myyjän ei tarvitse välttämättä keskustella sellaisesta pienen lapsen kanssa* [Hotakainen] *букв.* ‘Но продавцу киоска мороженого не обязательно нужно говорить о подобном с ребёнком’ (Вместо: «Вам, продавцу мороженого, не следует об этом говорить с ребёнком») и т.д.

Подведём итоги. Информационно-побудительный тип речевых актов наиболее импозитивен и требует большого количества средств выражения вежливости. Говорящему-каузатору необходимо защитить своё лицо, так как агент может отказаться выполнить каузацию. С другой стороны, он прилагает все усилия, чтобы директива была выполнена. При рассмотрении директив мы совместили несколько подходов.

1. Мы рассмотрели отдельно прямой способ выражения побудительности, императивное наклонение. До сих пор в финской лингвистике мало изучен вопрос различий в употреблении императива и условно-желательного наклонения. Мы выделили ряд семантических и дискурсивных параметров, ограничивающих употребление повелительного наклонения.

а). Каузатор уверен, что у него есть все полномочия, компетенции и права для использования императива, что может быть связано с нахождением с агентом в примарной группе.

б). Агент является выгодополучателем или импульсом каузации, использование императива подготовлено предыдущей ситуацией. Несмотря на институциональный характер дискурса и более высокий статус каузатора по сравнению со статусом агента, использование императива характерно только для институциональных рутинных просьб, некоторых уточняющих.

в). Действие не представляет сложности для агента.

Можно выделить также некоторые случаи императива немедленного действия, но его использование либо нерелевантно с точки зрения вежливости, либо удовлетворяет перечисленным условиям.

2. Мы проанализировали в совокупности способы выражения просьб, предложений, запросов разрешений и рекомендаций в бытовой, институциональной речи, учитывая факторы импульса каузации и выгодополучения. Можно сделать некоторые обобщения относительно выражения данных речевых актов.

Большинство просьб выражается при помощи вопросительной формы предложения и обращения ко второму лицу или различных безличных конструкций. Исключение составляют контактоустанавливающие просьбы административного дискурса, в которых высокочастотно использование утвердительных высказываний с глаголом в форме 1л. ед.ч. Такая просьба носит наиболее косвенный характер: слушающий должен переосмыслить каузацию как обращённую к нему через действия говорящего: *Mä jättäsin tän työttömyyskorvaushakemuksen*…[Kotus] *букв.* ‘Я оставил бы вот это заявление на получение компенсации по безработице…’. Служащий должен принять заявление, рассмотреть его и убедиться в его правильности – это смысл просьбы.

Просьбы бытовой речи и делового дискурса во многом схожи по принципам классификации и выражения. Увеличение степени импозитивности происходит в определённом порядке.

а). Вопрос с немодальным глаголом в индикативном наклонении: *Annatko tuon kirjan?* [Н.А.] ‘Дашь ту книгу’? Речь идёт о простом, рутинном действии.

б). Вопрос с модальным глаголом в индикативном наклонении: *Voitko soittaa hänelle ja sanoa...?* [Н.А.] ‘Можешь позвонить ему и сказать.…?’ Действие усложняется возможным наличием у агента препятствия для совершения действия.

3. Вопрос с немодальным глаголом в условно-желательном наклонении: *Katsoisitko?* [Н.А.] ‘Посмотрел бы?’ Задача не является рутинной для агента или может несколько нарушить его планы.

4. Вопрос с модальным глаголом в условно-желательном наклонении: *Ehtisitkö tulla?* [Н.А.] ‘Успела бы (*букв.* хватило бы у тебя времени) прийти?’ Каузатор абсолютно неуверен в своём праве каузировать действие.

По мере возрастания импозитивности просьбы усиливаются факторы защиты лица агента - предоставляется свобода выбора, делается ссылка на наличие возможностей совершения директивы, снижается степень уверенности каузатора в компетентностой достаточности для совершения каузации. При использовании императива у каузатора должна быть 100% компетентностная достаточность – этим и объясняется его частотное использование

в инструкциях разного рода. При употреблении условно-желательного наклонения у каузатора «нет прав» для каузации – это его личное желание. Поэтому формы условно-желательного наклонения распространены и в бытовой речи, и в случаях, когда в других языках место имел бы императив незамедлительного действия. В финском языке важен принцип соблюдения личного пространства агента, уважение его воли.

При усложнении каузации возможно использование также других средств выражения модальности вежливости: перформативов, безличных конструкций. Усиление импозитивности может быть связано с дополнительной регламентацией действий агента, требованием изменения выполненных им действий, предположительным нежеланием выполнять каузацию.

Просьбы административного дискурса более импозитивны, чем просьбы бытовой речи или делового дискурса. Предмет каузации деликатен и может быть крайне важен для каузатора. Так как каузатор нуждается в личной услуге, для этого типа дискурса характерно использование глаголов со значением желательности в 1 л. *Olisin halunnut kysyä…* [Н.А.]'Я бы хотела спросить…'. Глаголы со значением желательности не характерны при обращении к агенту – во 2 л.ед.ч. в просьбах в финском языке – это слишком импозитивно.

Просьба в финском языке в большей степени направлена на усиление защиты лица агента, апелляцию к его возможностям. Многообразие типов просьб свидетельствует о том, насколько важно для носителя финского языка поддержание межличностных отношений, защита собственного пространства и свобода выбора агента: *Miten saataisiin asia hoidettua?* [Н.А.] 'Как можно было бы уладить дело?'.

Каузации предложений несколько отличаются по типам в зависимости от того, включен ли агент в группу выгодополучателей. На желательность действия для агента указывают глаголы желательности, условно-желательное наклонение подчёркивает заинтересованность каузатора. Готовность каузатора предложить свои услуги маркирует утвердительное предложение с гл. в форме 1 л., форма вопроса предоставляет свободу выбора агенту. При этом вопрос с глаголом в активном залоге указывает на небольшие объекты каузаций: *Otatko mehua?* [Н.А.] 'Будешь сок?'. Пассив используется при более сложных каузациях и может выражать: регламентацию, диалогичность, запланированность. *Mennään ennen kuin olet palellut* [Lehtolainen] 'Пойдём, пока ты не замёрз'. Возможно употребление пассива в институциональной речи, в большей степени в качестве клише. Совместное присутствие в дискурсе агента и каузатора характерно для предложений, как реализация принципа сотрудничества.

В речевом акте рекомендации каузатор является авторитетом: *teidän kannattaa tehdäs kirjallinen valtakirja* [Kotus] 'Вам стоит сделать письменную доверенность'. Хотя и здесь мы

видим случаи вывода из дискурса, позволяющие представить факт каузации общепринятой нормой.

2.2. Информационно-побудительный тип

Под информационно-побудительными каузациями мы понимаем акт «запроса информации», параллельно употребляя термин «вопрос», имея в виду высказывание, целью которого является получение информации от слушающего. К запросам информации мы относим вопросительные предложения, а также утвердительные по форме и вопросительные по смыслу высказывания, и исключаем риторические вопросы.

Пользуясь термином «диалогичность» Бахтина, можно сказать, что вопрос является одной из основ структуры мышления человека, импульсом к его развитию [Bahtin 1991]. Вопрос и следующая за ним реакция формируют одну из основ человеческого общения и взаимодействия [Forsberg 1998: 66].

«Вопросительными называются предложения, в которых специальными языковыми средствами выражается стремление говорящего узнать что-либо или удостовериться в чём-либо» [РГ: 386–401]. Таким образом, основная задача вопросительного предложения – получение некоего вербального или невербального ответа, реакции, вне зависимости от того, выполняет ли вопросительная форма своё «основное» значение – получение информации или «вторичное» – утверждение или призыв к действию. Вопросительные предложения достаточно подробно изучены на материале различных языков [РГ, Лайонз 2003, Hakulinen ja Karlsson 1979, Matihaldi 1979].

Вопрос является одним из видов побудительных речевых актов, так как требует речевой или неречевой реакции слушающего. Вопросы, являющиеся конвенциональными косвенными побуждениями, мы рассматриваем как неинформационно-побудительный подтип.

Условием выражения запроса является уверенность говорящего в том, что слушающий может предоставить некоторую информацию и говорящий вправе запросить эту информацию. Степень уверенности, тем не менее, может варьироваться в зависимости от представлений говорящего, взаимоотношений говорящего и слушающего, особенностей протекания речевого акта. Особое значение при анализе запросов имеет тип предполагаемого ответа по импозитивности – насколько он может повлиять на развитие ситуации. Запросы информации, рассматриваемые нами, предполагают ответы-утверждения со значениями эпистемической модальности.

Средства выражения подтипов эпистемической модальности находят выражение при самой реализации запросов информации, указывая на степень уверенности говорящего. Это один из способов защиты лица как говорящего, так и слушающего – говорящий имеет возможность через выражение собственной неуверенности показать меньшую степень своей заинтересованности, быть менее навязчивым. Для слушающего вопрос, построенный с

использованием модальных значений возможности и вероятности, даёт возможность уйти от прямого ответа, дать неполную информацию и т.д.

Для нас важным является понимание причин использования тех или иных форм запроса информации для защиты лица говорящего и слушающего.

В лингвистике по-разному классифицируются типы запросов (Падучева 2007: 232 – 246, РГ 393 - 396). Вопросы могут отражать полную неосведомлённость говорящего об ответе, а могут содержать догадку или предположение. Вопросы могут требовать лишь подтверждения или опровержения какой-либо информации или требовать предоставления полной информации.

Во-первых, вопросительные предложения можно разделить на имеющие стандартную семантику и нестандартную, при этом к последним можно отнести риторические вопросы, вопросы-просьбы, вопросы-предложения, вопросы-осуждения, переспросы и др. Мы не рассматриваем вопросы с нестандартной семантикой в этой главе. Как уже было сказано, риторические вопросы представляют собой оценку некой ситуации, а не запрос информации, а вопросы-просьбы и пр. относятся нами к неинформационно-побудительным речевым актам.

Деление на категории и 4 класса, проведённое Фрид, позволяет оценить дискурсивное значение вопроса, тактику говорящего. Рассмотрим данную классификацию. 1) «Внешние» вопросы, с помощью которых запрашивается общая фактическая информация о ситуации. 2) Разъяснительные, уточняющие вопросы, в которых запрашивается информация, касающаяся непосредственно дискурсивной ситуации. 3) Вопросы, задача которых регулировать отношения говорящего и слушающего, направленные на поддержание разговора. 4) Вопросы, отражающие экспрессивную оценку говорящего, ненаправленные на получение информации (Freed 1994). Мы используем в нашей работе термины внешний вопрос, уточняющий вопрос.

В основе нашей работы лежит разделение вопросительных конструкций согласно осведомлённости говорящего на собственно-вопросительные, неопределённо-вопросительные, констатирующе-вопросительные. Важным является также анализ вопросно-ответного соответствия, и деление вопросов на общие, специальные и альтернативные.

Далее в данной главе мы рассмотрим особенности выражения импозитивности в бытовой и институциональной речи, отдельно – общие черты выражения запросов в институциональной речи, что представляет большой прагматический интерес.

Важными являются факторы выгодополучения, импульса каузации и другие, перечисленные при описании неинформационно-побудительных каузаций и применимые также к речевому акту вопроса [Храковский, Володин: 136 – 137]. Если слушающий является выгодополучателем, то это означает, что деятельность говорящего, в т.ч. по инициированию вопросов, направлена на оказание помощи слушающему. В случае, если слушающий является

импульсом каузации запроса информации, деятельность слушающего такова, что привела к необходимости задать ему вопрос.

2.2.1. Семантико-структурные способы защиты лица говорящего и слушающего

Собственно-вопросительные конструкции

Импозитивность вопросительных конструкций обусловлена ситуацией и предметом речи.

Для бытовой речи в большей степени характерна прямота, нежели для институциональной. Говорящий не видит ни семантических, ни дискурсивных причин для употребления средств модальности вежливости, если речь идёт о повседневных делах. Любой ответ на подобные, в т.ч. контактоустанавливающие вопросы, не может нанести урон взаимоотношениям говорящего и слушающего. *Mitä kuuluu?* [Н.А.] ‘Как дела?’; *Mitäs laitettas tänään?* [Н.А.] ’Что бы нам сегодня приготовить?’ и т.д.

Использование прямых импозитивных вопросов, направленных на выявление точного мнения слушающего, характерно для общения между близкими людьми: *Pidätkö modernista taiteesta?* [Hotakainen] ‘Тебе нравится современное искусство?’; *Mikset sinä kirjoita siitä häpeästä?* [Oksanen] ‘Почему ты не пишешь об этом постыдном случае?’; *Hei, soitinko pahaan aikaan?* [Н.А.] ‘Привет, я звоню в неудобное время?’; *Soitanko vaikka äidillesi, että tulee hakemaan sinut?* [Oksanen] ‘Позвонить ли мне, например, твоей маме, чтобы забрала тебя?’ и т.д. Мы не рассматриваем подробно подобные вопросы, так как они нерелевантны с точки зрения выражения вежливости.

Для секундарных групп бытовой речи, также как и институциональной, характерно использование определённых средств модальности вежливости. Мы можем выделить стратегии, направленные в большей степени на защиту лица слушающего или в большей степени на лицо говорящего. Данные стратегии распространяются как на контактоустанавливающие, так и на первичные и уточняющие речевые акты запроса информации – исключение составляют рутинные вопросы. Основная цель использования ниже перечисленных стратегий – деконкретизация, в результате чего вопрос начинает носить более обобщённый характер, условный, даже нон-фактивный, и повышение диалогичности.

Защита лица слушающего

Смягчение прямоты и уменьшение конкретности позволяет слушающему ответить в той мере, которая приемлема для него. Реализация данной стратегии является одним из залогов «безопасного» вопроса и в большей степени защищает лицо слушающего, но в некоторой

степени, и лицо говорящего. Перечисленные значения могут комбинироваться между собой – в одном вопросе может быть использовано больше, чем одно средство выражения модальности вежливости.

1. Семантический агент # синтаксический агент

Можно выделить ряд способов снизить прямоту обращения путём перенесения акцента с семантического агента и выделения другого синтаксического.

- Использование формы экзистенциального предложения (или конструкции обладания)

Форма экзистенциального предложения позволяет защитить лицо как говорящего, так и слушающего. В данном случае синтаксическим агентом становится семантический объект – голод, кашель, дело и пр., которые существуют и могут появляться как бы без воли на то говорящего или слушающего.

Бытовая речь: *Nälkä? Onko sinulla nälkä?* [Oksanen] ’букв. Голод? У тебя есть голод?’ (Вместо: «Ты голодная?» или «Приготовить тебе поесть?»); *Onko minulla jokin erityinen syy valehdella?* [Oksanen] ‘Есть ли у меня какая-то особенная причина врать?’ (Вместо: «Разве ты не понимаешь, что я не могу врать?»); *Oliko yskä vai asiaa?* [Hotakainen] ’букв. У Вас был кашель или дело?’; *Irtoaisiko yksi munapekoniannos nälkäiselle bridgenpelaajalle*? (предложение экзистенциальное по семантике) [Lehtolainen] букв. ‘Не отвалится ли одна порция яйца с беконом для голодного игрока в бридж?’ (Вместо: «Сделаешь и мне яйцо с беконом?») и т.д.
Институциональная речь: *Mitä suunnitelmiä teillä on….?* [Н.А.] ‘Каковы Ваши планы?’ (Вместо: «Что Вы планируете?»); *Mitäköhäm mult täst nyt sit puuttuu?* [Н.А.] ‘А чего же у меня сейчас не хватает?’(Вместо: «А что я сейчас должна принести?») и т.д.

В следующих ниже примерах агент действия не упоминается вообще, поэтому может показаться, что слушающий не агент действия, хотя на самом деле он им является: *Onkos jotain uutta?* [Н.А.] ‘Есть что-нибудь новое…?’ (Вместо: «Вы что-то хотите добавить?»); *Oliko tässä semmosta erittellyy?* [Kotus] ‘Была ли тут такая спецификация…?’; (Вместо: «Вы брали такую спецификацию?») и т. д.

- Использование пассива

Ещё более завуалировано лицо агента в предложениях с пассивным залогом, позволяющим представить, что действие совершается неопределённой группой лиц, хотя действительным агентом является слушающий, и это известно говорящему: *Onko näistä sitten*

näiltä kääntikerroilta niih haettu se ...se korvaus… [Kotus] *букв.* ’А за эти посещения получали … эту компенсацию…’; *Mutta onks nää tuonne Kuopioon tehty nää matkat* [Kotus] ‘А эти поездки были совершены туда в Куопио?’; *...milläs nää matkat on tehty* [Kotus] ‘….а каким видом транспорта эти поездки были совершены?’ и т.д.

Благодаря подобным типам предложений ответственность за какую-либо деятельность, на которую направлен запрос информации, не может быть отнесена ни к слушающему, ни к говорящему. Ответ на подобные вопросы характеризует объект запроса информации – спецификацию, планы и пр., но не характер и поведение слушающего-агента, который может забыть спецификации, не иметь планов и не желать становиться ответственным за что-то.

2. Замена специальных вопросов общими

Интересен принцип замены специальных по цели высказывания запросов, направленных на получение от слушающего определённой и конкретной информации, на общие по структуре вопросы. Общие вопросы менее импозитивны, нежели специальные – они оставляют большую свободу выбора ответа слушающему – он может отрицать наличие чего-то в принципе, если не хочет характеризовать объект запроса. Подобная тактика характерна для секундарных групп бытовой и институциональной речи – говорящий не совсем уверен, что вправе задавать специальные вопросы. Конструкция подобных вопросов противоречит нормативной грамматике финского языка.

Бытовая речь: *Onko sinulla millaisia harrastuksia?* [Н.А.] *букв.* ‘У тебя есть какие увлечения?’ (Вместо: «Какие у тебя увлечения?»); *Onko siellä millaiset vinkit mukana?* [Н.А.] *букв.* ’Прилагаются ли там какие советы к этому?’ (Вместо: «Какие советы прилагаются к этому?»); *Onko teillä kuinka suuri mökki?* [Н.А.] *букв.* ‘У вас есть насколько большой летний домик?’ (Вместо: «Насколько большой у Вас летний домик?) и т.д.

Институциональная речь: *Onks ollun noita aekasemmin jottaim maksuja niin jos se näkyis tiältä….?* [Kotus] *букв.* ‘Были ли ранее какие-то платежи, может быть их можно было бы посмотреть отсюда….?’ (Вместо: «Какие платежи Вы оплатили ранее….»); …*että olkos sillon muita ostoja* [Kotus] ’…а были ли тогда другие покупки?’ (Вместо: «Какие покупки Вы делали ранее?») и т.д.

Для говорящего очевидно, что какая-то деятельность со стороны слушающего имела место. Тем не менее, он предоставляет возможность слушающему самому конкретизировать ответ в той мере, в какой он считает нужным. Данные запросы информации лишь указывают на необходимость подтверждения или опровержения чего-то.

Так передаются многие импозитивные по семантике вопросы. Вместо специальных запросов причины – конструкции обладания, лишь косвенно намекающие на интересующий предмет разговора и предполагающие добровольное предоставление слушающим информации.

3. Снижение определённости предмета речи

Снижение определённости предмета речи также является одним из средств деконкретизации.

Минимизация объекта действия и представление его неопределённым даёт большую свободу слушающему при ответе на вопрос. Это возможно благодаря использованию неопределённых местоимений, партитивной формы объекта, минимизаторов, некоторых глаголов:

- Использование неопределённых местоимений и наречий

Бытовая речь: *Ootsä jotenkin piilossa?* [Lehtolainen] ‘Ты *букв.* как-то прячешься?’; *Vai haluutsä et joku tulee tohon väliin*? [Hotakainen] ‘Или ты хочешь, чтобы кто-то встал между?’ и т.д..

Институциональная речь: *Pitikö minun vastata johonkin?* [Н.А.] ‘Я должна была на что-то ответить?’ и т.д.

- Использование партитивной формы объекта

Партитивность сужает объект каузации: *Onko sulla etunimeä…?* [Hotakainen] ‘У Вас есть имя…?’; *Onkos mittää varallisuutta?* [Kotus] ‘А есть ли какие-то средства?’ и т.д. Обратим внимание на то, что в перечисленных случаях снова используется конструкция обладания, позволяющая защитить как лицо говорящего, так и слушающего.

- Использование минимизаторов

Минимизаторы уменьшают объект, на который направлен запрос. Говорящий может предоставить лишь часть некоторой информации. Подобный приём характерен, прежде всего, для институциональной речи: *Muistatko yhtää koska sen palautit?* [Н.А.] ‘Вы помните хоть примерно, когда Вы его вернули?’; *Onks siitä vuokran määrästä yhttäät tiettoo?* [Kotus] ‘Есть ли хоть какие-то сведения о размере арендной платы?’; *Tiiät sie yhtään minä vuonna se on rakennet?* [Kotus] ‘Вы знаете, хотя бы примерно, в каком году он построен?’; и т.д.

- Использование глаголов перцептивного восприятия и полагания

Достаточно распространены для запроса мнения о чём-либо глаголы перцептивного восприятия *tuntua, vaikuttaa и др.,* а также глаголы, указывающие на предположение. Вопросы с данными глаголами оставляют за слушающим возможность не абсолютизировать собственное

мнение в конкретных фактах, а описать свои ощущения. Подобные запросы более деликатны, нежели, например, запросы возможностей, ведь основанием для мнения слушающего становятся ощущения, выводы, основанные на восприятиях – к ним отсылают глаголы. Брать ответственность за большее говорящий не просит.

Бытовая речь: *Tuntuuko sinusta siltä, että haluaisit käyttää karkeaa kieltä useammin?* [Hotakainen] ‘Кажется ли тебе, что тебе хотелось бы употреблять грубые выражения чаще?’; *Luuletteko te, että koska maailmanloppua ei ole vielä tullut, on epätodennäköistä, että se koskaan tulee?* [Krohn 1998] ‘Полагаете ли вы, что, так как конца света пока что не было, маловероятно, что он когда-нибудь наступит?’; *Miltäs kuulostaa…?* [Н.А.] ‘А как тебе кажется…?’ и т.д.

Институциональная речь: *Tuntuuko se teistä todennäköiseltä?* [Н.А.]’Кажется ли вам это правдоподобным?’; *Miltäs se tuntuu?* [Н.А.] ‘А каким это кажется?’ и т.д.

4. Обращение к слушающему через форму 3 л. ед.ч.

Обращение к слушающему через форму 3 л. ед.ч. – устаревающая форма употребления вежливости, несколько ироническая, поэтому факт деконкретизации здесь весьма условен: *Miten Aliide on täällä vaikka sisko vietiin?* [Oksanen] ‘Почему Алииде здесь, хотя сестру увезли?’; *Tietääkös Kreelin Maria, mistä on kyse?* [Oksanen] ‘А знает ли Креелин Мария, о чём речь?’; *Maistuuko varakkaalle ruoka?* [Hotakainen] ‘Не хочется ли состоятельному перекусить?’ и т.д.

Защита лица говорящего

К средствам, которые в большей степени защищают лицо говорящего нежели слушающего, относятся те, которые указывают на его неуверенность в факте пропозиции, правомочности выражения запроса.

Форма условно-желательного наклонения, наряду с формой имперфекта, может быть использована как неинформативно-побудительный запрос в случае, если говорящий хочет уточнить что-то, о чём уже шла речь ранее.

1. Ссылка к нон-фактивности

Во-первых, форма условно-желательного наклонения и имперфекта может указывать на то, что говорящий не уверен в каком-то факте, так как не помнит какую-то информацию. Данные средства позволяют говорящему не высказывать уверенности в пропозиции, содержащейся в вопросе. Для этого значения более характерна форма имперфекта.

Бытовая и институциональная речь

Oliko meillä jokin tapaaminen tänään? [Н.А.] *букв.* ‘У нас была какая-то встреча сегодня?’ (*Говорящий не помнит, была ли назначена встреча в этот день*); *Oliks se siinä samus samassa lapussa vai oliks se erikseen?* [Kotus] ‘Эта (информация) была на той же самой бумаге или отдельно?’; *Mikä olisi se viikko, jolloin ne tulevat? букв.* ‘Какая была бы та неделя, на которой они приедут?’ [Н.А.] (*Говорящий не помнит договорённости о дате приезда - не уверен, что такая договорённость существует.*) и т.д.

Во-вторых, форма условно-желательного наклонения и имперфекта может использоваться в случае, если говорящий не уверен в правомерности своего вопроса, в том, что факт, на который указывает пропозиция, может иметь место и об этом стоит спрашивать. Формы защищают говорящего от неправильного мнения, которое может быть высказано в запросе. Это возможно благодаря значению гипотетичности, заключённому в условно-желательном наклонении, и значению законченности действия имперфекта, которое можно воспринимать как значение нон-фактивности. Для передачи указанного содержания более характерно использование условно-желательного наклонения.

- Формы условно-желательного наклонения

Бытовая речь: *Kuinka saisin hänet oppimaan sen?* [Н.А.] ‘Как я мог бы заставить её выучить это?’; *Mitenkähän minä asian muotoilisin?* [Н.А.] ‘Как бы я мог сформулировать вопрос?’ и т.д. Здесь на первый план выходит значение возможности, заключенное в форме 1л. условно-желательного наклонения. В этом случае вопрос направлен на выяснение некой гипотетической возможности.

Институциональная речь: *Millekkäs tilillev voitas maksaa tää?* [Kotus] *букв.* ‘А на какой счёт можно было бы заплатить это?’ (Если это стоит оплачивать); *Mihinkäs sairrauteen se tällänel lääke sitten oesi?* [Kotus] *букв.* ’Для какого заболевания подобное лекарство было бы? ’ (Зачем это лекарство); *Pitäsköhän siitä sittev vaikka joku palakkalaskelma tuua?* [Kotus] *букв.* ’Должен же тогда прийти какой-то зарплатный расчёт? (Нет уверенности, что зарплатный счёт должен прийти)’; *No koskas se ois valmis?* [Н.А.] *букв.* ‘Но, ну, когда это было бы готово?’ (Нет уверенности, что об этом уместно спрашивать) и т.д.

Использование условно-желательного наклонения в подобном контексте имплицирует возможность того, что говорящий не до конца уверен в правомерности вопроса.

- Формы имперфекта

Форма имперфекта, относя действие к прошлому, представляет его ирреальным, нон-фактивным с точки зрения настоящего момента, и поэтому менее импозитивным, нежели такая

же форма настоящего времени: *Oliko asiaa meille ….?* [Н.А.] ‘*букв.* К нам было какое-то дело?’ *Oliko S-etukortti?* [Н.А.] ‘*букв.* Была ли скидочная С-карта’ (Есть карта для получения скидки в сети Сокос)? и т.д.

Говорящий относит некий факт к прошлому и словно бы не помнит результата, достигнутого в прошлом.

В-третьих, форма условно-желательного наклонения может иметь значение недоверия (усиление значения сомнения, представленного в предыдущем пункте). Используя форму вопроса, говорящий хочет узнать мнение слущающего о вещах, в возможности которых он сам сильно сомневается: *Minne sinä lähtisit?* [Н.А.] ‘Куда ты отправилась бы? ’ (Не верю, что ты уйдёшь). *Miksi he tekisivät sellaista?* [Oksanen] ‘Почему они делали бы это?’ (Не верю, что они делали бы это) и т.д.

Получив информацию от слушающего, каузатор, не доверяя ей до конца, представляет совершение действия необязательным, он переспрашивает. Форма условно-желательного наклонения смягчает выражение недоверия.

2. Ссылка к общему фонду знаний

Говорящий может попытаться сослаться на наличие общих со слушающим знаний относительно некоторого факта, оправдывающих его позицию – говорящий словно бы запрашивает согласие, а не мнение слушающего.

- Использование частицы *han/hän*

Характер вывода зачастую подчёркивается употреблением частицы *han/hän*, средством выражения прагматической пресуппозиции говорящего о том, что пропозициональный факт является известным слушающему, очевидным, и может оправдать постановку говорящим данного вопроса: *Jokohan Aino ihmetteli, missä he viipyivät?* [Oksanen] ’И удивилась же Айно, где они пропадают?’ (Цель говорящего – узнать, как Айно отреагировала*); Onkohan hän käynyt täällä?* [Н.А.] ‘Побывал же он здесь?’ (Цель говорящего – узнать, было ли некое третье лицо на месте и что произошло). *Osaavatkohan tehdä yhtä hyvin kuin Ruotsissa?* [Н.А.] ‘Умеют же они делать так же хорошо, как в Швеции?’ (Цель говорящего – убедиться, что слушающий согласен с ним); *Onkohan viisasta antaa hänen mennä?* [Krohn 1998] ‘Разве же разумно дать ему уйти?’ (Цель говорящего – убедить слушающего в определённом типе поведения).

Ссылаясь на общий фонд знаний, который должен быть у говорящего и слушающего, говорящий реализует значение диалогичности.

3. Использование значений возможности и необходимости

Запросы информации, выражающиеся при помощи модальных глаголов, не могут быть переосмыслены как просьбы, так как значение модальности, на которое они указывают, отсылает непосредственно к мнению слушающего о возможностях реализации некоторого положения вещей (значения эпистемической модальности). Задача подобных вопросов – инициировать оценку слушающим некоторого положения вещей. При этом модальные глаголы смягчают прямоту вопроса, придавая оттенок отстранённости.

- Употребление глагола mahtaa ‘мочь’

Глагол широко используется в запросах информации (Flint 1980) и распространён в институциональной речи для оценки слушающим положения вещей: *Paljonko siinä mahtaa olla?* [Н.А.] ‘Сколько там может быть?’; *Mahtaako se tulla huomenna?* [Н.А.] ‘Может быть, он появится завтра?’ и т.д.

- Употребление глаголов долженствования

Достаточно характерно использование в институциональной речи глаголов долженствования в форме 3 л. ед.ч. - полностью отсутствует указание на агента: *Tartteeks olla sopimus mukana* [Kotus] ‘Должен ли быть договор с собой?’; *Pittääkös tää entinen kortti jättee sii …?* [Kotus]’Следует ли оставить эту первоначальную карточку…?’; *Koska se pittää olla valamis?* [Kotus] ‘Когда она (фотография) должна быть готова?’ и т.д.

Говорящий, защищая своё лицо, ссылается на общие нормы, а не собственные нужды и обязанности. Использование модальных глаголов позволяет уйти от прямого и конкретного вопроса слушающему. Слушающий может при ответе апеллировать именно к невозможности чего-то или признать лишь частичную возможность/невозможность некоторого положения вещей, используя глаголы эпистемической модальности.

Констатирующе-вопросительные конструкции

Констатирующе-вопросительные запросы используются для получения информации общего характера, несмотря на то, что внешне они носят уточнящий характер – говорящий словно бы хочет проверить правильность некоего факта. Задача слушающего – распознать скрытую цель высказывания, узнать за косвенной формой вопроса его специальный характер, и ответить на вопрос распространённым высказыванием, так как ответ *Да/Нет* в данном случае явился бы прямой коммуникативной неудачей. *Sinähän olet käynyt siellä ennenkin?* [Н.А.]’Ты же бывала там и раньше?’ (Цель говорящего – узнать о впечатлениях слушающего о неком месте

посещения); *Sinähän olet soittanut ....?* [Н.А.] ’Ты же уже звонила….?‘ (Цель говорящего – узнать о результатах разговора) и т.д.

Данная модель используется в случае деликатности проблемы. Вопросы достаточно импозитивны для говорящего, так как он не решается задать их напрямую, но безопасны для слушающего и служат способом защиты его лица. Ответственность за предоставление информацию лежит на говорящем, который предлагает слушающему просто отреагировать на некий вопрос-утверждение и продолжить беседу на эту тему, если ему захочется или просто отказаться от рассмотрения данной проблемы.

Модель констатирующе-вопросительных конструкций носит ещё более косвенный характер, нежели форма общего вопроса вместо специального. Они используются в ситуациях, создающих угрозу лицу говорящего и слушающего – контактоустанавливающих, уточняющих.

- Использование глагола taitaa

Важное значение имеет употребление глагола *taitaa*, указывающего на высокую степень уверенности, основанную на анализе определённых фактов, очевидность факта. Зачастую вопросы играют контактоустанавливающую функцию: *Lämmin taitaa olla?* [Н.А.] ‘Наверняка, тепло?’. Таким образом, мы скорее имели бы осторожную оценку определённого факта, а не вопрос, если бы не ожидался ответ: *Oletpa tainnut autoa vaihtaa?* [Н.А.] ‘А ты, наверное, сменил машину?’. При этом оттенок неуверенности придаёт партитивная форма объекта, а за непринуждённость отвечает частица *pa*. Это скрытый запрос информации. Казус последнего примера состоит в том, что говорящий уверен в том, что слушающий сменил автомобиль – тот приехал на нём. Однако, говорящий хочет добиться подтверждения, и, что очень важно, рассказа о предмете речи.

См. также: *Ja ....ei taidettu edes kysyä, mikä ... osuus oli?* [Н.А.] ‘И, … вероятно, даже не спросили, каково было участие…?’ *Taidat viihtyä ...leivissä?* [Н.А.] ‘Ты, наверное, хорошо устроился на шее у…?’

- Употребление модальных наречий возможности и вероятности

Может возникнуть впечатление, что вопросы с модальными наречиями возможности и вероятности используются в уточняющем типе вопроса, однако они могут маркировать и первичные вопросы, начинающие новую тему. Говорящий заверяет слушающего в том, что они действуют в рамках общего понимания ситуации.

Бытовая речь: *Kai sinä olet jo tilannut ajan?* [Н.А.] ‘Ты, наверное, уже забронировал время?’; *Kai ne jotain sanoivat, kun tulivat sisälle?* [Hotakainen] ’Наверное, они сказали что-то, когда

вошли внутрь?'; *Ette kai te pelottele täällä pieniä lapsia?* [Krohn 1998] 'Вы, наверное, здесь не пугаете маленьких детей?'.

Институциональная речь: *Haluat sen kenties tänne?* [Н.А.] *букв*. 'Ты хотел бы это, по возможности, сюда?' и т.д.

Для институциональной речи в меньшей степени характерно использование модальных наречий, чем для бытовой. Значения констатирующе-вопросительных конструкций отсылает к значениям общего фонда знаний, как и частица *han/hän* в собственно-вопросительных конструкциях.

Неопределённо-вопросительные конструкции

При выражении данных запросов говорящий уверен в своей правоте, это сближает их с констатирующе-вопросительными запросами. Их задача – напомнить слушающему о неких нормах, практике, обычаях, истине, которые каузатору известны, и с которыми он согласен. Они требуют подтверждающей реакции слушающего, который должен разделить мнение говорящего. Говорящий хочет, чтобы слушающий исключил возможность отрицания очевидного факта.

Бытовая речь: *Etkö sä Eira todellakaan löydä kielivirheitä?* [Н.А.] 'И ты, Эйра, действительно не находишь грамматические ошибки?' (Я считаю, что ты нашла ошибки); *Eikö sanota, että totuus ei pala tulessakaan?* [Oksanen] 'Разве не говорят, что правда и в огне не горит?'; *Eikö vesi kelpaa?* [Н.А.] «Разве вода не годится?'; *Etkö harkinnut hetkeäkään aborttia?* [Н.А.] 'Разве ты ни на секунду не задумывалась об аборте?'; *Eikö se tehnyt teistä epäluotettavan?* [Oksanen] «Разве это не сделало Вас ненадёжной?'; *Eikö ole hyvä juttu? - Onhan se.* [Н.А.] 'Разве это не хорошо придумано (букв. хорошая история)? – Конечно же, хорошо'. Частица «же» в ответе подчёркивает очевидность правоты каузатора и т.д.

Институциональная речь: *Eihän siel ok kuj joku pienestä matkakorvauksesta kysymys ni .. ?* [Kotus] 'Там же речь идёт о небольшом возмещении транспортных расходов, не так ли…?'; *...siinä sisälttyy sähkö eikö sisälly* [Kotus] '…туда же входит электричество, не так ли'; *...nii eikös se pitäny olla niinku viime vuue* [Kotus] '…ну, разве он не должен был быть, как бы в прошлом году' и т.д.

В этих примерах мы видим большой потенциал вежливости отрицательных вопросов – они дают возможность реализовать всевозможные смягчающие параметры: предложить ненавязчивый ответ или отрицательную возможность ответа на вопрос – это защита лица агента.

2.2.2. Дискурсивно-обусловленные способы защиты лица говорящего и слушающего

Помимо семантико-структурных способов создания вежливых запросов, можно выделить также ряд дискурсивно-обусловленных средств и способов, которые могут применяться в собственно-вопросительных, констатирующе-вопросительных или неопределённо-вопросительных конструкциях. Модальность вежливости в подобных случаях достигается путём создания эффекта диалогичности.

1. Использование частицы *s* как средства диалогизации

По мнению Раеваара (Raevaara 2006: 86-117) использование частицы s - ’а, ну’ более характерно для институциональной речи, о чём мы уже писали, нежели для бытовой, и это действительно так.

Бытовая речь: *Mitäs nyt sitten?* [Н.А.] ‘Ну и что теперь?’; *Missäs mun tyttö on?* [Hotakainen]‘А где ж моя девочка?’ и т.д.

Институциональная речь: *Mitenkäs paljon ne jäläkikättee sitte maksaa ne korvvaukset pois?* [Kotus] *букв.* ‘А как много впоследствии они потом выплатят эти компенсации?’; *...mutta maksettaakos tästä mittää tästä lääkärintodistuksesta?* [Kotus] ‘…ну, а выплатят ли что-нибудь за это врачебное свидетельство?’ и т.д.

Использование частицы позволяет снизить уровень формальности ситуации, прямоты и категоричности вопроса. Используя частицу, говорящий придаёт высказыванию оттенок непринуждённости. Частица способствует созданию в институциональной ситуации отношений симметрии между говорящим и слушающим, так как используется в равной степени как служащими по отношению к клиентам, так и клиентами по отношению к служащим и между служащими:

Вопросы служащего клиенту:

...milläs nää matkat on tehty [Kotus]’…а на чём (каком виде транспорта) эти поездки совершены?’; *...mikäs se on tämän Raimon tuo henkilötunnus* [Kotus]’…а какой личный номер этого Раймо? ’ и т.д.

Вопросы клиента служащему:

...onks se tässä talossa tässä samassa talossa? [Kotus] ‘…а это в этом доме, в этом самом доме? ’; *...mikäs se on se paikka* [Kotus] ’…а что это за место? ’; *...toimiiks ne ihan ku meillähän lukee* [Kotus] ’…ну, а действуют ли они так, как у нас написано?’ и т.д.

Вопросы служащего служащему: *....mut saaks se jäädä tämmöisenään?* [Kotus] ‘ну…., а может ли это остаться таким?’; *onks se maksanut* [Kotus] ‘а оно (предприятие) заплатило? ‘ и т.д.

Вопрос, маркируемый данной частицей, не может быть инициирующим, он как бы отсылает к теме, открытой ранее, и указывает именно на рутинные проблемы.

2. Указание на логические связи, вызвавшие появление вопроса

Различные типы коннекторов обеспечивают связность диалога, указывая на логические связи внутри него, и облегчают коммуникативный процесс: Ja nyt sinä haluat mennä sinne? ‘И теперь ты хочешь идти туда?’ и т.д. С точки зрения роли в дискурсе они указывают не на первичные вопросы, а на уточняющие.

- Коннекторы

Коннекторы *ja ‘и’, vai ‘или’, mutta ‘но’* являются типичными инициальными словами вопроса, придающими ему неформальность. Они соединяют каузируемый вопрос с предыдущим дискурсом.

Бытовая речь: *Vai oliko Aliidella niin hyvät taustat?* [Oksanen] ‘Или у Алииде были столь хорошие тылы?’; *Ja oliko Aliide niin hyvä toveri?* [Oksanen] ‘И была ли Алииде таким хорошим товарищем?’; *Mutta jos minun kokemukseni sanoo toista, mitä tuo tieto minua auttaa?* [Н.А.] ‘Но если мой опыт говорит о другом, чем данная информация поможет мне?’; *Et siis näe, että yrityksellä olisi mitään mieltä ja merkitystä?* [Н.А.] ‘То есть, ты не видишь, что предприятие имело бы смысл и значение?’ и т.д.

Институциональная речь: *Mutta ajoitte kuitenkin ylinopeutta?* [Hotakainen] ‘Но Вы всё же ехали с превышением скорости?’; *Mutta eikö sitä koskaan kaivattu?* [Н.А.] ‘Но разве в этом никогда не нуждались?’ и т.д.

- Пояснительные обороты

Характерной отличительной чертой институциональных диалогов по сравнению с бытовой речью является большее количество пояснительной информации, обороты вводятся, в т.ч. с помощью союза eli/elikkä ‘или’ («то есть» в нашем контексте). Высказывания могут быть утвердительными по форме, но требовать ответа от слушающего: *...elikkä tää on tuota Joensuussa käyty* [Kotus] *букв.* ‘то есть,…эээ в Йоенсуу побывали**’; …***elikä tää on edestakanem matka букв.* [Kotus] ‘…или это поездка туда и обратно’; *...eli tota, mut saaks se jäädä*

tämmöisenään букв. [Kotus] ‘ …или ээ, но может ли это остаться в таком виде?’; *Eli mihin tarkotukseen se tulee* [Kotus] *букв.* ‘Или, для какой цели это будет?’; *Elikkä tuota onks se nyt eläkkeensaajan asumistuki?* ‘[Kotus] Или, .. ээ, это денежная поддержка получающего пенсию?’ и т.д.

В вышеуказанных примерах представлено уточнение служащим информации, полученной от клиента. Частица должна использоваться для пояснения, уравнивая два компонента высказывания. Зачастую обороты не содержат информации, разъясняющей что-либо, высказанное ранее, это вывод каузатора, который он представляет слушающему. Частица служит мостом, соединяющим предыдущую реплику с настоящей, размышления говорящего с вербальным выражением мысли. Значение пояснения является семой вежливости: *...elikkä satakuuskymmentä* [Kotus] ‘…или (то есть) сто шестьдесят’; *...eli tätä ei oo maksettu teille nyt viides kahdettatoista jälkeen* [Kotus] ‘…или (то есть) это не выплачивается Вам теперь после 5.12.’ и т.д.

3. Указание на недостаток собственного знания говорящего

Так как уточняющие вопросы импозитивны по своей природе, каузатору необходимо как-то смягчить их, например, указав на то, что вина в непонимании чего-то не лежит на плечах агента.

Бытовая речь: *Sitä minä en nyt vain tajua, että mitenkäs tyttö sitten osaa viroa?* [Oksanen] ‘Я сейчас просто не понимаю того, это как получилось так, что (*букв.*) девочка владеет эстонским?’; *Mites se on, kun minä oon saanu sellasen käsityksen, ettei sillä mitään firmaa olekaan enää?* [Н.А.] *букв.* ‘А как это может быть, когда я получила такое представление, что у него нет никакой фирмы вообще?’ и т.д.

Институциональная речь: *Teillehän on tällä hetkellä kestotilaus Kotiliedestä, ymmärsinkö oikein?* [Hotakainen] ‘У Вас же есть на данный момент постоянная подписка на журнал «Домашний очаг», я правильно понимаю?’; *Olenko ymmärtänyt oikein ettet oikein osaa keskittyä palavereihin?* [Hotakainen] ‘Я правильно понимаю, что Вы на самом деле не умеете концентрироваться на ходе совещания?’ и т.д.

Для указания на непонимание вопроса в бытовой и институциональной речи достаточно распространено использование просто слова anteeksi ‘извините’. *Anteeksi kuinka?* [Н.А.] ‘Простите, как?’

Особенности институциональных диалогов административного дискурса

Ниже мы предлагаем рассмотреть некоторые особенности построения и функционирования институциональных диалогов, так как они имеют чёткую структуру.

Секундарная группа

В секундарных группах институционального дискурса обычно клиент первый задает вопрос, значение которого – выражение причины визита, обращения (Raevaara 2006b).

Контактоустанавливающие вопросы

Среди них небольшую долю составляют прямые вопросы: *...minulle on syntynyhhh poika Venäjällä aiheuttaako se täällä mitää toimenpiteitä?* [Kotus] '…у меня родился сын в России, приведёт ли здесь это к каким-то мерам?' и т.д.

При этом следует отметить, что предваряет вопрос уточняющая, вводная информация: *mää oon Järvisen Minnan asioissa….* [Kotus] 'я по делам Ярвинен Минны…'. Далее служащий должен обратиться к документу. Говорящий переходит на личный уровень – стратегия сближения со слушающим, свидетельствующая о том, что говорящий не стремится использовать средства выражения вежливости, но он и не переводит ситуацию на формальный уровень.

Пояснение к представляемому документу может носить расширенный характер: *...elikkä tuosta asumistuesta* [Kotus] *букв.*'… или по поводу жилищной поддержки'; *...kun tuota minä apteekissa kävin näetä: tämän nimistä lääkettä kuulemma ei kuulu tämän piirriin* [Kotus] *букв.*'…ну, я эээ…..была в аптеке и лекарство с таким названием, говорят, не входит в этот список' и т.д.

Наибольшую долю среди первичных вопросов составляют вопросы с перформативами, которые позволяют снизить прямоту высказывания. С другой стороны, они все содержат глагол в форме условно-желательного наклонения, что вводит агентно-обусловленное значение свободы выбора – то есть, создаётся эффект просьбы, несмотря на то, что приход говорящего носит рутинный характер: *Nyt sitte kysyisin että missä mättää?* [Kotus] 'Сейчас тогда я бы спросила, что не так (в чём подвох)'?; *Mä kysysin kuule sinulta tämmöstä asiaa että onko tämä väärin laitettu ...?* [Kotus]'Я спросила бы у Вас (*букв.* у тебя), послушайте (*букв.* послушай), такую вещь, вот это неправильно указано?' и т.д. Данные случаи рассмотрены нами в главе неинформационно-побудительных директив, так как они инициируют не просто запрос информации, а работу служащего.

Утоняющие вопросы

К уточняющим вопросам клиента следует отнести все те вопросы, которые следуют за выражением причины визита и сопутствуют осуществлению основной цели клиента. Это могут быть общие и специальные вопросы.

1.*Tartteeks olla sopimus mukana?* [Н.А.] 'Должен ли быть с собой договор?' и т.д. Интересно, что, как и в рассмотренных ранее случаях, к частице *ko* прибавляется частица *s*. *Löytyykös kaksi sienikeittoa?* [Н.А.] 'А найдётся ли два грибных супа?' и т.д.

2. *Minkähällainej jono teil mahtaa nois käsittelyis olla?* [Kotus] *букв.* ‘Какая же очередь может быть при этих процедурах?’

Обратим внимание на структуру: это – экзистенциальные предложения, в которых реальный агент выполнения действия выведен из дискурса. Сами выгодополучатели становятся объектами, находящимися во власти обстоятельств.

Уточняющие вопросы служащего выражают различную степень требования пояснения, необходимую для выполнения служащим его основной функции – обслуживания клиента, решения поставленной перед ним задачи.

Среди уточняющих незначительную долю занимают конкретизирующие вопросы с вопросительным словом: *Minkäslaista sä tohon haluaisit?* [Kotus] *букв.* ‘А какой ты туда хочешь?’; *Mut milläs sää kuljet?* [Kotus] *букв.* ‘Но на чём Вы ездите?’. Или прямые вопросы с вопросительной частицей *ko*: *Ootteks te sillon linja-autolla tullu?* [Kotus] ‘Приехали ли Вы тогда на автобусе?’ и т.д.

Среди уточняющих вопросов большую часть составляют *ko*-вопросы, регулирующие ход дискурса и позволяющие вывести агента из дискурса. Неупоминание агента становится возможным благодаря использованию пассивных типов предложения: Onko sitä todettu koskaan ammattitaudeiksi *букв.* ‘Признавалось ли оно (заболевание) когда-нибудь относящимся к профессиональным?’ и т.д. В некоторых случаях субъектом действия является каузатор: Jätänkö mie tänne vähä enemmäm pittuutta *букв.* ‘Оставлю ли здесь немного побольше длины?’ и т.д.

В некоторых случаях субъектом предложения становится объект действия или предмет речи: *...onks tää sama?* [Kotus] *букв.* ‘...а это то же самое?’; *...jatkuuks sulla vielä tämä kurssi?* [Kotus] *букв.* ‘...а продолжается ли у тебя ещё этот курс?’; *...puuttuuks siit jotain tai, mikä siin vois mahdollisesti olla?* [Kotus] *букв* ‘…а там, значит, что-то отсутствует, или что там могло бы быть?’ и т.д.

Подавляющее большинство из подобных вопросов – экзистенциальные: *Onko <u>mittään</u> muuta <u>tulloo</u> sulla?* [Kotus] ‘У Вас есть какой-либо иной доход?’; *Onko teillä <u>vielä</u> <u>käyntiä</u> sielä?* [Kotus] *букв.* ‘Есть ли у Вас ещё посещения там?’; *Onkos teillä sitä <u>Kela-korttia</u>?* [Kotus] А есть ли у Вас эта, карточка Кела?’; *Onks teillä minkälais se osote että te mihim me voidaan m kuitenkip postittaas sitten?* [Kotus] *букв.* ‘А есть ли у Вас, какой адрес, чтобы куда мы можем всё-таки оправить?’ и т.д.

К особенностям данного типа вопросов относится употребление минимизаторов *yhtään, vielä* и форм партитивного объекта, которые позволяют несколько снизить сложность ответа, определённость предмета речи, что является средством выражения вежливости.

Обратим внимание также на наличие в значительной степени разъясняющей информации, снимающей рестриктивность вопроса, например, оборотов со словом elikkä: *Mikäs*

sull om matkareitti elikkä missä itse asut ja miss on työpaikka? [Kotus] ‘А какой у тебя маршрут, или где ты сам живёшь, и где твоё рабочее место?’; *Elikkä tässä nyt kysytään … et onk sulla työmatkakustannuksia?* [Kotus] ‘То есть, тут спрашивается…что есть ли у вас (*букв*. у тебя) затраты на поездки на работу?’; *Elikkä tää on tuota Joensuussa käyty* [Kotus] ‘То есть, это (значит), что в Йоенсуу (Вы) побывали?’ и т.д.

Отдельно можно рассмотреть **такие уточняющие вопросы**, с помощью которых говорящий пытается дополнить имеющуюся у него информацию или узнать путь выхода из какой- то проблемной ситуации, осторожно предложить решение – не исключая иные варианты. Такие запросы зачастую строятся в форме утверждений: *Mä otan noi sun tiedot ylös nii mää laitan kiirehtimisen tohon sairaspäivärahaa?* [Kotus] ‘Я запишу Ваши данные и тогда попрошу ускорение для этих выплат по больничному?’; Утвердительная форма индикатива говорит о том, что служащий предлагает определённый выход из ситуации и нуждается в одобрении клиента. Это косвенный запрос одобрения. *Eli täs pitäs näköjään uus hakemus tehdä* [Kotus] ‘То есть, тут нужно бы, по всей видимости, подавать новое заявление’. В данном примере интересно начало – дискурсивная частица eli «или, то есть», с помощью которой можно представить данный вопрос как вывод из какой-то ранее рассмотренной ситуации – несамостоятельное суждение автора. Форма условно-желательного наклонения модального глагола *pitää,* с одной стороны, ссылает на определённую норму, которую следует учитывать, а, с другой стороны, представляет это действие недостаточно обязательным. Именно модальные глаголы создают эффект недостаточности действия, необязательности, неполноты: *...tähähä ei varmmaan lasketa aotopaikkoja…?* [Kotus] *букв.*’…сюда же, наверное, не включаются места для (парковки) машин…?’; *... ja sull on niissä kansioissa varmasti jotain …?* [Kotus] ’и у Вас в тех папках, наверняка, есть что-то…?’; *mä tota en tarvi varmaan tätä…* [Kotus] ‘…мне, как бы, не нужно, наверное, это…?’ и т.д.

Модальные наречия со значением уверенности и предположения varmaan, varmasti – ‘наверное, наверняка’ не только свидетельствуют об уверенности каузатора, его стремлении получить утвердительный ответ, но и предъявляют повышенные требования к агенту, предполагая ещё большую точность ответа.

К уточняющим вопросам стоит отнести также те, в которых служащий проверяет, насколько правильная у него информация. Главное для каузатора – защитить лицо агента, поэтому он не представляет агента как источник информации. Он может взять ответственность на себя за сложившееся у него представление о ситуации: *Ymmärränks mä oikeen että tuliko se niinku yön aikana?* [Kotus] *букв.* ‘А понимаю ли я правильно, что случилось это… как бы… ночью?’ и т.д.

Наиболее частотным средством выражения подобных уточняющих вопросов, является частица *han/hän*. Значение частицы таково, что приближает вопросительную форму к

утвердительной: *Oiskoha se mmm maanantai?* [Kotus] *букв*. ‘Это же был бы ммм понедельник?’ *Olikoha se kaks yks nolla kaks?* [Kotus] ‘Это же был (номер) 2102?’. С точки зрения вежливости интересно также употребление в данных формах имперфекта и условного наклонения, смягчающих вопрос. Они, словно бы, пытаются представить предлагаемую ситуацию иллюзорной, условной или как представленную в прошлом, в любом случае, нон-фактивно. Частица «же» вводит значение уверенности каузатора, его опоры на общую перцептивную базу. С другой стороны, частица привлекает внимание агента к определённому факту так, что тот должен ответом высказать не только любое собственное мнение, но и, сравнив представляемую информацию с ранее данной, общественно известной, «общей», подтвердить её правильность.

Отдельно рассмотрим случаи таких **первичных вопросов**, как служащих, так и клиентов, которые не служат для решения основной задачи каузатора. Согласно нашей классификации это - первичный вопрос, так как он начинает новую тему. В данном случае он не контактоустанавливающий, так как не выражает причины визита: *Ei satu Anna-Maija Asikainen olemaan töissä?* [Kotus] ‘Не на работе ли случайно Анна-Мая Асикайнен?’; *Sattusko sulla olee se palkkakuitti mukanah?* [Kotus] ‘Нет ли у Вас случайно расчётного листка с собой?’ и т.д. Мы видим реализацию значений, близких к выражению случайности, крайности. Таких примеров крайне мало, в целом контактоустанавливающий вопрос и уточняющие его запросы информации составляют структуру диалога административного дискурса.

В качестве обобщения особенностей выражения вопросов в институциональном дискурсе уместно отметить, прежде всего, использование частицы *s*, неизменно присоединяемой к вопросительному слову или вопросительной частице. Следовательно, общение даже в институциональном дискурсе никогда не носит абсолютно формального характера.

Подведём итоги. Запрос информации, как и любой речевой акт, содержит в себе оценку говорящим некоторого факта пропозиции. То, с какой степенью уверенности говорящий представляет оценку положения вещей, определяется рядом факторов, связанных со слушающим, объектом речи, ситуацией общения, и влияет на степень импозитивности высказывания. Как и иные речевые акты, запрос информации располагает рядом стратегий и средств защиты лица говорящего и слушающего.

К способам защиты лица говорящего и слушающего можно отнести следующие принципы: деконкретизация и диалогичность. В случае импозитивности деконкретизация позволяет обеспечить менее конкретный характер запроса информации, предоставляя слушающему свободу выбора объёма и характера предоставляемой информации. Диалогичность направлена на построение связного и понятного разговора, облегчающего процесс коммуникации и таким образом снижающего импозитивность. Мы разделили запросы информации на собственно-

вопросительные, констатирующе-вопросительные и неопределённо-вопросительные для того, чтобы лучше определить значение и конструктивные особенности каждого.

Семантико-структурные способы защиты лица говорящего и слушающего:

Направленные в большей степени на защиту лица слушающего:

1. Семантический агент#синтаксический агент
   - Экзистенциальная форма предложения
   - Пассив
2. Замена специальных вопросов общими
3. Снижение определённости предмета речи
   - Неопределённые местоимения и наречия
   - Партитив
   - Минимизаторы
   - Глаголы перцептивного восприятия и полагания
4. Обращение к слушающему через форму 3л. ед.ч.

Направленные в большей степени на защиту лица говорящего:

1. Ссылка на нон-фактивность
2. Ссылка к общему фонду знаний
3. Использование значений возможности и долженствования

Дискурсивно-обусловленные способы защиты лица говорящего и слушающего:

1. Использование частицы s
2. Указание на логические связи в диалоге
   - Коннекторы
   - Пояснительные обороты
3. Указание на недостаток собственного знания говорящего

Весьма интересен приём замены специальных вопросов общими, нарушающим грамматические правила построения вопросительных предложений. *Onko siellä millaiset vinkit mukana?* [Н.А.] *букв.* ‘Есть ли там какие советы вместе с этим?’.

Мы можем говорить о деконкретизации как стремлении к обобщению в целом разными средствами и способами в данном типе вопросов. Обобщение предоставляет агенту возможность также не конкретизировать ответ – это проявление дипломатии.

Дискурсивно-обусловленные параметры и другие средства, создающие эффект диалогичности, направлены на формирование общего поля деятельности говорящего и слшающего. Это происходит за счёт снижения формальности (использование частицы s), констатирующе-вопросительных конструкций, содержащих определённый ответ как основу для построения диалога. Используя обороты, указывающие на причины вывода, содержащегося в вопросе, пояснения, говорящий подчёркивает причину выражения вопроса, что снижает импозитивность как для него, так и для слушающего. Неопределённо-вопросительные конструкции относятся к этой же группе.

Характерно использования принципа сотрудничества, реализация максимы такта, что в т.ч. проявляется в наличии большого количества пояснительной информации, средств снижения категоричности, появлению значений возможности, практической необходимости, ирреальности как выражению неуверенности говорящего.

ГЛАВА 3. ЗНАЧЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ ВЕЖЛИВОСТИ В РЕПРЕЗЕНТАТИВНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТАХ

В репрезентативных речевых актах говорящий высказывает мнение, предположение относительно определённого положения дел, даёт речевую оценку, реагирует на директивы, полученные им ранее от слушающего. В подобных высказываниях он в определённой степени принимает на себя ответственность за представленную им информацию. Указанная степень отражает уверенность говорящего, которая передаётся с помощью средств эпистемической модальности.

Эпистемическая модальность выражает мнение говорящего относительно возможности или обязательности некоторого положения вещей. Мы считаем логичным разделение эпистемической модальности на модальность достоверности и модальность проблемной достоверности. Используя подобную классификацию, мы переосмысливаем термины, использованные в работах В. З. Панфилова, Е. И. Беляевой и других [Панфилов 1977, Беляева 1990, Швец 2008]. С помощью значений модальности достоверности говорящий указывает на уверенность в истинности чего-либо. Модальность проблемной достоверности отражает неуверенность, сомнение говорящего в истинности пропозиции и представляет наибольший интерес. Значения модальности проблемной достоверности можно разделить на значения вероятности, возможности, сомнительности.

При выражении иногда выделяемой модальности недостоверности говорящий уверен в неистинности некоторого положения вещей. В нашей концепции отрицание одного – это утверждение иного положения вещей, обратного пресуппозиции данного, и само по себе, по нашему мнению, оно не составляет отдельное значение эпистемической модальности.

Мы считаем интересным и необходимым применение предложенной классификации к модели финского языка, так как ранее исследователями финского языка не было проведено подробное разделение средств эпистемической модальности на подтипы по принципу степени уверенности и с точки зрения выражения вежливости [Hakulinen-Karlsson 1979, Vilkki 1991, Lehtinen 1997]. Описание средств выражения эпистемической оценки в финском языке наиболее полно представлены в работе Кангасниеми [Kangasniemi 1992: 147-263].

Средства выражения эпистемической модальности классифицируют высказывания по степени достоверности. Речь не может идти об истинностной или аксиологической оценке поведения говорящего. Важно, как говорящий хочет представить определённое положение вещей, защищая собственное лицо или лицо слушающего, вне зависимости от своего настоящего представления о чём-либо.

Средства выражения эпистемической модальности позволяют прибегнуть к механизму хеджинга. С помощью стратегий хеджинга можно минимизировать ответственность за сказанное, преуменьшить значение чего-либо - ограничить ситуацию некой областью знаний [Brown - Levinson 1987: 146, Ingo: 2000].

Формирование оценки, обосновывающей выбор средства эпистемической модальности, связано с типом источника информации - непосредственным чувственным восприятием говорящего, его выводом на основании объективных данных, сведениями, полученными с чужих слов – то есть, средства эвиденциальности являются важной составляющей хеджинга и принципа модальности вежливости.

Мы предлагаем проследить в значениях эпистемической модальности активность реализаций следующих подтипов репрезентативного речевого акта: мнение, согласие и несогласие, отказ. Нами специально выбраны только те ситуации, которые могут быть импозитивными, в которых в наибольшей степени учитываются параметры лица слушающего.

Мы планируем рассмотреть выражение значений модальности достоверности, проблемной достоверности параллельно в бытовой и институциональной речи, так как в ряде случаев нет особенных отличий между способами выражений значений, и мы не видим смысла обращаться к речевым актам одного типа несколько раз. Примарные группы институциональных диалогов и бытовой речи в целом полностью совпадают. Мы сделаем отдельные замечания, касающиеся модальности в примарных и секундарных группах институциональных диалогов.

3.1.Репрезентативы с реализацией значений модальности достоверности

Выражение модальности достоверности – это не просто выражение уверенности в чём-либо, с точки зрения вежливости это – категоричное выражение мнения говорящего. В данном случае нам интересно проследить степень распространённости выражений достоверности по сравнению с содержащими оттенок неуверенности. Сами речевые акты со значением модальности достоверности не могут быть маркированы специальными языковыми средствами. Достоверность невозможно усилить или преуменьшить. Наклонение, которое используется в данном типе модальных значений – индикативное. Неконкретизированное общее эпистемическое обязательство выражается при помощи изъявительного наклонения [Лайонз 2003: 343-352].

Однако мы обнаруживаем в данном типе речевых актов определённое количество максимизаторов и минимизаторов, конкретизирующих и абсолютизирующих мнение говорящего, хотя для передачи значения достоверности они не играют роли. Их функция

аффективная. С другой стороны, мы также видим ряд модификаторов, придающих высказыванию дополнительную диалогичность.

Использование модификаторов, в т.ч. минимизаторов и максимизаторов, также можно трактовать с точки зрения модальности вежливости. Таким образом, все средства, описываемые ниже, указывают на дополнительные функциональные особенности речевых актов со значением достоверности, никак не влияя на само значение достоверности.

Выражение мнения

Бытовая речь

В бытовой речи, в отличие от институциональной, мы можем найти прямые категоричные высказывания: *Sinä et ole täältä kotoisin. Et Virosta ollenkaan* [Oksanen] ‘Ты не отсюда родом. И не из Эстонии совсем’; *Ei se ole mikään moottori* [Krohn 1998] ‘Это никакой не двигатель (Он нам не годится)’ и т.д.

- Максимизаторы

Категоричность в вышеизложенных высказываниях создаётся за счёт использования максимизаторов ollenkaan ‘вовсе нет’, mikään ‘ничто’, не дающих возможности считать некий факт таким, каков он есть, даже в малейшей степени. Использование их с точки зрения передачи содержания – бессмысленно. Они употребляются в высказываниях, где характеристика предмета речи с точки зрения степени выраженности некоего признака невозможна. Так, прибор может либо являться двигателем, либо нет. Говорящий прибегает к максимизаторам, чтобы подчеркнуть свою уверенность и исключить любую возможность иного мнения – это средство аффективности. Придавая высказыванию дополнительную категоричность, высказывания с данными максимизаторами высокоимпозитивны, и поэтому употребление подобных максимизаторов возможно лишь в ситуациях примарных групп бытовой речи, между хорошо знакомыми людьми.

Более частотны речевые акты с модификаторами, придающими высказыванию дополнительную диалогичность, акцентирующими внимание слушателя на деталях. С их помощью говорящий подчёркивает свою внимательность по отношению к слушающему, заинтересованность в том, чтобы суть вопроса была правильно понята.

- Фокусирующие частицы ”pa”/ ”pas”- ‘ка, даже, ну, однако, же’, ”s”- ‘а, ну’:

Задача частицы *pa* – сфокусировать внимание на определённом моменте, позволяющем ограничить объект, на который направлено утверждение. В то же время частица придаёт

усилительное значение: *Mutta siinäpä juuri teette erehdyksen* [Krohn 1998] ‘Но именно-то ведь там Вы делаете ошибку’; *Enpä kerro* [Н.А.] ‘Вот и не расскажу’ и т.д.

Частица **”s”** играет в сочетании с частицей «ра» смягчающую роль: *Onpas kuu tänä iltana kovin punainen* [Oksanen] ‘Ну и очень же красная этим вечером луна’ и т.д.

С одной стороны, частицы не снижают степень уверенности говорящего в чём-либо, с другой – они смягчают прямоту высказывания, способствуя также задаче убеждения в чём-то слушающего.

- Минимизаторы

С помощью некоторых минимизаторов говорящий может несколько ограничить объект речи. Речь может идти о минимизации оценки, направленной на объём высказываемой информации или тему разговора: *Sen vain sanon, että olet liian huonossa kunnossa ollaksesi syötti* [Oksanen] ‘Я скажу только то, что ты в слишком плохом состоянии, чтобы быть наживкой’; *Timo se o vähä se kun ei oo ihan pohjii myöten perillä noist jutuist se ei osaa sanoo takasi* [Hotakainen] *букв.* ‘Тимо.. он немного такой…, так как он не совсем полностью в курсе дел, поэтому не умеет ответить’ (поэтому не отвечает, не может ответить из-за недостатка информации) и т.д. *Ei siellä ainakaan tarvitse jonottaa niin kuin tavallisesti* [Krohn 1998] ‘По крайней мере, там не нужно стоять в очереди, как обычно’ (поэтому пойдём туда) и т.д.

Таким образом, говорящий учитывает тот факт, что слушающий может иметь в целом иное мнение о ситуации и подчёркивает, что его (говорящего) уверенность в достоверности чего-либо распространяется только на определённый аспект дела.

Утверждения с минимизаторами весьма распространены. При этом они могут являться в некоторой степени косвенными каузациями к речевому или неречевому действию в будущем, требуя от слушающего реакции если не сразу, то в отдаленной перспективе.

Мнение, представленное в таких утверждениях, может стать причиной выполнения определённых действий слушающем, может изменить его поведение: *Ei tuo ole aivan harmitonta* [Н.А.] ‘Это не совсем безобидно’ (Не стоит этого делать); *Helleaallot eivät ole aina harmittomia* [Krohn 1998] ‘Периоды жары не всегда безвредны’ (Не стоит выходить на улицу); *Tietyllä tavalla katson että olet maalannut itsesi nurkkaan* ‘Определённым образом (по-своему) я вижу, что Вы загнали себя в угол’[Hotakainen] (Вам нужно изменить своё отношение) и т.д.

В данном случае минимизаторы являются средством хеджинга, оставляя говорящему возможность быть правым только в определённых аспектах.

- Конкретизирующие обороты

Использование конкретизирующих оборотов позволяет также, как и в случаях с

минимизаторами, обусловить достоверность некоторого положения вещей определёнными факторами – в данном случае, напрямую связанных с пониманием говорящим ситуации, его фондом знаний. Благодаря конкретизирующим оборотам говорящий указывает на необъективность предоставляемой информации. Они создают эффект диалогичности, упрощая для слушающего возможность высказать отличное мнение: *Ymmärrän tämän niin että ...* [Н.А.] ‘Я это понимаю так, что …’; *Itse olen ymmärtänyt sen niin, että pitää tehdä ....* [Н.А.] ’Сам я это понял так, что нужно сделать…’; *Ymmärrän asian siten, että ajatus maailmanlopusta on alkanut vallata mielikuvitustanne* [Krohn 1998] ‘Я понимаю этот вопрос так: мысль о конце света начала овладевать Вашим воображением’; *Ymmärrän asian niin, että te koette Håkanin muuttuneen hyvin nopeasti* [Krohn 1998] ‘Я так понимаю, Вам кажется, Хокан изменился слишком быстро’ и т.д.

Институциональная речь

Категоричные высказывания в институциональной речи встречаются в очень небольшом количестве. В ситуациях между клиентом и служащим выражения достоверности характерны для клиента, желающего подтвердить свои действия. Для служащего подобная речевая модель нехарактерна – он должен иметь достаточно знаний и имеет достаточно полномочий, для того чтобы высказывать однозначные суждения относительно чего-то. В ситуации служащий-руководитель служащий может, как и клиент институционального заведения, использовать значения достоверности для описания своих действий, или, как и руководитель, для подтверждения чего-либо. Все эти случаи неимпозитивны, поскольку никак не характеризуют действия слушающего.

- Коннектор eli

Интересно использование коннектора eli (‘или’, ‘то есть’) в начале утверждений со значением достоверности. Очевидно, что их цель – конкретизация высказывания, однако они могут служить для выражения пояснений, возвращая слушающего к некой теме, начатой ранее: *…eli kodihoitotuesta, ...mulla täyttää lapsi nyt kaks huhtikuun seittemästoista…*[Kotus] *букв.*‘…иначе говоря, по поводу компенсации по уходу, …. у меня ребёнку сейчас исполняется два, 17 апреля…’; *...eli tota hän on englantilainen eli sen takii hänem puolestaa hoidan asiaa...* [Kotus] *букв.* ‘…то есть, он англичанин, то есть, поэтому я занимаюсь делами вместо него…’ и т.д.

В бытовой речи коннектор используется в меньшей степени, чем в институциональной: *Eli me tehdään* [Н.А.] se *букв.* ‘То есть, мы сделаем это’; *Elikkä tässä se on букв.* [Н.А.] ‘То есть, вот она (бумага)’ и т.д.

Использование максимизаторов возможно именно в таких неимпозитивных ситуациях. Но их употребление также можно охарактеризовать с точки зрения модальности вежливости: большое количество наречий и частиц в речи служащего необходимо для поддержания коммуникации с клиентом.

Выражение значений достоверности относится также ко всем случаям выражения согласия.

Выражение согласия

Мы относим выражения согласия также к репрезентативам, так как они отражают определённое мнение слушающего. Согласие может вербально выражаться рядом наречий, передающих как просто согласие, например, kyllä ‘да, правда’, так и уверенность в правоте собеседника, например, tietenkin ‘конечно’. Под речевым актом согласия могут подразумеваться различные типы высказывания: согласие с мнением собеседника или с его знанием чего-то – скорее, апелляция к его мнению, согласие на определённое действие, просто согласие рассмотреть некую ситацию.

Согласие с мнением собеседника

Бытовая и институциональная речь

- Наречия, без средств модальности вежливости

Kyl meiän pitää saada [Н.А.] ‘Да, нам надо получить….’; *On tosiaankin tapahtunut suuri muutos* [Н.А.] ‘И, действительно, произошло большое изменение’; *Epäilemättä* [Н.А.] ‘Без сомнения’; *Aivan* [Н.А.] ‘Точно’ и т.д.

- Частицы-усилители kin/kaan, kään ‘и, также’

Niin onkin [Н.А.] ‘Так и есть’; *Järjetöntä kysyäkään* [Н.А.] ‘ Нелепо и спрашивать’и т.д.

Ответ отрицанием на отрицание означает утверждение - согласие с высказанным мнением.

Бытовая речь

Ei mua sillai kiinnosta ne…. – ei tietenkään…. [Н.А.] ‘Меня они в подобном плане не интересуют’. – ‘Нет, конечно’; *Ei nykyihmisellä sellaiseen ole aikaa……- …..Eipä tietenkään* [Hotakainen] ‘У современного человека нет на это времени…’ ‘Ну, конечно же, нет’; *Eipä kai - Eipä tietenkään* [Н.А.] ‘Ну, наверное, нет’ - ‘Ну, конечно же, нет’ и т.д.

При этом частица *pa/pä* имеет усилительное значение – в нашем случае, усиливает значение согласия.

Институциональная речь

(Клиент)… *ei tääl oo aikaa istua joka päivä*…'…нет времени сидеть здесь каждый день…'.

(Служащий) ….*ei tietenkään mä katon tossa*…'…нет, конечно же, я посмотрю там…'.*Eipä tietenkään* …'Ну нет, конечно же' [Kotus]

Частица ра/рä также в институциональной речи маркирует случаи выражения согласия говорящего в ответ на отрицательные реплики.

Таким образом, служащий морально поддерживает собеседника, даже подчёркивает правильность его заключения словами «конечно же», способствуя развитию разговора. В рассмотренных случаях отрицательный глагол и частицы усиливают аффективный эффект, что, впрочем, типично для устной речи и значений уверения, согласия.

Так как посещение заведения институционального типа связано, как правило, с отсутствием или недостаточностью чего-либо у клиента, какой-то проблемой, то многие из них репрезентируются через отрицание. Отрицательные реплики говорящего никогда не остаются без ответа в принципе.

(Клиент) *Nii päätöstä ei oov vielä tehty* 'Таким образом, решение ещё не принято'

(Служащий) *Ei oov vielä päätöstä* 'Нет ещё решения' [Kotus]

Повторение утверждения за клиентом можно расценить как проявление участия, заинтересованности в вопросе, желания уточнить правильность услышанного. Вместе с этим служащий даёт возможность клиенту сделать пояснения.

Выражения согласия с мнением собеседника

Данные высказывания содержат согласие говорящего с тем, что слушающий имеет определённое мнение относительно чего-то. *Te tiedätte kyllä ne ovat kaikilla* [Н.А.] 'Вы знаете, определённо, они есть у всех'; *Ymmärrätte tietysti että se kaikki tapahtuu täysin rauhanomaisesti ...* [Krohn 1998] ' Вы, конечно, понимаете, что это всё происходит абсолютно мирно'; *Ymmärrätte tietysti ...että se tapahtuu koko systeemin parhaaksi* [Н.А.] 'Вы понимаете, конечно,… что всё это происходит на благо всей системы'; *Ymmärrättehän te että aivan kaikkeen ei mikään yhtiö voi varautua* [Hotakainen] 'Вы же понимаете, что абсолютно ко всему компания не может приготовиться' и т.д.

В подобных апелляциях каузатор скорее пытается убедить слушающего в чём-то.

- Употребление частицы han/hän

Другим видом апелляций являются те речевые акты, в которых говорящий соглашается с мнением слушающего, так как это обусловлено определёнными обстоятельствами, на которые и указывает частица. Таким образом, каузатор «вспоминает» некий факт, который позволяет

ему согласиться со слушающим: *Onhan se mahdollista. Otetaan selvää* [Н.А.] ‘Это же возможно. Будем выяснять’; *Joo, sinähän kävit tässä itämaisessa ravintolassa tässä eräänä päivänä* [Krohn 1998] ‘Да, ты же бывал в этом восточном ресторане здесь когда-то’. Подобный речевой акт, с одной стороны, выражает принятие информации, получаемой от собеседника, с другой стороны - её большое информативное значение, признание авторитета слушающего как источника информации.

Выражение согласия на определённое действие

- Использование частиц pas/päs

Случаи выражения согласия не требуют особого рассмотрения, так как не являются импозитивными. Мы можем рассмотреть выражение согласия в ситуациях, когда соглашающийся действует в интересах слушающего, хотя сам слушающий не уверен в целесообразности определённого действия. *No annapas mie käön siellä…* [Hotakainen] ‘Ну, давайте-ка, я схожу туда…’; *Minäpäs yritän….* [Н.А.] ‘а вот я попробую’; *Olkoon…* [Н.А.] ‘Пусть…’ (императивная форма) и т.д.

Выражения согласия рассмотреть определённую ситуацию

Употребление подтверждающих частиц и наречий в большом объёме характерно для финской речи как бытовой, так и институциональной, - и это важно для понимания характера вежливости в финском языке. Для этой цели используются модификаторы *kyllä, joo/ju, niin,* ‘да, так’ имеющие однозначную окраску согласия, а не наречия, имеющие субъективную окраску, как *tosiaan, tietenkin* ‘действительно, конечно’ и пр. Это аспект лишь частично является предметом нашего исследования, так как в большей степени касается этикета. Для нас же важен факт того, что, например, употребление дискурсных частиц *niin, joo, just* необходимо для поддержания коммуникации и они, зачастую, являются заполнителями пауз, характерных для русского языка, и важными модификаторами макроречевого акта.

Бытовая речь:

-*…mutta mehuissa se on eri juttu* ‘…но что касается соков, то там всё по-другому’

-*Ai nii jos ottaa jääkylmää* ‘Ага, да, если берёшь ледяной’

-***N**iin ei se o jääkylmää* ’Да, но он не ледяной’ [Kotus – пример бытовой речи]

Данный пример прекрасно иллюстрирует, что отрицательный смысл предложения не влияет на использование коннектора *niin*. Однако коннектор *joo* не был бы уместен – он означал бы согласие с пропозицией (Об этом также: Sorjonen 2001b).

Институциональная речь:

Отрывок из диалога [Kotus]:

Клиент: -*Mä oon toimittanu helmikuulta* ‘Я направляла за февраль (квитанцию)’.

Служащий: -*Eli kattomaa* ‘То есть, посмотреть’.

Клиент: -*Joo.* ‘Да’.

Служащий:-*Niin tänne* ‘ То есть, сюда (направляла) ’.

Клиент: -*Ei ole mukana nyt* ‘Сейчас нет с собой’.

Отрывок из диалога [Kotus]:

Служащий:- *Joo-o, ei ymmärrän iha hyvin että näin on* ‘ Да, нет, я понимаю, очень хорошо, что так и есть’.

Клиент: -*Nii ja sellainen ongelma joka ikinen kuukausi* ‘Ну, да, и каждый месяц возникает проблема с этим’.

Служащий:- *Just* ‘Именно’. (информация принята, внимание уделено).

Отрывок из диалога [Kotus]:

Клиент: -*Mutta sitte mä huomasin sev vasta ku mä lähdin liikkuun* ’Но, тогда, я заметил это, как только пошёл’.

Служащий:- *Joo .....tota.* ‘ Да…..ну…(переход к вопросу)’.

Для выражения согласия может быть использован также коннектор just ‘точно, именно’. Наш анализ показывает, что клиент использует коннекторы *joo* и *just* для согласия с пропозицией высказывания служащего и принятия запрашиваемой информации, а коннектор *niin* – только как дискурсный маркер принятия информации. Служащий же, защищая лицо клиента, использует коннектор *joo* в любых ситуациях, как бы соглашаясь со всем, что говорит клиент – он входит в его положение, и речь не идёт о внутреннем согласии. Таким образом, возможно такое использование его в импозитивных ситуациях.

Широкое использование частиц для выражения отношения к сказанному свидетельствует о желании активно поддержать диалог и указать на внимание к собеседнику, как со стороны служащего, так и собеседника: *...mut ei täs näykkääk kyllä se käyntipäivä* [Kotus] ‘…но здесь и не виден, действительно, этот день посещения»’; *...ei tietenkää* [Kotus] ‘…нет, конечно’. *…mut kyllä mä sen toimitin tänne* [Kotus] ‘…но, точно я отправил его (письмо) сюда’ и т.д.

Выражение несогласия

Среди случаев выражения несогласия можно выделить те, в которых говорящий не

отрицает что-либо напрямую, противоположная точка зрения акцентируется с помощью обоснования своего мнения – это снимает прямоту утверждения. Для таких случаев характерно использование частицы han/hän, которая вносит значения «конечно же», «не так ли», «не правда ли» в зависимости от языкового окружения – относя слушающего к определённым фактам.

Бытовая и институциональная речь

Данные речевые акты близки к выражениям убеждения, однако, отправной точкой является тот факт, что каузатор и слушающий не согласны в некоем вопросе изначально. При этом смысловой центр высказывания помечается частицей han/hän.

Бытовая речь

Mitä varten? Vastahan te tulitte [Н.А] ‘Зачем? Только что же Вы пришли’; *Joku nimihän tällä seudulla pitäisi olla* [Krohn 1998] ‘Какое-то же название у этой местности должно быть’; *Löysithän lopullisesti tänne* [Н.А.] ‘Ты, в конце концов, добрался же сюда’; *Voithan kysellä Aliide Truuta* [Oksanen] ‘Ты же можешь спросить Алииде Труу’ и т.д.

Институциональная речь

Siellähän oli siinä edellisessä ennakkopäätöksessä [Kotus] ‘Там же было, в том предыдущем предварительном решении’; *Eli nythän on …noin niin: viel se tilanne että …* [Kotus] *букв.*‘То есть, тут же, … примерно так: ещё такая ситуация что…’; *Onhan siinä omavastuuosuus aina ollu* [Kotus] ‘Но это же всегда включало и долю собственной ответственности’; *Voinhan sähköttää* [Krohn 1998] ‘Я же могу телеграфировать’; *Kyllähän sinä pääset Venäjälle* [Lehtolainen] ‘Конечно же, ты попадёшь в Россию’ и т.д.

Можно также выделить значения невысказываемого несогласия со слушающим, акцентирование внимания на вещах, которые неприемлемы для говорящего: *Tämähän on omalaatuista. Te käyttäydytte sopimattomasti* [Krohn 2004] ’Это, однако же, своеобразно. Вы ведёте себя неподобающим образом’; *Niinköhän?* [Н.А.] ‘А вот так?’; *Minähän tahdoin vain syödä. Olkaahan nyt järkevä ja päästäkää minut ulos* [Krohn 1998] ’Я же хотел только поесть. Будьте же сейчас благоразумны и выпустите меня на улицу’ и т.д.

Достаточно распространены случаи присоединения частицы к отрицательному глаголу. В данном случае речь может не идти о несогласии с чем-либо высказанным заранее, речь идёт об обосновании каузируемого действия, то есть о попытке убедить в чём-то слушающего: *Eihän täällä ole aikaisemmin voinut syödä ulkona muualla kuin Grilli Baarissa* [Krohn 1998] ‘Здесь же раньше невозможно было есть где-либо вне дома, не считая Гриль-бара’; *Eihän meillä ole kuin tuollaiset verryttelyhousut*…[Hotakainen] ‘У нас же ничего нет, кроме как тех спортивных штанов…’; *Eihän se koskaan sano mihinkään mitään* [Hotakainen] ‘Он же никогда ничего не говорит ни о чём’ и т.д.

Данные высказывания содержат элемент аффективности – об этом говорит порядок слов – отрицательный глагол выходит на первый план.

Мы приводим здесь также вопросительные формы, так как они являются риторическими. То есть, это именно утверждения, а не запросы информации. *Eiköhän jo ollutkin liian myöhäistä* [Н.А.] ’Разве же уже не слишком поздно?’; *Eiköhän se ole hieman kohtuutonta?* [Н.А.] ‘Это же немного несправедливо, не так ли?’; *Eiköhän taiteilija nyt mennyt liian pitkälle?* [Hotakainen] ‘Художник зашёл уже сейчас слишком далеко, не правда ли?’ и.т.д. В последнем примере обращение к слушателю выражено формой 3 л. ед.ч.

Данному типу выражений может быть присуща ирония: *Eihän näin vanha ihminen sellaista voinut tietää, että Vladivostokiin on tullut sellaisia kouluja, joissa opetetaan viroa* [Oksanen] ‘Не мог же настолько пожилой человек знать, что во Владивостоке появились такие школы, в которых изучается эстонский’. Факт пропозиции настолько очевиден, что не требует доказательств.

- Использование дискурсной частицы ”eiku”

Данная частица состоит из слагаемых: отрицательного глагола ”ei” и компонента «kun», которые слились, при этом произошло выпадение конечной согласной. С помощью данной частицы каузатор категорически отрицает что-то, сразу же ссылаясь на некий факт. Частица носит характер вводного оборота: *eiku odota nytte* [Н.А.] ‘нет, (когда) ну … подождите сейчас’ и т.д.

Выражение отказа

Под отказом мы имеем в виду нежелание говорящего реализовывать некую деятельность.

Бытовая и институциональная речь

- Употребление глагола voida в отрицательных предложениях

Смягчающий эффект может создаваться за счёт модальных глаголов, относящих возможность/невозможность к внешним причинам. Защита лица говорящего связана с тем, что отрицание чего-то происходит через опосредованное выражение невозможности: *Minäkään en voi viedä sinua minnekään* [Oksanen] ‘И я не могу тебя никуда увезти’; *En minä voi mennä sinne* [Н.А.] ’Не могу я пойти туда’; *Me emme voi taata kaikkea mahdollista* [Krohn 2004] ‘Мы не можем гарантировать всё возможное’ и т.д.

Выражение вежливости связано именно с эксплицитным выражением причин определённого поведения. Для этого частотно использование глаголов, указывающих на внешнюю причину невозможности чего-то, например, ehtiä ‘успевать’ и päästä ‘мочь, попадать’:

Mitenkään kiireiden vuoksi en ehdi sitä nyt tehdä [Н.А.] ‘И я никак не успею из-за спешки сделать это сейчас’. *En pääse valitettavasti tulemaan sinne* [Н.А.] ‘К сожалению, я не сумею приехать туда (не выберусь)’ и т.д.

- Модальные глаголы в безличных конструкциях

Важным параметром является также отсутствие формы личного местоимения, указывающего на агента действия. Безличные конструкции представлены формами пассива и обобщённо-личными предложениями с глаголом в 3 л.ед.ч. Используя безличную форму, говорящий - агент действия снимает с себя ответственность за действие, так как причина его поведения связана с внешними источниками. Безличное высказывание также создаёт впечатление, что нечто свойственно не одному субъекту, а то, что, в целом, под действием некоторого обстоятельства мог оказаться кто угодно. Таким образом, либо каузатор, либо агент снимает с себя ответственность за каузацию: *…tekstejä ei pysty suoraan kirjoittamaan pdf-dokumenttiin* [Н.А.] ‘…тексты невозможно подписать прямо в документе PDF’(Поэтому и я не смогу сделать это); *Ei toimitusjohtaja ehdi kotiin soitella* [Hotakainen] ‘Не успевает исполнительный директор звонить домой’ (Я, будучи исполнительным директором, не успеваю звонить в силу своей занятости); *Nyt ei millään ehdi* [Н.А.] ‘Сейчас никак не успеть’ (И я не успею). *Ei sitä ehtinyt nähdä selvästi* [Hotakainen] ‘Невозможно было успеть увидеть это отчётливо (Поэтому я не увидел)’ и т.д. С фазовым глаголом alkaa – ’начинать’: *Hakan, alkaa olla jo kiire* [Krohn 1998] «Хокан, *букв*. ‘начинается спешка’ (пора начинать торопиться, не можем заниматься другими вещами) и т.д.

- Модальные глаголы долженствования

Значения эпистемической модальности, непосредственно подчёркивающие уверенность, могут быть переданы с помощью модальных глаголов, выражающих долженствование. В данных случаях каузатор и агент совпадают в лице говорящего, но источник каузации представляется внешним. Это позволяет говорящему защитить лицо собеседника и своё собственное: *Meidän täytyy nyt mennä kotiin* [Н.А.] ‘Нам нужно сейчас идти домой’; *Minun täytyy varmaan mennä kotiin…. Minun täytyy mennä nyt*….[Hotkainen] ’Мне нужно, наверное, идти домой…..Мне нужно идти сейчас’. В последнем примере мы видим, что, в начале, каузатор, употребляя наречие varmaan - ‘наверное’, несколько смягчает факт необходимости ухода. Через некоторое время он выполняет то же речевое действие безапелляционно.

- Косвенные способы

С такой же целью могут быть использованы косвенные конструкции, в которых причина поведения агента напрямую объясняется внешними обстоятельствами. *Voi kultaseni, tämä menee varmaan myöhään* [Hotakainen] ‘Ох, дорогой, это растянется, наверное, допоздна (Поэтому я вернусь не скоро)’; *Liikaa on vaadittu* [Н.А.] ‘Требования чрезмерны’ (Мы не можем удовлетворить таким требованиям); *Ei ole aikaa istua täällä joka päivä* [Н.А.] ‘Нет времени сидеть здесь каждый день’ (Я не хочу приходить снова); *Mun pitää ottaa toi liha tosta* [Н.А.] ‘Я должна взять это мясо оттуда’ (Поэтому ты должен подвинуться) и т.д.

- Усилительные модификаторы

Другим типом выражения отказа является отказ предоставления информации. Средством смягчения здесь являются средства, указывающие на искренность говорящего. *Minä en oikeastaan tiedä, millaisia ne ovat* [Korhn 2004] ‘Я, на самом деле, не знаю, какие они’; *Minä en edes voi tietää* [Н.А.] ’Я даже не могу знать’; *En oikein tiedä* [Н.А.] ‘Я, собственно, не знаю’ и т.д.

- Конструкции обладания

В бытовой речи возможны более резкие выражения отказа. При этом используются конструкции обладания, несколько смягчающие рестриктивность отказа: *Sinulle ei ole enää hommia tässä talossa* [Hotakainen] ’У Вас больше нет дел в этом доме’; *Mullon on tässä vähän paha hetki* [Kallio] ’У меня сейчас немного неудобный момент’ и т.д. Таким образом, причина отказа словно бы существует сама по себе, и напрямую ни говорящий, ни слушающий не несут за неё ответственность.

Особенности институциональной речи в ситуациях отказа

Отказы представителей института в удовлетворении каких-либо просьб подразумевают высокую импозитивность. Для институциональной речи типичным является использование средств, указывающих не на невозможность, а на некоторую сложность, связанную с выполнением действия в определённый момент и время. Под действием, как правило, имеется в виду возможность предоставления информации. Если дело носит деликатный характер, просящий заинтересован в получении положительного ответа, но отвечающий не может его предоставить, поэтому последний старается всячески уйти от прямого ответа, отложить его, минимизировать значение.

- Безличные конструкции

Katsotaan [Н.А.] ‘Посмотрим’. *On vaikea sanoa nyt* [Н.А.] ‘Сложно сказать сейчас’. *On vähän hankala arvioida nyt* [Н.А.] ‘Немного сложно оценить это сейчас (не могу оценить)’. В прямом

смысле слова речь идёт не об отказе, а о продлении рассмотрения. Подобный косвенный характер отказа призван смягчить разочарование просящего, но вместе с тем предполагается, что последний не будет требовать немедленно точного ответа на свою просьбу.

- Средства выражения минимизации

En nyt satu muistamaan [Н.А.] букв. 'Мне не случится сейчас вспомнить' (Но обычно я помню); *…käyn …kyselemässä vähä ihan pieni hetki* [Kotus] ('не могу ответить, должна спросить') *букв.* 'схожу… поспрашиваю немного, секундочку' (Вам не придётся долго ждать). Средства выражения минимизации указывают на случайный характер того, что служащий не может немедленно предоставить ответ на некий запрос – и в будущем просьба клиента может быть удовлетворена.

- Средства выражения компетенции

В качестве средств компетенции можно рассматривать обороты с модальными глаголами, указывающими на невозможность агента сделать что-то в связи с ограничением его полномочий: *Mä ev voi suoraa antaat tätä paperia mutta…*[Kotus] 'Я не могу прямо так выдать этот документ, но…'; *Nyt en osaa tähän vastata* [Н.А.] 'Сейчас не могу ответить на этот вопрос' и т.д. Обратим внимание также на обстоятельства образа действия и времени, являющиеся смягчающими минимизаторами – словно бы в определённом месте и в определённое время возможно выполнение каузации. Также задействован механизм перенесения реализации на более поздний срок.

- Конкретизирующие обстоятельства

Этими обстоятельствами могут быть ссылки на закон, общепринятые нормы. То есть, отказ от выполнения чего-либо не носит частного характера. Это своего рода конкретизация условий отказа, что позволяет агенту также обнаружить условия и возможности реализации действия, к ним можно отнести обстоятельства образа действия и времени, указанные в предыдущем пункте: *Sitä ei korvvaa yleensä…*[Kotus] 'Это, вообще, не возмещается'; *...välttämättä se ei iha aina onnistu…*[Kotus] '…это не абсолютно всегда обязательно удаётся'; *…valitettavasti se ei näy meillä…*[Kotus] ' …к сожалению, этого у нас (в базе) не видно' и т.д.

Таким образом, мы видим, что для бытовой речи, с более низкой степенью импозитивности, характерно использование средств, ориентированных на внутренние и внешние возможности агента.

Для институциональной речи в большей степени типично перенесение разными способами окончательного ответа на более поздний срок. Причина конкретного отказа

объясняется внешними нормативными факторами. Минимизаторы должны создать впечатление, что не каузатору сложно сделать что-то – а то, что осталось подождать совсем немного до момента, когда каузация будет выполнена. Фреквентативные глаголы kysellä букв. ‘поспрашивать’ и soitella букв. ‘позванивать’, указывают на имперфективный характер действия и снижают степень сложности поставленной каузации – причина отказа никак не связывается напрямую со служащим.

3.2. Репрезентативы с реализацией значений модальности проблемной достоверности

Проблемная достоверность указывает на большую неуверенность говорящего в неком факте. Это может быть связано не столько с сомнением в чём-либо: речь может идти о намеренном желании придать некую неуверенность высказыванию, оставить пространство для мнения слушающего. Этот тип модальности подразумевает высокую степень диалогичности высказываний, являющуюся одним из важных параметров коммуникации на финском языке. Среди значений проблемной достоверности мы выделяем значения возможности, вероятности, сомнительности.

Значения вероятности

Выражение мнения

Значения вероятности могут смягчить мнение говорящего относительно какого-либо положения вещей, в котором он может быть абсолютно уверен на самом деле.

Модальные глаголы позволяют отразить **оценку вероятности** – согласно общепринятому мнению, они являются наиболее употребительным способом выражения данного значения в устной и письменной бытовой и институциональной речи, в отличие от частиц и наречий, которые нашли себе нишу в значениях бытовой речи [Kangasniemi 1992: 147-198].

- Модальный глагол taitaa ‘мочь, быть возможным’

Глагол связан с выражением возможности, основанной на определённых фактах, полученных путём умозаключений [Flint 1980]. С его помощью говорящий, будучи полностью уверенным в чём-то, всё же, из уважения к мнению слушающего, которое может отличаться, снижает степень прямоты: *Sinun miehesi taitaa olla erikoislaatuinen mies* [Oksanen] ‘Твой муж, наверное, особенный мужчина’; *Se taitaa olla palokärki* [Н.М.] ‘Это, должно быть, чёрный

дятел’. Использование этого глагола свидетельствует также об осторожности каузатора, снижающего степень своей ответственности за что-то.

Данный тип высказываний тяготеет к функциональному переосмыслению:

Бытовая речь

-Объяснение своего поведения: *Taidan osata vain yhden Jaakko Tepon kappaleen* [Hotakainen] ‘Наверное, я знаю только одно произведение Яакко Тэпо’ (только его могу исполнить) и т.д.

-Указание на неправоту слушающего: *Sinä et ihan tainnut ymmärtää* [Н.А.] ‘Наверное, ты не совсем поняла’ (Ты совсем не поняла, ты не права) и т.д.

-Отказ в предоставлении информации, продолжении разговора: *Nyt taisi tulla niitä koululaisia sisään, että täytyy varmaan lopetella* [Н.А.] ‘Сейчас, наверное, (используется форма условно-желательного наклонения глагола) войдут эти школьники, так что нужно, наверное, заканчивать’и т.д.

Институциональная речь

Глагол широко распространён в институциональной речи: ”taitaa” выражает высокую степень уверенности каузатора в вероятности чего-то, указывает на наличие у него знаний, понятий, представлений, умений. *Näissä tasoissa taitaa olla alueellista jakaumaa* [Н.А.] ‘Наверное, деление по уровням учитывает как-то территориальные особенности’. В данном случае каузатор полностью уверен в факте пропозиции, и глагол имеет чисто диалогическое значение.

Используя данный глагол, служащий апеллирует к собственной компетенции: *Vastaus taitaa tulla huomenna* [Н.А.] ‘Ответ придёт, наверняка, завтра’; *...no näis on varmaan keskimäärin tällä hetkellä taitaa ollak kolme viikkoo*...[Kotus] ’…ну, в данном случае, вероятно, на данный момент, в среднем, по всей видимости, три недели…’. Говорящий употребляет данный глагол, имея конкретные и веские основания для своих предположений, его наблюдения базируются на логических умозаключениях, с помощью которых делается вывод. Однако полной уверенности быть не может – представитель институционального заведения не хочет ошибиться.

В следующем примере парикмахер не хочет утверждать напрямую, что состояние волос оставляет желать лучшего: *Joo. siulla taitaa just olla sen tyyline hius et tästä ruppee hyvi herkästi katketa* [Kotus] ‘Да, у Вас (*букв.* у тебя), пожалуй, волосы именно такого типа, что в этом месте они очень легко начинают обламываться’ и т.д.

Также как и служащий, клиент употребляет этот глагол, если не желает оказаться неправым: *Taitaa löyttyy ihan tasaraha* [Kotus] ‘Кажется, найдётся, совсем без сдачи’ и т.д.

- Модальные наречия со значением уверенности

Для выражения значений вероятности могут быть использованы модальные наречия, наряду с модальными глаголами и формами условно-желательного наклонения. Модальные наречия со значением уверенности, такие как varmaan ‘вероятно, наверное’, vissiin ‘определённо’, varmasti ‘определённо, наверняка’ и др. (расположены в порядке повышения уверенности, однако, в зависимости от контекста, степень уверенности может варьироваться), несколько занижают достоверность высказывания, так как указывают на наличие вывода, к которому приходит говорящий. Употребление подобных частиц делает высказывания более диалогичными: слушающий может высказать своё согласие или несогласие.

Бытовая речь

En mee sanomaan nyt varmasti sitä [Н.А.] ‘Точно не пойду говорить это сейчас’; *Puolsataa se tulee maksaan per nokka vissii juu* [Hotakainen] ‘Пол сотни на брата это будет стоить, определённо, да’ и т.д.

Институциональная речь

Служащий: *Tätä meidän varmasti nyt pitää tehdä* [Kotus] ‘Этим нам, наверняка, следует сейчас заняться’. *Hänellä ei varmaan ole mitään tietoa* [Kotus] ‘У неё нет, наверное, никаких данных’. *Se varmaan näkyy täältä* [Kotus] ‘Это, вероятно, будет видно здесь’. При этом оттенок сомнения, вносимый данными наречиями, минимален, они близки к значениям модальности достоверности.

Указанные модальные наречия могут использоваться в высказываниях, которые можно расценить как вопросы: *Ja matkoja varmaankin sitten matkoista haette korvausta* [Kotus] ‘И поездки, наверняка, за поездки вы подаёте на компенсацию’; *Ja sull on niissä kansioissa varmasti jotain* [Kotus] ‘И у Вас есть в этих папках, наверняка, что-то’.

Обороты, содержащие данные наречия, имеют большой потенциал вежливости не только потому, что вносят оттенок диалогичности в качестве первой реплики, но в качестве выражения согласия они несут в себе элемент эмпатии: *Varmaankaan ei* [Н.А.] ‘Наверняка нет’; *Ei varmaankaan ollut kiva selitellä* [Н.А.] ’Наверняка, не было приятно объяснять’.

- Модальный глагол pystyä ‘мочь’

Использование данного глагола характерно для значений высокой степени уверенности как в институциональной, таки и бытовой речи: *...täm mukaam me pystytään tekemään se*...[Kotus] ‘…согласно этому, мы сможем сделать это…’, *...sit pystytään tota nii tekeen siitä tammikuisesta se varsinainen päätös koska ne palkat on tuossa*...[Kotus] *букв.*‘…ну, сможем, эээ, принять по январскому (заявлению) принципиальное решение, так как сведения о зарплатах есть там….’. и т.д. Высокая степень достоверности, связанная с использованием данного глагола, базируется на наличии очевидных фактов, позволяющих сделать выводы.

- Условно-желательное наклонение

Условно-желательное наклонение принято считать средством выражения вежливости, благодаря тому, что оно содержит в себе оттенок сомнения, условности. Однако, проведённое исследование показывает, что данное средство употребляется при высокой степени уверенности говорящего в чём-то. Только в силу ряда причин – модальности вежливости он прибегает к хеджингу. Говорящий не хочет навязывать своё мнение (бытовая речь) или он считает, что не вправе навязывать своё мнение, у него недостаточно полномочий, компетенций для этого (институциональная речь). Обобщённо говоря, использование формы условно-желательного наклонения – это маркированное проявление уважения к иной точке зрения, предоставление свободы выбора.

Бытовая речь

mää vaan luulis et se ois tullu siä sunnuntaisesta kylmästä ja siitä seisomisesta [Hotakainen] *букв.* ‘я только подумала бы, что это могло бы быть вызвано тем воскресным холодом и стоянием’; *Ihan kuin joku kirjoittaisi koneella* [Krohn 1998] ‘Совсем как будто кто-то писал бы на машинке’; *Ei siitä olisi mitään hyötyä* [Н.А.] ‘От этого не было бы никакого толку’.

-Отказ: *Mä en nyt jaksais* [Н.А.] ‘Я не смогла бы сейчас’ и т.д.

-Несогласие: *…ei siit pitäis; ei siit pitäis puuttuu mitää*…[Н.А.] ‘…там не должно бы, не должно бы ничего отсутствовать..’ (там всё должно быть на месте) и т.д.

-Прогноз: *Eikä ole toivoakaan että sukupuuton leviäminen hidastuisi, päinvastoin*…[Krohn 1998] ‘Нет даже и надежды, что распространение процесса вымирания могло бы замедлиться, наоборот…’ и т.д.

Условно-желательное наклонение позволяет выразить предложения-предположения, ответственность за достоверность которых говорящий не хочет нести, хотя его уверенность в чём-то практически абсолютна.

Институциональная речь

-Согласие: *kyllä se olis aika hyvä olla siinä* [Н.А.] ‘да, было бы достаточно хорошо быть там’; *se olis yks vaihtoehto* [Kotus] ‘это был бы один вариант’ и т.д.

Форма наклонения может быть использована клиентом институционального заведения, если он хочет, чтобы информация была перепроверена служащим: *…eli se taitais ollam marraskuussa* [Н.А.] ‘…или, это, наверное, было бы в ноябре’. Таким образом, здесь мы также видим определённую долю функции запроса информации.

В институциональной речи использование условно-желательного наклонения связано, как правило, с его употреблением в речевых актах директив различного рода.

- Модальные наречия очевидности

Модальные наречия ilmeisesti – ‘очевидно, несомненно’, todennäköisesti – ‘вероятно, очевидно’ и др. указывают, в отличие от рассмотренных выше наречий уверенности, также на очевидность некоего факта, который позволяет быть уверенным – это эксплицитное обоснование вывода: *Hänellä ei ilmeisesti oli mitään positiivista kerrottavaa* [Н.А.] ‘Очевидно, у него нет ничего позитивного, что можно было бы рассказать’; *…todennäkösesti Anna-Maijakis sej joutuu teiäl lakimiehille antamaa* [Kotus] ‘…по всей видимости, и Анна-Майя будет вынуждена предоставить её Вашим адвокатам’.

- Глаголы, указывающие на отношение каузатора к информации: uskoa ‘предполагать, считать’, ajatella ‘полагать, предполагать’.

Данные глаголы можно считать своеобразными минимизаторами, так как, выражая определённое отношение к некой информации, говорящий ограничивает степень уверенности, которая передаётся слушающему. Обороты смягчают мнение, следующее в основной части высказывания. *Uskon, että vuorovaikutuksemme voi olla molemmin puolin mitä hyödyllisintä* [Hotakainen] ‘Считаю, что наше взаимодействие может быть в высшей степени полезно обеим сторонам’. *Ajattelin, että voisin hieman keskustella paikallisten kanssa* [Н.А.] ‘Я думала, что могла бы немного поговорить с местными’.

Таким образом, с помощью значений модальности вероятности говорящий высказывает высокую уверенность в определённом положении дел – к выводу он пришёл на основании определённых и явных причин, однако, на всякий случай, намечает для себя путь к отступлению.

Мы можем наблюдать гармонию средств модальности в значениях оценки вероятности. Форма условно-желательного наклонения в высказывании может сочетаться со значением модальных глаголов, глаголов полагания, модальных наречий. Вместе они снижают степень уверенности высказывания в большей степени, чем при употреблении по отдельности: *Huomenta tais jäädäs sanomatta…* [Н.А.] ‘И доброе утро, кажется, осталось несказанным…’. *Nekin vissiin kaipaisivat pesua…* Н.А.] ‘И тем требовалась бы, определённо, стирка…’; *En ole selaillut lehteä, mutta uskoisin sen keskittyvän saaliiden tappoon...*[Lehtolainen] ‘Я не пролистывала ещё газету, но считала бы, что он склонен к убийству жертв…’ и т.д.

Значения возможности

Выражение мнения

Значения возможности по степени уверенности в определённом положении дел отличаются от значений вероятности тем, что основываются не на аналитическом выводе каузатора и его наблюдениях, знаниях, и следующих из них выводах, а на его предположении и ощущении. За суждениями стоит меньшая доказательная база.

- Глагол saattaa ‘мочь, быть возможным ‘

Менее распространённым модальным глаголом возможности в устной речи, нежели *taitaa,* является глагол *saattaa.* По мнению А. Флинт [Flint 1980], данный глагол выражает большую степень уверенности, нежели глагол возможности *voida* (50% возможности). По нашему мнению, это связано с тем, что у глагола есть значение периодичности реализации факта пропозиции. Однако степень уверенности *voida* гораздо ниже, чем у глагола *taitaa.* Эпистемическое значение глагола *saattaa* указывает на наличие некоторых обстоятельств, предполагающих определённое развитие событий. К сожалению, данные оттенки раскрываются при употреблении глаголов voida и saattaa, тогда как их словарное значение одинаково «мочь, быть возможным». Перевод на русский может быть затруднителен.

Бытовая речь: *Känny saattaa soida bussissakin* [Н.А.] ‘Мобильник может зазвенеть и в автобусе’; *Saattaa olla, jopa viisi vuotta, parhaassa tapauksessa* [Н.А.] ‘Может быть, даже пять лет, в лучшем случае’; *Saattanut sohvakaluston myydä* [Н.А.] ‘Наверное, он продал мебель’. Этот глагол может использоваться для смягчения ответов: *Aivan. Saattoi olla.* [Н.А.] ‘Точно. Вполне возможно’.

Использование данного глагола характерно для выражения *saattaa olla* ‘может быть’, вероятно, являющегося вводной конструкцией. *Saattaa olla, että vastaus tulee huomenna* [Н.А.] ‘Может быть, ответ придёт завтра’; *Me ollaav varmaan sammaa aikaa oltu koulussa - Saattaa olla…* ‘Мы, наверное, в одно время учились в школе…’ - ‘Возможно’… и т.д.

Как и глагол *taitaa,* глагол *saattaa* широко используется для выражения оценок, когда каузатор уверен в чём-то, однако не хочет нести за это полную ответственность или хочет узнать мнение слушающего.

Институциональная речь: *Eik se oon nii et se valitusprosessi saattaa olla aika pitkä* [Kotus] ‘Процесс обжалования может быть довольно долгим, не так ли’; *Kotona taas on, saattaa olla mahdollisuus saada tätä kotihoidontukea myös sen äitiysloman aikana* [Kotus] ’А, зато дома, может быть, есть возможность получать это пособие по уходу (за ребёнком) дома также во время этого декретного отпуска’.

Если сравнить значения глаголов *taitaa* и *saattaa*, то становится очевидным, что последний содержит больший оттенок сомнения. *Ei taida olla* [Н.А.] ‘По всей видимости,

нет’; *Taidat olla oikeassa* [Н.А.] ‘Наверняка, ты права’; *Syynä siihen saattaa olla se...* [Н.А.] ‘Причиной тому может являться то, что…’ и т.д.

- Глагол voida ‘мочь, быть возможным’

Для выражения возможности широко используется модальный глагол *voida* ‘мочь’. В эпистемическом плане *voida* указывает на наличие некоторого шанса развития событий определённым образом, однако, употребляя его, говорящий сообщает слушающему, что нет достаточных оснований полагать, что факт, указанный в пропозиции, может действительно иметь место. В данном случае источником защиты лица говорящего и слушающего является именно конкретное значение глагола.

Бытовая речь: *He voivat muuttaa oikean käden hansikkaan vasemman käden hansikkaaksi* [Krohn 1998] ‘Они могут перчатку с правой руки сделать перчаткой с левой’. *Voi olla, että Aliideltakin tullaan kyselemään* [Oksanen] ’Может быть, что и у Алииде придут спросить’. *Romaanin voisit kirjoittaa noin hienosta tarinasta* [Oksanen] ‘Роман ты могла бы написать о такой чудесной истории’. Сочетание модального глагола и условно-желательного наклонения, возможностных и вероятностных значений, подчёркивает наличие абстрактной возможности у слушающего написать роман, а не его конкретные психико-физические потенции (по смыслу источника примера, данный речевой акт нельзя рассматривать как предложение к действию).

Весьма распространён этот глагол и в институциональной речи. Интересно, что, как правило, глагол употребляется в сочетании с другими средствами эпистемической модальности (условно-желательным, потенциальным наклонениями, наречиями), усиливающими его возможностное значение. Это может объясняться желанием подчеркнуть невысокую степень вероятности чего-либо, смягчить высказывание. Говорящий высказывает предположение, но своего мнения не навязывает: *Voi se olla et se tuota tullee korvauksem piirii mut*…[Kotus] ‘Может быть, что оно, ну, наверное, и войдёт в число компенсируемых (лекарств), но…’; *Se vois olla ehkä joku keskiarvo..* [Kotus] *букв.* ‘Это могла бы быть, пожалуй, какая-то средняя величина…’; *Tää vois olla vaikee käsitellä että ku on paljon erilaisia tommosia ...* [Kotus] *букв.* ‘Может быть, это (дело) сложно было бы рассмотреть, так как много разных таких (обстоятельств)…’; *Mä käyn tota kyselemässä vähä että mikä siin vois mahdollisesti olla...* [Kotus] ‘Я схожу, ну, немного поспрашиваю, что бы там могло бы, возможно, быть (с оплатой)’… и т.д.

Значительно меньше примеров с потенциальным наклонением: *...mut sen voinee toimittaa* [Kotus] ‘…но его (документ) можно будет, вероятно, отправить’.

- Модальные наречия

Ряд модальных наречий также выражает значение возможности, причём они более употребительны, нежели наречия значения вероятности, например: kai ‘пожалуй, наверное’, ehkä ‘может быть, пожалуй’.

Следующий пример с риторическим вопросом поясняет, что значение частицы не может быть связано с высоким процентом уверенности говорящего в чём-либо: *Mistä minä tiedän, kai se jotain näkee* [Krohn 1998] ‘Откуда я знаю, может быть, он что-то видит’; *Et kai sinä pelkää* [Hotakainen] ‘Ты, наверное, не боишься’; *Ei kai kukaan kirjoita koneella uimarannalla* [Krohn 1998] ‘Наверное, на пляже никто на машинке не пишет’; *Ja kai siellä muutakin on kuin siideriä* [Kallio] ‘И, пожалуй, там есть ещё что-то, кроме сидра’ и т.д.

Значение чуть меньшей уверенности у наречия ehkä ‘пожалуй‘. *Ehkä hän oli oikeassa* [Н.А.] ‘Может быть, он был прав’; *Ehkä se johtuu kahvista* [Н.А.] ‘Может быть, это связано с кофе’; *Ehkäpä tuolle on syytä olla kateellinen* [Krohn 1998] ‘А, пожалуй, есть причина позавидовать этому’ и т.д.

Данные наречия значительно меньше употребляются в институциональной речи, они малофункциональны, кроме предположения не выражают ничего, близкого к каузации: *...niin tuota siihin kae piti tuota näetä laskuja olla* [Kotus] ‘…так что там, наверное,..эээ.. должны быть эти счета’; *Ehkä voi sanoa niinkin* [Н.А.] ‘Пожалуй, можно сказать и так’ и т.д.

- Глаголы, выражающие отношение говорящего к информации

К другим средствам выражения модальности возможности можно отнести глаголы перцептивного восприятия näyttää, tuntua, vaikuttaa ‘казаться, производить впечатление’. *Niin näyttää olevan* [Н.А.] ‘Так, кажется и есть’; *Ehdotus kuulostaa hyvältä* [Н.А.] ‘Предложение звучит хорошо’; *Minusta tuntuu että hän on valmis harkitsemaan yhteistyövaihtoehtoja* [Н.А.] ‘Мне кажется, что он готов обдумать варианты сотрудничества’. *Tuntuupa vaikealta iskeä* [Oksanen] ‘И, кажется, что тяжело ударить’ и т.д.

Могут быть использованы предикативные конструкции со словами, семантика которых связана с процессом восприятия: *Minulla on vähän sellainen tunne, että hänellä saattaa olla teille ehdotus* [Krohn 1998] *букв.* ‘У меня немного такое ощущение, что у неё может быть для Вас предложение’.

В этой же группе можно рассмотреть глагол luulla ‘полагать’. *Näkyykö siltä kartalta Valkeajärvi? - Kyllä minä luulen* [Н.А.] ’Видно ли с этой карты Валкеаярви? - Да, я полагаю’.

Использование подобных оборотов может говорить об очень высокой степени осторожности, которую проявляет говорящий. Это типично для ситуаций с повышенной степенью импозитивности, что свидетельствует об особом отношении к собственному

речеповедению: снижению уровня своей ответственности, но, с другой стороны, щепетильном отношению к значениям компетентности и точности.

- Потенциальное наклонение

Примеров с употреблением потенциального наклонения крайне мало, особенно если речь идёт о немодальных глаголах. Его использование возможно в институциональной речи, но не в бытовой, где оно вытесняется модальными частицами: *...korvaukset tullee sitten tilille...*[Kotus] '…компенсации придут, наверное, потом на счёт…'; *Joo:, elikkä sitte tullee uus käönti…*[Kotus] 'Да…., или далее последует, вероятно, новый визит…'. Его использование характерно как для выражения некой оценки служащим, так и для высказывания сотрудника, обращённого к начальству. *Teiltä lienee tyystin jäänyt huomaamatta, että kilpavarustelu on alkanut uudelleen* [Н.А.] 'Вы, наверное, совсем не обратили внимание, что гонка вооружений начинается вновь'.

Близким к значению условного и возможностного наклонений можно считать вводный оборот jospa 'а если', указывающий на возможность. *Jospa se on myynyt autonsa* [Н.А.] 'А если он продал свой автомобиль' и т.д.

Принцип снижения степени качества

Мы обратили внимание на принцип снижения качества, реализующегося в некоторых репрезентативах финской речи в целом.

Частотно использование частицы "ра" с отрицательным глаголом в значении утверждения. Снижение степени качества реализуется в связи с тем, что нечто положительное утверждается благодаря констатации отсутствия отрицательных сторон, а не присутствия положительных: *Eipä osaa moitiskella* [Н.А.] 'Ну, невозможно (нет достаточно сведений, знаний) упрекнуть (*букв*. упрекать)' – в значении 'Это очень хорошо'. *Eipä taida suomalainen olla huonompi kuin ruotsalainen* [Н.А.] букв. 'Ну, финн, наверное, не хуже шведа' – в значении 'Финн, очевидно, такой же или лучше, чем швед'. *Mikäpä ettei* [Н.А.] 'Почему бы и нет' в значении «можно».

По нашим наблюдениям, конструкции снижения степени качества маркируются именно отрицательным глаголом и частицей. Скромность входит в систему значений, реализующихся при защите собственного лица и лица собеседника.

Мы обнаружили в процессе нашего исследования, что в ряде ситуаций бытовой речи, подразумевающих похвалу, финн обращается именно к подобным конструкциям, подразумевая обратное – речь идёт об определённой степени иронии, хотя за ней стоит, всё-таки внутренняя скромность. Упомянутые речевые акты похвалы нельзя считать конвенционализировавшимися

способами выражения определённых значений, в отличие от выражений снижения степени качества, возможными в бытовой речи: *Ei pahaa* [Н.А.] ‘Неплохо’ (значение *хорошо*); *Ei ole pelkästään moittimista* [Н.А.] *букв.* ‘Можно не только упрекнуть’ в значении *Следует похвалить.*

Употребляются также стандартные формы выражения признания: *Se on hyvää!* [Н.А.] ‘Это хорошо’! *Oikein hyvä!* [Н.А.] ‘Очень хорошо!’ *Hienoa!* [Н.А.] ‘Отлично’. Рассмотрение подобных конструкций не входит в задачу данного исследования, так как подобные оценки относятся к категории субъективной оценочности.

Выражение отношения

Следует отметить проявления служащими аффективного выражения отношения, прежде всего, сочувствия и одобрения. Проявление эмпатии и участия, безусловно, важно для выражения вежливости, особенно при выражении отказов, хотя и не относятся к модальности вежливости – это создание тональности макроречевого акта.

Бытовая речь

Hautaan kissan. - Sehän surullista [Hotakainen] ’Я хороню кошку. – Это, конечно же, грустно’. *Se söi vauvan ruoat. - Se on ikävä kuulla* [Н.А.] ’Она съела еду ребёнка. – Это печально слышать’. *Voi kuule, kun minä en tiedä* [Oksanen] – ’Ох, слушай, я же не знаю’ и т.д.

Институциональная речь

No se on ihan hyvä jos tää soppii tää kurssi [Kotus] ‘Ну, это очень хорошо, если этот курс подойдёт’;. *...niin se ikävä kyllä ei oo korvattava* [Kotus] ’…да, это, к сожалению, не возмещается’; *Valitettavasti en voi ottaa tällä hetkellä enää yksityisasiakkaita* [Kotus] ’К сожалению, не могу сейчас принимать более частных клиентов’ и т.д.

Значения сомнительности

Отдельно следует говорить о ситуациях, в которых говорящий подвергает сильному сомнению полученную информацию, будучи абсолютно неуверенным в возможности факта пропозиции.

- Формы условно-желательного наклонения

Интересно использование условного значения условно-желательного наклонения для выражения значения сомнительности, критики информации, полученной от чужого лица: (об этом Kauppinen 1998: 177-183), например: *Te siis oletatte että olisitte jotakin henkilökohtaisesti* [Hotakainen] ‘Вы, значит, предполагаете, что являетесь, якобы (вместо формы усл.-жел. накл.), чем-то в личном плане’; *Virkailija sano tässä että tiistaina tulis, tulee tilille* [Kotus] ‘Служащий

говорит здесь, что в четверг могло бы (якобы) прийти, придёт на счёт'. *En minä ainakaan ole kuullut, että he olisivat koskaan ottaneet kenenkään sydäntä* [Krohn 2004] 'Я, по крайней мере, не слышала, чтобы они взяли бы когда-нибудь чьё-то сердце' и т.д.

Возможно использование наклонения в значении резкой критики чужих слов в риторических вопросах: *Kuinka se olisi mahdollista?!* [Oksanen] 'Как это было бы возможно?!'; *Mistä Håkan sen olisi saanut?!* [Krohn 1998] 'Откуда Хокан мог бы это получить?'; *Kuka siellä pussailisi!* [Kallio]'Кто мог бы там целоваться!' и т.д.

При этом для выражения полного неприятия информации, получаемой от слушателя, может использоваться просто форма индикатива в риторическом вопросе или отдельные ключевые слова: *Tämäkös heitä innostaa?!* [Н.А.]'А это ли их вдохновит?'; *Kuka muistaa vielä ... venäläiset ja puolalaiset okkultistit?!* [Oksanen] 'Кто ещё помнит … русских и польских оккультистов?' *Että mistä se Helena sellaisia rahoja?!* [Hotakainen] ' А где бы Елена такие деньги (достала)?' *Kuka koskaan on nähnyt sellaista?!* [Н.А.] 'Кто такое когда-либо видел?!' *Minäkö?!* [Н.А.] 'Я ли?!'; *Kuinka!* [Н.А.] 'Как'!

Подобное значение сомнительности в истинности чужих слов может быть передано также с помощью наречия muka 'якобы, будто бы'. Наречие kuulemma 'по слухам' указывает на источник информации. *Hätäkeskuksia karsitaan ja se on muka uudistus* [Н.А.] 'Центры ЧС сокращают и это, якобы, является реформой'. *Siellä on kuulemma laskettelukausi avattu* [Н.А.] 'Там, говорят, открыт горнолыжный сезон'.

Подведём итоги. Мы проследили выражение различных репрезентативов: актов выражения мнения, согласия, несогласия, отказа через значения модальности достоверности, проблемной достоверности.

Указанным речевым актам с использованием средств модальности достоверности в целом свойственна точность и детализация, достигаемая с помощью различных максимизаторов, минимизаторов и конкретизаторов.

Для речевых актов со значениями достоверности характерна фокусировка на определённом аспекте пропозиции: благодаря этому сужается рассматриваемый объект и снижается в какой-то мере категоричность. Средствами фокусировки являются частицы *pa/pas, han/hän* и конкретизирующие модальные наречия. Повышение неформальности речи достигается благодаря использованию частицы *s*, модальным наречиям: *Onpas kuu tänä iltana kovin punainen* [Oksanen] 'И очень же красная этим вечером луна'. Частица *han/hän* вносит особую семантику в высказывание – значения напоминания, контрадикторности и др., и также позволяет избежать в ряде случаев прямоты. Данные частицы *s, han/hän* работают также на создание общего поля деятельности, которое реализуется как общий фонд знаний.

Повышение диалогичности и реализация принципа сотрудничества возможны благодаря наличию большого количества пояснительной информации, вводных оборотов, указывающих на аналитический подход к формированию высказывания: *eli/elikkä*, выражений сочувствия, участия.

Сужение объекта охвата действием может достигаться благодаря использованию минимизаторов, глаголов неперфективного залога. Это принципы защиты лиц слушающего в категорических высказываниях со значением достоверности.

Наиболее импозитивными речевыми актами со значением модальности достоверности являются несогласие и отказ. Для этих случаев характерно в большей степени обращение к вышеуказанным принципам диалогичности, сотрудничества, выводу из дискурса и говорящего, и слушающего. Это достигается благодаря занижению степени некоторого качества: использованию отрицательных вопросов, обобщённо-личных конструкций, создания косвенных речевых актов. Так как, в отличие от согласия, при отказе в большей степени страдает лицо слушающего, здесь мы видим различные способы его защиты: использование модальных глаголов, позволяющих отнести причину отказа к внешним факторам. Наклонение при выражении значений модальности достоверности – индикативное. Обратим внимание, что подавляющее количество случаев отказа выражается именно с помощью индикативного наклонения, а не условно-желательного, так как говорящий хочет отказаться от чего-то наверняка и не предоставляет слушающему возможность помешать этому.

Мы видим, что с помощью значений эпистемической модальности достоверности можно уйти от необходимости напрямую высказывать неприятное для слушающего мнение: *En nyt satu muistamaan* [Н.А.] *букв.* ‘Мне не случится сейчас вспомнить’. С другой стороны, защита лица слушающего всегда подразумевает и защиту лица говорящего.

Значения модальности проблемной достоверности реализуют себя в различных предположениях. Средствами выражения вероятности являются модальный глагол taitaa, формы условно-желательного наклонения, создающие пространство для иного мнения слушающего, модальные наречия уверенности, конкретизирующие действие таким образом, что до конца оно представляется неточным. К значениям сниженной уверенности говорящего можно отнести, например, использование модальных наречий: *Ei kai kukaan kirjoita koneella uimarannalla* [Krohn 1998] ‘Наверное, на пляже никто на машинке не пишет’. Говорящий снимает с себя ответственность за что-то, но эффект вежливости данных конструкций заключается в том, что они содержат некое объяснение того, на чём основано предположение, что защищает также лицо слушающего.

Для выражения значений возможности используются модальные глаголы *saattaa* и *voida*, модальные глаголы перцептивного восприятия, модальные наречия, формы потенциального наклонения направлены на защиту лица каузатора.

Для бытовой речи характерны в большей степени репрезентативы с реализацией значений модальности достоверности, чем для институциональной, в которой преобладают значения проблемной достоверности. Интересно распределение модальных средств: для институциональной речи характерно использование именно модальных глаголов, для бытовой речи – модальных наречий.

Высокая степень употребительности глаголов возможности и вероятности говорит о том, насколько важно для говорящего оценить полноту имеющихся у него сведений перед тем, как вынести своё решение – возрастает важность степени компетенции. Наиболее употребительными из рассмотренных нами глаголов оказались *taitaa* и *saattaa*, которые используются в два раза чаще, чем *voida* при выражении значений проблемной достоверности. Выражая достаточно высокую (*saattaa*) и очень высокую степень (*taitaa)* уверенности, глаголы, тем не менее, оставляют за говорящим право отказаться от своих слов, а слушающему не воспринимать сказанное как безусловную истину. Глаголы позволяют создать эффект диалогичности речи. Говорящий проявляет уважение к представлениям слушающего, которые могут быть отличны от представлений говорящего. Говорящий пытается предвидеть возможное негативное развитие событий или отрицательный ответ – данные средства смягчения предупреждают его.

Говоря об использовании условно-желательного или потенциального наклонений, следует отметить следующее. Употребление потенциального наклонения весьма нехарактерно, возможно лишь в институциональной речи. Условно-желательное наклонение имеет несколько значений: вероятности, эвиденциальности и критики как сомнения в истинности чего-то. *Siitäkös te mitään ymmärtäisitte* [Hotakainen] ‘А в этом-то Вы что понимали бы’. Из модальных глаголов условное наклонение наиболее частотно употребляется с глаголами *taitaa*, также *pitää, voida*. Глагол *saattaa* стоит, как правило, в форме индикатива.

Наклонения вместе с модальными глаголами образуют смысловое ядро речевого акта. При этом форма индикативного наклонения указывает на уверенность говорящего, форма условно-желательного – на желательность определённого положения вещей для говорящего. В институциональной речи это снижение значения компетенции говорящего.

Модальные наречия и частицы приносят больше субъективности в рассматриваемый материал, поддерживая основное семантическое ядро, заложенное синтаксическими средствами: *Ehkä voisit mennä sinne* [Н.А.] ‘Может быть, ты могла бы пойти туда’. Мы видим,

что в данном примере частица ещё больше смягчает значение наклонения – в значении индикатива высказывание превращается в разрешение.

Можно наблюдать гармонию средств модальности, уже достаточно хорошо изученную и потом не представленную широко у нас [Kangasniemi 1992]. В следующем примере мы видим выражение отсутствия необходимости: *Ehkä niille ei tarvitse tehdä mitään* [Н.А.] ‘Пожалуй, с ними не нужно ничего делать’. На значения модальности достоверности могут наслаиваться значения проблемной достоверности, снижая значение уверенности по представленному принципу. Все модальные наречия и частицы могут быть использованы совместно друг с другом в рамках одного значения, при этом они усиливают основное модальное значение. Усиление значений и их смешение приводит к получению косвенных речевых актов, что требует от слушающего ментальной работы. Ответственность за восприятие высказывания зачастую полностью перекладывается на слушающего. Тут можно вспомнить одну финскую поговорку, которую можно применить к финскому дискурсу в целом: *Vastuu on kuulijalla kun keskustelee savolaisen kanssa* [Н.А.]‘При разговоре с жителем Саво ответственность лежит на слушателе’.

Анализ использования средств эпистемической модальности представляется важным также просто с точки зрения изучения средств выражения данного вида модальности, позволяет определить степень уверенности, стоящую за данными средствами, и их применение в аутентичных ситуациях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вежливость – это стратегия построения эффективных взаимоотношений говорящего и слушающего. Средства выражения вежливости являются конвенционализированной частью средств речеупотребления носителя языка; они позволяют судить об особенностях восприятия действительности, об отношении к собеседнику – это важная составляющая менталитета говорящего. Как мы неоднократно отмечали, средства выражения вежливости достаточно хорошо изучены на материалах различных языков. Несмотря на разработанность концепций, позволяющих классифицировать типы выражения вежливости по культурологическим и прагматическим признакам, на материале финской речи системный анализ средств выражения вежливости произведён до сих пор не был. Для полноценного и комплексного описания средств выражения вежливости как принципа коммуникативного поведения необходима методика, и применительно к финскому языку таковой не существует. Отнесение к культурам «негативного» типа [Hakulinen 1989a] не даёт представления о конкретных особенностях финской культуры речи и не может способствовать адекватному употреблению неносителями языка средств и способов её выражения. Современные труды финских лингвистов основываются на конверсационном анализе, позволяющем «смаковать» лишь разрозненные участки бескрайнего дискурсивного поля данной категории. Даже интуитивное осознание того, что может быть «вежливым» и «невежливым» не может гарантировать успех, ведь в разных культурах один и тот же тип поведения воспринимается по-разному.

По нашему мнению, модальность, как категория, отражающая функционирование предикативности таким образом, что обеспечивает представление действия любым, от реального до ирреального, составляет основу принципа использования средств выражения вежливости финского языка. О возможностях функционального переосмысления средств выражения модальности написано достаточно в трудах западных лингвистов [Palmer 2001, Bybee …1991 и других] и основывающихся на них финских исследованиях [Flint 1980, Kangasniemi 1992, Kauppinen 1998 и других].

При этом мы считаем возможным говорить о модальности вежливости как стратегии, подразумевающей использование определённого комплекса средств и являющейся основной для эффективного коммуникативного поведения финна. Данная стратегия отражает реализацию способов построения речевого акта, релевантного с точки зрения вежливости. То есть, модальность вежливости отражает центральную сему вежливости, такие же способы передачи вежливого отношения, как речевой этикет, выражение эмпатии, являются периферийными, дополнительными способами, не влияющими на создание эффекта вежливости – лишь усиливающими его.

Стратегия модальности вежливости является звеном, соединяющим категорию вежливости как коммуникативную задачу и категорию модальности как уровень семантического выражения, покрывающую собой значения центра категории вежливости и вмещающую определённые средства выражения.

Модальность вежливости – коммуникативная стратегия, включающая комплекс функционально переосмысленных средств выражения модальности, направленная на построение эффективного вербального поведения, в основе которого лежит принцип защиты лица собеседника.

Как мы упоминали, аналогичное словосочетание *модальность вежливости* встречается в статье М. Л. Маш «Модальность вежливости и смягчения в русском, английском и испанском языках» и связывается со смягчением, не приобретая терминологического статуса. Но, как мы знаем из исследований категории вежливости, она предполагает конвенциональность средств выражения, что не всегда означает смягчение высказывания.

I. В первой главе нашей диссертации мы подробно описали сущность категорий модальности, вежливости; значения модальности вежливости и особенности её выражения. Помимо средств выражения модальности, имеющих значение возможности и обязательности, к рассматриваемой стратегии мы отнесли также спецификаторы – средства передачи значений возможности и обязательности, центральных средств выражений модальности вежливости. Функция данных спецификаторов-передатчиков – организовать высказывание таким образом, чтобы основные значения модальности реализовались. К ним мы отнесли: выбор между вопросительной или утвердительной формой, категорию выражения лица, средства характеристики действия с точки зрения отрицательности, определённости, результативности.

За основу анализа мы приняли речевой акт, так как именно это речевая единица подразумевает под собой интенциональное, целенаправленное и конвенциональное использование языковых средств. Рассмотрение речевого акта позволяет обратиться к таким важным, с точки зрения данного исследования, параметрам общения, как фактор говорящего и слушающего, их социальным ролям, особенностям протекания коммуникации.

Так как нас интересуют только возможности проявления стратегии модальности вежливости, а не анализ речевых актов в целом, мы обратились к тем подтипам речевых актов, в которых проявление вежливости важно для поддержания межличностных отношений – то есть таким, в которых неконвенциональное выражение речевого акта может быть импозитивно для лица слушающего, а именно - побудительным и репрезентативным. Именно для выражения и понимания принципов вариации построения данных речевых актов особое значение имеет фактор слушающего – основной для реализации принципа вежливости. Мы не обращаемся к застывшим формам, отражающим выражение речевого этикета, так как они не

содержат модального значения и не могут входить в рамки настоящего исследования. Также мы не рассмотрели в настоящей работе выражения экспрессии говорящего как таковые, так как их употребление, по сути, не опирается на принцип вежливости.

Задача побудительных речевых актов – инициирование некоторого вербального или невербального действия, они объединены значением волеизъявления говорящего. В силу того, что состав рассматриваемых единиц в данной работе достаточно разнороден, мы рассматриваем неинформационно-побудительный тип и информационно-побудительный тип директив отдельно – как побуждения к действию и побуждения к выдаче информации (запросы информации).

Репрезентативные речевые акты (репрезентативы) представляют некое положение дел - отражают мнение, оценку говорящего. При этом говорящий берёт на себя ответственность за истинность суждения. Важность анализа репрезентативов сложно переоценить, ведь именно представление определённого положения вещей в некотором ракурсе может затронуть чувства собеседника.

Мы проанализировали отношения говорящего и слушающего. В репрезентативных речевых актах подразумевается, что слушающему, по мнению говорящего, требуется информация, которую говорящий хочет предоставить.

При выражений всех типов каузаций говорящий всегда является также каузатором (в наших примерах), слушающий может быть агентом действия, а может и не являться им. Агентом действия может быть говорящий. Возможны ситуации, когда говорящий и слушающий являются предполагаемыми агентами действия. Агент действия становится переменной, важной для анализа принципов речеупотребления.

Причиной каузации может быть деятельность слушающего или желание говорящего. Заинтересованным в каузации может быть говорящий, а может быть слушающий. Возможен вариант взаимовыгодной деятельности.

Мы разделили параметры, влияющие на выбор средств модальности вежливости, на: определяющие позицию слушающего, определяющие позицию говорящего и на определяющие предмет речи репрезентатива или побудительного речевого акта. К значениям, определяющим позицию говорящего мы относим: отношение (положительное/отрицательное) к какому-либо положению вещей; компетентностную достаточность говорящего для выражения репрезентатива или директивы; уверенность говорящего. К значениям, определяющим позицию слушающего, относятся: отношение (положительное/отрицательное) к какому-либо положению вещей; свобода выбора действий слушающего при получении информации речевого акта; возможности для выполнения каузации, если слушающий – агент действия. Значения, определяющие предмет речи репрезентатива или побудительного речевого акта: деликатность

объекта речи в репрезентативе; степень полноты охвата предмета речи репрезентатива или объекта каузации; трудоёмкость выполнения каузируемого действия; сроки реализации каузации; наличие препятствий для реализации каузации.

Комбинация данных и дискурсивных факторов определяет для говорящего задачу по выбору адекватных языковых средств. К основным дискурсивным значениям мы отнесли роль высказывания в речевой ситуации, институциональный/неинституциональный характер высказывания и роли слушающего и говорящего. Для анализа речевого акта важным является его роль в макроречевом акте: контактоустанавливающий, рутинный, первичный, уточняющий характер.

В нашей диссертации мы провели сравнение между институциональным и бытовым характером общения, нам было важно выделить различия в речеупотреблении примарных и секундарных групп. Мы рассмотрели деловой, административный типы дискурсов, в некоторых ситуациях – педагогический. С точки зрения субординации нас интересуют типы взаимоотношений *клиент-служащий, служащий-служащий и служащий-руководитель*. При анализе мы сделали специальные пометки об этом, если есть специфические различия в построении речевых актов представителями данных групп. Мы пришли к выводу, что речь примарных групп институционального дискурса (служащий-служащий) в целом соответствует речи групп бытовой речи.

Определённые выше параметры анализа мы применили при рассмотрении речевых актов в двух следующих главах, посвящённых изучению практического материала: значения модальности вежливости в побудительных речевых актах и значения модальности вежливости в репрезентативах.

II. Во второй главе мы обратились к рассмотрению побудительных речевых актов, неинформационно-побудительных и информационно-побудительных. Цель первых – каузация невербального действия, вторых – побуждение к выдаче информации. Таким образом, косвенные директивы, имеющие форму вопроса, мы отнесли к неинформационно-побудительным речевым актам. Под информационно-побудительным типом мы подразумевали только запросы определённых сведений.

При рассмотрении директив мы совместили несколько подходов. Мы рассмотрели отдельно императив как прямое выражение побуждения. Отдельно мы проанализировали речевые акты просьб, предложений, рекомендаций, обобщив в них разные варианты выражения побуждения с точки зрения их использования в бытовой речи, институциональном деловом и административном дискурсе. В основе классификации – деление на контактоустанавливающие, первичные, рутинные и уточняющие речевые акты.

Обобщим результаты схематично в следующей таблице:

Таблица 1.

Параметры, определяющие позицию говорящего-каузатора:	**Значения параметров**	**Средства выражения модальности вежливости, используемые говорящим**
Отношение к какому-либо положению вещей	Говорящий – импульс каузации /выгодополучатель	Условно-желательное наклонение
Компетентностная достаточность говорящего для выражения директивы	Снижение компетентностной достаточности	Условно-желательное наклонение, модальные глаголы возможности
Уверенность говорящего	Повышение уверенности говорящего	Использование индикативных форм активного залога, императивные формы
	Снижение уверенности говорящего	Условно-желательное наклонение, использование безличных конструкций
Параметры, определяющие позицию слушающего-агента:	**Значения параметров**	**Средства выражения модальности вежливости, используемые говорящим**

Отношение к какому-либо положению вещей	Слушающий-агент - импульс каузации или выгодополучатель	Использование индикативных форм активного залога, императивные формы
Свобода выбора действий слушающего при получении речевого акта;	Слушающий принимает решение о выполнении каузации	Использование модальных глаголов возможности, глаголов со значением желательности и необходимости, использование вопросительной формы высказывания
Возможности для выполнения каузации	Слушающий имеет возможности для выполнения	Использование индикативного наклонения
	Неизвестно, имеет ли слушающий возможности для выполнения каузации	Использование модальных глаголов, безличных форм
Параметры, определяющие объект каузации	**Значения параметров**	**Средства выражения модальности вежливости, используемые говорящим**
Деликатность объекта каузации	Вопрос крайне деликатный	Условно-желательное наклонение, формы вопроса, использование безличных конструкций и модальных глаголов со значением практической необходимости деонтической модальности
Трудоёмкость выполнения каузируемого действия (в т.ч. связанная со сроками реализации и наличием объективных препятствий)	Действие носит нерутинный характер	Формы условно-желательного наклонения, модальные глаголы возможности, перформативы, использование минимизаторов, партитивных форм, экзистенциальных предложений

Очевидно, что чем больше предоставляется свободы выбора слушающему-агенту, а также чем больше сложностей связано с реализацией каузируемого действия, тем больше средств модальности вежливости используется. Если импульс каузации исходит от агента, или

он является выгодополучателем, тем больше уверенность каузатора в правомочности каузации, и тем меньше средств модальности вежливости он использует.

Мы выделили ряд семантических и дискурсивных параметров, ограничивающих употребление императива.

- Каузатор уверен, что у него есть все полномочия, компетенции и права для использования императива, что может быть связано с нахождением с агентом в примарной группе.
- Агент является выгодополучателем или импульсом каузации, использование императива подготовлено предыдущей ситуацией.
- Действие не представляет сложности для агента

Просьбы бытовой речи и делового дискурса во многом схожи по типам.

Увеличение степени импозитивности происходит в следующем порядке:

1. Вопрос с немодальным глаголом в индикативном наклонении:

Annatko tuon kirjan? [Н.А.] ‘Дашь ту книгу’?

Речь идёт о простом, рутинном действии.

2. Вопрос с модальным глаголом в индикативном наклонении:

Voitko soittaa hänelle ja sanoa....? [Н.А.] ‘Можешь позвонить ему и сказать…?’

Действие усложняется возможным наличием у агента препятствия для совершения действия.

3. Вопрос с немодальным глаголом в условно-желательном наклонении:

Katsoisitko? [Н.А.] ‘Посмотрел бы?’ Задача не является рутинной для агента или может несколько нарушить его планы.

4. Вопрос с модальным глаголом в условно-желательном наклонении:

Ehtisitkö tulla? [Н.А.] ‘Успела бы прийти?’

Каузатор абсолютно неуверен в своём праве каузировать действие.

По мере возрастания импозитивности просьбы усиливаются факторы защиты лица агента, именно это является первостепенной задачей говорящего. Импозитивность может быть связана с трудоёмкостью предмета каузации, особенностями деятельности агента. Различные компоненты и средства работают на реализацию стратегии модальности вежливости: модальные глаголы, безличные конструкции, минимизаторы и др. Частотное использование модальных глаголов говорит о стремлении классифицировать тип возможности, требуемой от агента. Данные средства позволяют представить её как внутреннюю или внешнюю, приобретённую или неприобретённую. Глаголы, указывающие на практическую необходимость, использующиеся, как правило, в безличных конструкциях, выражают деонтическую необходимость: *Tämä pitäisi täyttää* [Kotus] ‘Это следует заполнить’.

Каузации предложений несколько отличаются по типам в зависимости от того, включен ли агент в группу выгодополучателей. В зависимости от желательности действия для агента используются глаголы, указывающие на желательность, на желательность чего-либо для каузатора указывает условно-желательное наклонение. Готовность каузатора предложить свои услуги маркирует утвердительное предложение с глаголом в форме 1 л., форма вопроса предоставляет свободу выбора агенту. При этом вопрос с глаголом в активном залоге указывает на небольшие объекты каузаций: *Otatko toisen oluen?* [Н.А.] ‘Будешь ещё пиво?’. Пассив используется при более сложных каузациях и может выражать: регламентацию, диалогичность, запланированность. *Lähetetään tämä huomenna* [Н.А.] ’Вышлем это завтра’.

В речевом акте рекомендации каузатор является авторитетом: *Teidän kannattaa tehdäs kirjallinen valtakirja* [Kotus] ‘Вам стоит сделать письменную доверенность’. Хотя и здесь мы видим случаи вывода из дискурса, позволяющие представить факт каузации общепринятой нормой.

Многообразие способ выражения неинформационно-побудительных рчеевых актов говорит о том, насколько важно для носителя финского языка поддержание межличностных отношений, защита собственного пространства и свобода выбора агента

Под информационно-побудительными каузациями мы понимаем акт «запроса информации», параллельно употребляя термин «вопрос», имея в виду высказывание, целью которого является получение информации от слушающего. К запросам информации мы относим вопросительные предложения, а также утвердительные по форме и вопросительные по смыслу высказывания и исключаем риторические вопросы. В работе осуществлена следующая классификация запросов информации: собственно-вопросительные, неопределённо-вопросительные, констатирующе-вопросительные.

Мы проанализировали семантико-структурные и дискурсивно-обусловленные средства защиты лица говорящего и слушающего, в основе которых – стратегии деконкретизации и диалогичности, направленные на защиту лица говорящего и слушающего. Средства выражения данных стратегий могут комбинироваться между собой. Используя стратегию деконкретизации, говорящий может не выражать полностью запрос, а предоставить слушающему возможность самостоятельно определить, какой объём информации он считает необходимым для ответа. Повышение диалогичности облегчает процесс взаимопонимания.

Семантико-структурные способы защиты лица говорящего и слушающего:

Направленные в большей степени на защиту лица слушающего:

1. Семантический агент#синтаксический агент
    - Экзистенциальная форма предложения
    - Пассив
2. Замена специальных вопросов общими
3. Снижение определённости предмета речи
    - Неопределённые местоимения
    - Партитив
    - Минимизаторы
    - Глаголы перцептивного восприятия и полагания
4. Обращение к слушающему через форму 3л. ед.ч.

Направленные в большей степени на защиту лица говорящего:

1. Ссылка к нон-фактивности
2. Ссылка к общему фонду знаний
3. Использование значений возможности и долженствования

Дискурсивно-обусловленные способы защиты лица говорящего и слушающего:

1. Использование частицы s
2. Указание на логические связи в диалоге
    - Коннекторы
    - Пояснительные обороты
    - Указание на недостаток собственного знания говорящего

Обобщим результаты схематично в следующей таблице:

Таблица 2.

Параметры, определяющие позицию говорящего	**Значения параметров**	**Средства выражения модальности вежливости, используемые говорящим**
Отношение к положению вещей	Стремление получить согласие от слушающего	Использование частицы han/hän, неопределённо-вопросительные конструкции

Компетентностная достаточность говорящего для выражения вопроса	Снижение компетентностной достаточности каузатора	Условно-желательное наклонение, модальные глаголы
Уверенность говорящего	Повышение уверенности говорящего	Использование индикативных форм активного залога
	Снижение уверенности	Условно-желательное наклонение, использование экзистенциальных
	говорящего в правомочности выражения вопроса	предложений, замена специальных вопросов общими, использование констатирующе-вопросительных конструкций, модальных наречий возможности и вероятности
	Снижение уверенности говорящего в правильности понимания им ситуации – уточнение	Использование частицы han/hän, неопределённо-вопросительной конструкции, пояснительных и уточняющих оборотов
Параметры, определяющие позицию слушающего	**Значения параметров**	**Средства выражения модальности вежливости, используемые говорящим**
Отношение к какому-либо положению вещей;	Возможное нежелание слушающего отвечать	Экзистенциальная форма предложения, использование минимизаторов, партитивной формы, глаголов перцептивного восприятия

Свобода выбора характера ответа	Слушающий принимает решение о характере ответа	Замена специальных вопросов общими, использование констатирующе-вопросительных конструкций
Возможности для предоставления информации	Неизвестно, имеет ли слушающий возможности предоставления информации	Замена специальных вопросов общими, использование минимизаторов
Параметры, определяющие предмет речи	**Значения параметров**	**Средства выражения модальности вежливости, используемые говорящим**
Повышение диалогичности	Говорящий стремится к снижению формальности	Частица s, коннекторы, пояснительная информация

Весьма интересен приём замены специальных вопросов общими, нарушающим грамматические правила построения вопросительных предложений. *Onko siellä millaiset vinkit mukana?* [Н.А.] *букв.* ‘Есть ли там какие-то советы вместе с этим?’.

Дискурсивно-обусловленные параметры и другие средства, создающие эффект диалогичности, направлены на формирование общего поля деятельности говорящего и слушающего. Это происходит за счёт снижения формальности (использование частицы s), констатирующе-вопросительных конструкций, содержащих определённый ответ как основу для построения диалога. Говорящий стремится снизить импозитивность ситуации, которую может создавать вопрос, повышая информативный фон слушающего, уточняя свою позицию и причину возникновения вопроса.

Мы видим реализацию принципа сотрудничества, максим такта, что в т.ч. проявляется в наличии средств снижения категоричности, минимизации факторов, угрожающих лицу, появлению значений возможности, практической необходимости, ирреальности как выражению неуверенности говорящего.

III. В третьей главе диссертации мы проанализировали особенности выражения модальности вежливости в репрезентативах. Эпистемическая модальность отражает мнение говорящего относительно возможности или обязательности некоторого положения

вещей. Мы считаем логичным разделение эпистемической модальности на два подтипа: модальность достоверности и проблемной достоверности. С помощью значений модальности достоверности говорящий указывает на уверенность в истинности чего-либо. Модальность проблемной достоверности отражает неуверенность, сомнение говорящего в истинности пропозиции и представляет наибольший интерес. Значения модальности проблемной достоверности можно разделить на значения вероятности, возможности, сомнительности.

Средства выражения эпистемической модальности позволяют прибегнуть к механизму хеджинга. С помощью стратегий хеджинга можно минимизировать ответственность за сказанное, преуменьшить значение чего-либо - ограничить ситуацию некой областью знаний.

Мы рассматриваем следующие типы репрезентативов: мнение, отказ, согласие и несогласие.

Обобщим некоторые результаты в следующей таблице:

Таблица 3.

Параметры, определяющие позицию говорящего	**Значения параметров**	**Средства выражения модальности вежливости, используемые говорящим**
Отношение к какому-либо положению вещей	Согласие говорящего с некоторым положением вещей	Не требует средств вежливости Средства повышения диалогичности
	Несогласие говорящего с некоторым положением вещей, отказ	Использование модальных глаголов возможности, безличных конструкций
Компетентностная достаточность говорящего для выражения мнения	Снижение компетентностной достаточности говорящего	Условно-желательное наклонение, модальные глаголы со значением вероятности

Уверенность говорящего	Повышение уверенности говорящего	Использование индикативных форм активного залога, максимизаторов, глаголов долженствования, наречий со значением вероятности
	Снижение уверенности говорящего	Условно-желательное наклонение, использование модальных глаголов и наречий со значением возможности и вероятности
Параметры, определяющие позицию слушающего	**Значения параметров**	**Средства выражения модальности вежливости, используемые говорящим**
Отношение к какому-либо положению вещей	Несогласие с говорящим. возможно отличное мнение	Условно-желательное наклонение, использование модальных глаголов и наречий со значением возможности и вероятности
Параметры, определяющие предмет речи	**Значения параметров**	**Средства выражения модальности вежливости, используемые говорящим**
Деликатность предмета речи	Вопрос крайне деликатный	Условно-желательное наклонение, использование обобщённо-личных конструкций и модальных глаголов глаголов и наречий

Указанным речевым актам со значением модальности достоверности в целом свойственна точность, детализация импозитивных моментов, достигаемая с помощью различных модификаторов: максимизаторов и минимизаторов, конкретизаторов. Характерна фокусировка на определённом аспекте пропозиции: благодаря этому сужается рассматриваемый объект и снижается категоричность. Подобная минимизация говорит о представлении возможности некоторого положения вещей актуальным, временным, ограниченным конкретизирующими обстоятельствами. Это делает репрезентативный акт менее импозитивным для слушающего, если последний имеет отличное от говорящего мнение.

Частицы s, han/hän работают также на создание общего поля деятельности, которое в данном случае реализуется как общий фонд знаний. Реализация диалогичности и принципа сотрудничества возможна благодаря наличию большого количества пояснительной информации, вводных оборотов, выражений сочувствия, участия. Повышение неопределённости предмета речи может достигаться благодаря использованию минимизаторов, глаголов неперфективного залога.

Наиболее импозитивными речевыми актами со значением модальности достоверности являются несогласие и отказ. Для этих случаев характерно в большей степени обращение к принципам диалогичности, сотрудничества, выводу из дискурса говорящего и слушающего. Это достигается благодаря занижению степени некоторого качества, использованию безличных конструкций – реализации косвенных речевых актов.

Репрезентативы со значением модальности проблемной достоверности содержат определённую долю сомнения говорящего, который стремится защитить своё лицо, снижая степень уверенности в чём-то, создать пространство для выражения мнения слушающего.

Высокая степень употребительности глаголов возможности и вероятности говорит о том, насколько важно для говорящего оценить полноту имеющихся у него сведений перед тем, как вынести своё решение – возрастает важность его компетенции: *Näissä tasoissa taitaa olla alueellista jakaumaa* [Н.А.] ‘Наверное, деление по уровням учитывает как-то территориальные особенности’.

Употребление потенциального наклонения весьма нехарактерно, возможно лишь в институциональной речи. Условно-желательное наклонение имеет несколько значений: вероятности, эвиденциальности и критики как сомнения в истинности чего-то. Наклонения вместе с модальными глаголами образуют смысловое ядро речевого акта. При этом форма индикативного наклонения указывает на уверенность говорящего, форма условно-желательного – на желательность определённого положения вещей для говорящего, связанную с этим импозитивность: *Ei siitä olisi mitään hyötyä* [Н.А.] ‘От этого не было бы никакого толку’. В институциональной речи условно-желательное наклонение может указывать на снижение значения компетенции каузатора.

Модальные наречия и частицы приносят больше субъективности в рассматриваемый материал, поддерживая основное семантическое ядро, заложенное синтаксическими средствами.

IV. Проанализированные в работе типы речевых актов и способы их выражения позволяют нам сделать следующие обобщения.

1. Возможность и обязательность – это основные значения стратегии модальности вежливости, которые могут быть реализованы с помощью ряда средств, гармонично

сочетающихся друг с другом. Можно говорить о следующих основных стратегиях, позволяющих выразить значения модальности вежливости в разных типах речевых актов и защитить лицо говорящего и слушающего:

а) вывод из дискурса говорящего и слушающего;

б) деконкретизация предмета речи при компетентностной неуверенности говорящего в правомочности речевого акта;

в) дополнительная конкретизация предмета речи речевого акта в случае сложности объекта каузации, отличного мнения слушающего;

г) минимизация сложности каузации;

д) представление обязательного относительным, возможным, желательным;

е) повышение диалогичности;

ж) уважение личного пространства слушающего.

Возможность каузации представляется, в большинстве случаев, как приобретённая, актуальная, но не узуальная; деонтическая, обусловленная внешними факторами, социальными нормами и правилами, может быть, практической необходимостью, но не желанием агента. Указание на внутренние ресурсы агента возможно при направлении к нему запросов, просьб. Говорящий ссылается, как правило, на внешние ситуативные факторы при выражении отказа.

2. Говорящий указывает на источник информации, если он сам не является им. То есть, для финской культуры речи очень важно маркирование верифицируемости и неверифицируемости сведений, определение детерминирующего фактора. Моральные принципы говорящего – предоставление как можно более точной информации, ответственность за свои речевые действия. Данные принципы говорящий соблюдает даже ценой ущерба для собственного лица, используя форму условно-желательного наклонения в значении компетентностной недостаточности. Репрезентативные речевые акты финской речи характеризуют педантизм и самокритичность – говорящий стремится как можно более точно представить информацию, маркировать степень своей уверенности в представляемом факте. Средствами фокусировки и конкретизации здесь могут являться различные минимизаторы.

3. В неимпозитивных случаях мы видим усиление уверенности говорящего. К ним относятся случаи согласия говорящего и слушающего, поле совместной деятельности говорящего и слушающего, ситуации, в которых они обращаются к общему фонду знаний. Средств и способов выражения данных значений немало: пассивные формы, частицы *s, han/hän,* предоставление пояснительной и уточняющей информации. Императив в финском языке используется только в том случае, если речевой акт является ответным импульсом на ранее представленную каузацию, в большинстве случаев агент также является выгодополучателем. За выражением модальности вежливости в финском языке стоят следующие психоглоссы:

диалогичность, нацеленность на сотрудничество. Таким образом, можно сказать, что в финской речи могут реализовываться стратегии позитивной вежливости.

4. В большинстве речевых ситуаций мы видим реализацию средств и способов защиты лица слушающего: использование модальных глаголов, форм вопроса. Значение свободы выбора слушающего находит выражение, в том числе, благодаря использованию общих вопросов, экзистенциальных типов предложений, реализации категорий партитивности и нерезультативности. Для наиболее импозитивных ситуаций характерен принцип вывода из дискурса говорящего и слушающего, это проявляется в использовании различных безличных конструкций. Указанные значения говорят о наличии психоглосс демократичности, уважения к мнению собеседника, скромности. Это характеризует реализацию в финской речи принципов негативной вежливости в рамках, рассмотренных в данном исследовании.

5. Стратегия модальности вежливости позволяет охарактеризовать основные типы речевых актов финского языка – можно сказать, что она лежит в основе коммуникации на финском языке. Мы видим, что различные речевые средства комбинируются для передачи основных средств модальности вежливости – возможности и обязательности. Значения модальности вежливости выражаются с помощью наклонений и модальных глаголов, модальных наречий и частиц. Средства-спецификаторы вносят дополнительные значения. В большинстве случаев их использование связано с позицией слушающего. Стратегия модальности вежливости нацелена на анализ факторов, связанных с собеседником в большей степени, чем на учёт других параметров. Речевые акты, требующие маркирования тем или иным средством выражения модальности вежливости, занимают доминирующие позицию по отношению к тем, где стратегия модальности вежливости имеет нулевое выражение.

В нашей диссертации мы описали средства, способы, значения стратегии модальности вежливости в финской речи. Результаты нашего исследования отражают особенности выражения вежливости и употребления средств выражения модальности, в частности; и могут быть полезны при составлении пособий по культуре финской речи.

Дальнейшие исследования в данной области могут углубить полученные нами выводы. Интересным представлялась бы попытка внедрения конверсационного анализа в метод нашего исследования, она бы могла привести к получению новых сведений в разных областях дискурса – но подобная работа предполагает, прежде всего, описание импозитивных ситуаций, а не классификацию средств выражения их микроречевых актов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алпатов В.М. Категории вежливости в современном японском языке / В.М. Алпатов. – М.: Либроком, 2011 [1973]. – 152 с.
2. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
3. Арутюнова Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. Энциклопедия, 2000. – С. 136–137.
4. Балли Ш.. Общая лингвистика и вопросы французского языка/ Ш. Балли. – М.: Едиториал УРСС, 2001 [1955]. – 416 с.
5. Беляева Е.И. Модальность и прагматические аспекты директивных речевых актов в современном английском языке: автореферат дисс. … д-ра. филол. наук / Беляева Елена Ивановна – М., 1988. –33с.
6. Беляева Е.И. Возможность / Е. И. Беляева // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990. – С. 126-142.
7. Беляева Е.И. Достоверность / Е. И. Беляева // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990. – С. 157-170.
8. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э.Бенвенист. – Изд. 3-е, М.: Эдиториал УРСС, 2009. – 448 с.
9. Бирюлин Л.А., Корди Е.Е. Основные типы модальных значений, выделяемых в лингвистической литературе / Л. А. Бирюлин, Е.Е. Корди // Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. – Л., Наука, 1990. – С. 67-72.
10. Богданов, В.В. Речевое общение: Прагматические и семантические аспекты / В.В.Богданов. – Л.: Ленинградский гос. ун-т, 1990. – 87с.
11. Бондаренко В.Н. Виды модальных значений и их выражение в языке / В. Н. Бондаренко // Научные доклады высшей школы: Филологические науки. – 1979. – №2. – С. 54-61.
12. Бондарко А.В. К анализу категориальных ситуаций в сфере модальности: императивные ситуации / А.В. Бондарко // Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. / Отв. ред. А. В. Бондарко. – Л.: Наука, 1990. – С. 80-90.
13. Бондарко А.В. Вступительные замечания / А.В. Бондарко // Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. / Отв. ред. А. В. Бондарко. – Л.: Наука, 1990. – С. 59-67.
14. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Модальность / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелёв // Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. – М.:Наука, 1992. – С. 109-153.

15. Вежбицка А. Речевые акты/ А. Вежбицка: пер. с английского // Новое в зарубежной лингвистике. /Общ. ред. Е.В. Падучева – Вып. 16. – М.: Прогресс,1985. – С. 251-275.
16. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / В.В. Виноградов // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М.: Наука, 1975. – С.53 -88.
17. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения / Т. Г. Винокур. – М.: Наука, 1993. – 172 с.
18. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
19. Вольф. Е.М. Субъективная модальность и семантика пропозиции / Е.М. Вольф // Логический анализ языка. Избранное 1988-1995 / Ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 2003. – С. 87-102.
20. Германова Н.Н. Повседневное общение и структуры национального менталитета: диалог в русской культуре / Н. Н. Германова // Лингвистические маргиналии. Сб. науч. трудов МГЛУ. – Вып. 432. – М., 1996. – С.105-118.
21. Гордон Д., Лакофф Дж. Постулаты речевого общения / Д. Гордон, Дж. Лакофф: пер. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16. – С. 8-42.
22. Грепл М. О сущности модальности / М. Грепл // Языкознание в Чехословакии. М.: Прогресс, 1978. – С. 277-301.
23. Дейк, ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация/ Т.А. ван Дейк: пер. с англ. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
24. Демьянков В.З. Личность, индивидуальность и субъективность в языке и речи /В. З. Демьянков // «Я», «субъект», «индивид» в парадигмах современного языкознания / Отв. ред. Н. Н. Трошина. – М.: ИНИОН РАН, 1992. – С. 9–34.
25. Ермолаева Л.С. Очерки по сопоставительной грамматике германских языков/ Л. С. Ермолаева. – М.: Высшая школа, 1987. – С. 68-74.
26. Есперсен, О. Философия грамматики / О. Есперсен. – М.: УРСС, 2002. – 404 с.
27. Зеленщиков А.В. Пропозиция и модальность / А. В. Зеленщиков. – М.: Либроком, 2010. – 216 с.
28. Земская Е.А. Категория вежливости в контексте речевых действий / Е. А. Земская // Логический анализ языка. Язык речевых действий/ Отв. ред. Н.Д. Арутюнова и Н.К. Рябцева. – М.: Наука, 1994. – С. 131-137.

29. Земская Е.А. Категория вежливости: общие вопросы и национально-культурная специфика русского языка / Е. А. Земская // Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 573 – 601.
30. Земская Е. А. Ермакова О. П. К построению типологии коммуникативных неудач // Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 602 – 647.
31. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г. А. Золотова. – М.: Наука, 1973. – 350 с.
32. Иванов В.Б. Уровни вежливости в метафарси / В. Б. Иванов // Логический анализ языка. Язык речевых действий. / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова и Н.К. Рябцева. – М., Наука 1994. – С. 137-141.
33. Карасик В.И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. – М.: Ин-т языкознания РАН, Волгоградский пед. ун-т, 1992. – 330 с.
34. Карасик В.И. О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. – Волгоград: Перемена, 2000 (а). – С. 5–20.
35. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 264 с.
36. Карнеги Д. Как завоевать друзей и оказывать влияние на людей / Д. Карнеги. Пер. с англ. – М., 1996. – 352 с.
37. Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология / В. Б. Касевич. – М., 1988. – 309 с.
38. Кастлер, Л. Негативная и позитивная вежливость: различные виды языкового взаимодействия/ Л. Кастлер // Агрессия в языке и речи. Сб. статей / Отв. ред. И.А.Шаров. – М. РГГУ, 2004. – 281 с.
39. Колшанский Г.В. К вопросу о содержании языковой категории модальности / Г. В. Колшанский // Вопросы языкознания. – М.:ИРЯ РАН – № 1. – 1961. – С. 94 - 98.
40. Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке / Г. В. Колшанский – М.: Наука, 1975. – 231 с.
41. Корди Е.Е. Оптативность / Е.Е. Корди // Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. / Отв. ред. А. В. Бондарко. – Л.: Наука, 1990. – С.174-185.
42. Корди Е.Е. Модальные и каузативные глаголы в современном французском языке / Е.Е. Корди. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 168 с.
43. Лайонз Дж. Лингвистическая семантика / Дж. Лайонз. – М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 251-360.

44. Лакофф Дж., Джонсон М.. Метафоры, которыми мы живём / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256с.
45. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций/ Т.В. Ларина. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 507 с.
46. Лотман Ю. М., Успенский Б.А. О семиотическом механизме культуры / Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский // Труды по знаковым системам V. – Уч. зап. ТГУ. – Вып. 284. – Тарту, 1971. – С. 147.
47. Ляпон М.В. Модальность / М. В. Ляпон// Большой энциклопедический словарь. /Гл. ред. Ярцева. – М: Большая Российская энциклопедия, 2000. – С. 303-304.
48. Маш М.Л. Модальность вежливости и смягчения в русском, английском и испанском языках/ М. Л. Маш // Вестник РУДН, Серия «Вопросы образования, языки и специальность».–№1, 2007.– С.36-42.
49. Маслова А.Ю. Коммуникативно-семантическая категория побудительности и ее реализация в сербском и болгарском языках на фоне русского языка. Опыт сопоставительного исследования / А. Ю. Маслова. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2008. – 246 с.
50. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи / И. И. Мещанинов. – Л.:Наука, 1978. – С. 236-241.
51. Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса. От семантических структур к языковым средствам / А. Мустайоки. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 512 с.
52. Нефедов С.Т. Коммуникативная модальность и эпистемические модальные компоненты немецком языке / С. Т. Нефедов. – Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. – 199 с.
53. Остин Дж. Л. Слово как действие / Дж. Остин: пер. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XVII: Теория речевых актов. – М., 1986. – С. 22-129.
54. Падучева Е.В. Теория речевых актов и понятие высказывания / Е. В. Падучева // Высказывание и его соотнесенность с действительностью. – М.: Наука, 2004 [1985]. – С. 19 – 48.
55. Падучева Е.В. Вопросительное предложение и семантика вопроса / Е. В. Падучева // Высказывание и его соотнесенность с действительностью. – М.: Наука, 2004 [1985] – С. 232-246.
56. Падучева Е.В. Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Кэрролла / Е. В. Падучева // Статьи разных лет. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 479-511.

57. Панфилов В.З. Категория модальности и её роль в конструировании структуры предложения и суждения / В.З. Панфилова // Вопросы языкознания. – 1977. – №4. – С. 37-48.
58. Петрова М.А. Типы немодальных значений модальных предикатов (на материале славянских и германских языков): дис. …канд. фил.наук: 10.02.19 [Электронный ресурс] / Петрова Мария Андреевна. – Режим доступа: www.iling-ran.ru/petrova/thesis.pdf. 5.09.13. 246 с.
59. Пешковский А.И. Русский синтаксис в научном освещении / А.И. Пешковский. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 544 с.
60. Постовалова В.К. Картина мира в жизнедеятельности человека / В.К. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 8-70.
61. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике / А.А.Потебня. – Т. IV. – Вып. II. – М., 1977. – 406 с.
62. Раушенбах, Б.В. На пути к целостному рационально-образному мировосприятию / Б. В. Раушенбах// О человеческом в человеке / Под ред. И.Т. Фролова. М.: Политиздат, 1991. – С. 22-40.
63. Розанов В.В. Сочинения / В.В.Розанов. – М.: Советская Россия, 1990. – 592 с.
64. Розина Р.И. Человек и личность в языке / Р. И. Розина // Логический анализ языка. Избранное 1988-1995. / Под ред. Н.Д. Арутюнова. – М., 2003. – С . 369-375.
65. Рябцева Н.К. Ментальный модус: от лексики к грамматике / Н. К. Рябцева // Логический анализ языка. Ментальные действия. / Под ред. Н.Д. Арутюновой и Н.К. Рябцевой. – М., 1993. – С.51-57.
66. Рябцева Н.К. Истинность в субъективно-модальном аспекте / Н. К. Рябцева // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова и Н.К. Рябцева. – М.: Наука, 1995. – С. 139-151.
67. Русская грамматика: научные труды [РГ] / Гл. ред. Н.Ю.Шведова. – Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. – М.: Наука, 2005 [1980]. 1496 с.
68. Серль Дж., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов /Дж. Серль, Д. Вандервекен // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 18. Логический анализ естественного языка. – М.: Прогресс, 1986. – С. 242 – 264.
69. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр: пер. с французского. – М.: Едиториал УРСС, 2004. — 256 с.
70. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке / Б. А. Серебренников.— М.: Либроком, 1988. — С. 5-68.

71. Тер-Минасова С. Язык и межкультурная коммуникация / С. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2008. – С. 624.
72. Томмола Х. Аспектуальность в финском и русском языках / Х. Томмола // Ежегодник Института культурных связей между Финляндией и СССР. –№28. – Хельсинки, 1986.
73. Турунен, Н. Русский характер и коммуникативное поведение в восприятии финнов / Н. Турунен //Русское и финское коммуникативное поведение / Под. ред. И.А. Стернина и др. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет. – Вып 1. – 2010. – С. 25-37.
74. Тюрина С. Ю. Дискурсивные маркеры вежливости в деловом общении [Электронный ресурс]/ С. Ю. Тюрина // Вестник ИГЭУ. – Вып. 1. – 2008. – Режим доступа: http://ispu.ru/files/str._92-95.pdf.
75. Формановская Н. И. Речевой этикет и культура общения / Н. И. Формановская. – М.: Икар, 2005. – 233 с.
76. Храковский В.С. Повелительность / В. С. Храковский // Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990. – С.185 - 243.
77. Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива. Русский императив / В.С. Храковский, А.П. Володин. – М.: УРСС, 2001. – 270 с.
78. Цейтлин. С.Н. Необходимость / С. Н. Цейтлин // Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990. – С. 142-156.
79. Шапиро А.Б. Модальность и предикативность как признаки предложения в современном русском языке / А. Б. Шапиро // Научные доклады Высшей школы. Филологические науки. – М., 1958. – № 4. – С. 20 - 26.
80. Шатуновский И.Б. Коммуникативные типы высказываний, описывающих действительность / И. Б. Шатуновский // Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова и Н.К. Рябцева. – М.: Наука, 1995. – С. 158-165.
81. Шатуновский И.Б. Риторические вопросы как форма агрессивного речевого поведения / И. Б. Шатуновский // Агрессия в языке и речи. Сборник научных статей / Под ред. И. А. Шаронова. – М.: Наука, 2004. – 288 с.
82. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. – Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1987. – 190 с.
83. Швец В.М. Субъективная (эпистемическая) модальность и её выражение в детской речи / В. М. Швец // Семантические категории детской речи. Сборник статей / Отв. ред. С.Н. Цейтлин. – СПб.: «Нестор-История», 2007. – С. 161-180.

84. Ширяев Е. Н. Семантико-синтаксическая структура русского разговорного диалога / Е. Н. Ширяев // Русский язык в научном освещении. – М., 2001. – № 1. – С. 132-147.
85. Шмелева Т.В. Смысловая организация предложения и проблема модальности / Т. В. Шмелева // Актуальные проблемы русского синтаксиса. – М., 1984. – С. 78-100.
86. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – Л.: Наука, 1974. – С. 24-39.
87. Эрвин-Трипп С.М. Язык. Тема. Слушатель. Анализ взаимодействия / С. М. Эрвин-Трипп // Новое в лингвистике. – Вып. VII. – Социолингвистика. – М., 1975. – С. 336-362.
88. Якубинский Л.П. О диалогической речи / Л. П. Якубинский // Избранные работы: Язык и его функционирование. – М., 1986. – С. 17-58.

89. Allardt E., Littunen, Y. Sosiologia / E. Allardt, Y. Littunen. – Porvoo: WSOY, 1972. – 510 p.
90. Auistin J. L. How to do things with Words / J. L. Austin. – Oxford: Oxford University Press, 1962. – 166 p.
91. Bach. K, Harnish, R.M. Linguistic communication and speech acts / K. Harnish, R. M. Harnish. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1979.
92. Bahtin, M.M. Dostojevskin poetiikan ongelmia / M. M. Bahtin. – Helsinki: Orient Express, 1991.
93. Blum-Kulka S., House J., Kasper G. Cross Cultural Pragmatics: Requests and Apologies / S.Blum-Kulka, J. House, G. Kasper // Advances in Discourse Processes. – Vol. 31. – Ablex Pub. Corp., 1989. – 300 p.
94. Bybee J., Perkins R., Pauglica W. The evolution of grammar: Tense, aspect, and modality in the languages of the world / J. Bybee, R. Perkins, W. Pauglica. – Chicago: The Univesity of Chicago press, 1994. – 420 p.
95. Brown P., Levinson S. Universals in language usage. Politeness phenomena / E.N. Goody // Questions and politeness. – Cambridge: Cambridge University Press, 1978. p. 56-311.
96. Brown P., Levinson S. Politeness. Some universals in language / P. Brown, S. Levinson. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 345 p.
97. Chomsky N. Aspects of the Theory of Syntax / N. Chomsky. – Cambridge: MIT Press, 1965. – 251 p.
98. Clyne M. Inter-cultural Communication at Work: Cultural Values in Discourse / M. Clyne. – Cambridge: Cambridge University press, 1994. – 264 p.
99. Fauconnier, G. Mental Spaces: Aspects of meaning construction in natural language / G. Fauconnier // Cambridge: Cambridge University Press. – 1985.
100. Flint, A. Semantic structure in the Finnish lexicon: verbs of possibility and sufficiency / A. Flint. – Helsinki: SKS, 1980. – 220 p.

101. Forsberg, H. Suomen murteiden potentiaali. Muoto ja merkitys / H. Forsberg. – Helsinki: SKS. 1998. – 434 p.

102. Fraser, B. Perspectives on politeness / B. Fraser // Journal of Pragmatics. – Volume 14. – Issue 2. – 1990. P. 219–236.

103. Freed A. The form and function of questions in informal dyadic conversation / A. Freed // Journal of pragmatics. – Volume 21. – 1994. P. 219-242.

104. Givon T. Mind, Code, and Context: Essays in Pragmatics / T. Givon // Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1989. – 476 p.

105. Goffman, E. Interaction Ritual: Essays on face-to-face behavior / E.Goffman. – New York, NY: Doubleday Anchor, 1967. – 270 p.

106. Goffman, E. On Face-Work: an Analysis of Ritual Elements in Social Interaction / E. Gofmann // Communication in Face-to-Face Interaction. Harmondsworth: Penguin, 1972. P. 319–346.

107. Green, G.M. How to get people to do things with words / G. M. Green // Syntax and semantics 3. /ed. by P.Cole, J.L. Morgan. – New York: Academic Press, 1975. – P. 107-141.

108. Grice H. P. Logic and conversation / H. P. Grice // Pragmatics / ed. by S. Davis. – New York, Oxford: Oxford University Press, 1991. – P. 305-315.

109. Hakulinen A., Karlsson F. Nykysuomen lauseoppia / A. Hakulinen, F. Karlsson. – Jyväskylä: SKS., 1979. – 425 p.

110. Hakulinen, A. Keskustelun tutkimisen tavoitteista ja menetelmistä /A. Hakulinen // Kieli 4. Suomalaisen keskustelun keinoja 1, Helsingin yliopiston suomen kielen laitos. – 1989a. – P. 9-72.

111. Hakulinen, A. Keskustelun luonnehtimisesta konteksti- ja funktionaalisten tekijöiden nojalla / A.Hakulinen // Kieli 4. Suomalaisen keskustelun keinoja 1. – Helsingin yliopiston suomen kielen laitos. – 1989b. – P. 98-114.

112. Hakulinen, A. Palauteilmauksista ja partikkelien tarttumisesta / A. Hakulinen // Kieli 4. Suomalaisen keskustelun keinoja 1. – Helsingin yliopiston suomen kielen laitos. – 1989c. – P. 123-128.

113. Hakulinen, A. Aloitusrutiinien kielioppia / A.Hakulinen // Kirjoituksia kolmelta vuosikymmeneltä. – Arto, 2001d. – P. 166-184.

114. Hakulinen, A. Liitepartikkelin han/hän syntaksia ja pragmatiikkaa / A. Hakulinen // Kirjoituksia kolmelta vuosikymmenltä. – Arto, 2001e. – P. 44-90.

115. Hakulinen A., Sorjonen M.-L. Modaaliverbit spontaanissa keskustelussa / A. Hakulinen, M.-L. Sorjonen // Kieli 4. Suomalaisen keskustelun keinoja 1. – Helsingin yliopiston suomen kielen laitos. – 1989. – P. 73–97.

116. Halliday M.A.K. Categories of the Theory of Grammar / M.A.K. Halliday. – WORD 17, 1961. – P. 241-292.
117. Halliday M.A.K. Language structure and language function / M.A.K. Halliday // J. Lyons // New Horizons in linguistics. – Penguin, 1970. – P. 140-156.
118. Heritage, J. Harold Garfinkel ja etnometodologia/ J. Heritage. – Helsinki: Gaudeamus, 1996 [1984].
119. Herlin I. Ehtimisverbien infinitiivivaihtelu / I. Herlin // Elävä kielioppi / Toim. I. Herlin, L. Visapää. – Helsinki: SKS., 2005. P. 99-126.
120. Hintikka, J. Kieli ja mieli. Katsauksia kielifilosofiaan ja merkityksen teoriaan / J. Hintikka. – Helsinki:Otava, 1982.
121. Hofstede, G. Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values / G. Hofstede. – Beverly Hills: CA, 1984. – 327 p.
122. Hymes, D. Language in Culture and Society / D. Hymes. – Harper & Row, 1964. – 764 p.
123. Ingo R. Suomen kieli vieraan silmin / R. Ingo. – Vaasan yliopiston käännösteorian ja ammattikielten tutkijaryhmän julkaisut nro. 26. – Vaasa: Vaasan yliopiston nykysuomen ja kääntämisen laitos., 2000. – 332 p.
124. Itkonen, E. Kieli ja sen tutkimus / E. Itkonen. – Helsinki, 1966. – 427 p.
125. Iso Suomen Kielioppi [ISK]. Большая (описательная) грамматика финского языка / Под ред. Hakulinen A.., Vilkuna M., Korhonen R. Helsinki, 2004. – 1698 p.
126. Jakobson, R. Closing statement: Linguistics and poetics / R. Jakobson // T.A. Sebeok. Style in language. – New York, 1966. – P. 351-377.
127. Kalliokoski J. Kieli, tunteet ja ideologia uutistekstissä. Näkymiä tekstilajin historiaan ja nykyisyyteen / J. Kalliokoski // Teksti ja ideologia. Kieli ja valta julkisessa kielenkäytössä. – № 6. – HY, SKL, 1996. – P. 37-97.
128. Kangasniemi, H. Miten Alma-täti voi? Deonttisen ja dynaamisen modaalisuuden viitekehys / H. Kangasniemi // Virittäjä. – Vol. 91. – № 2. – Kotikielen Seura, 1987. – P. 138–163.
129. Kangasniemi, H. Modal expressions in Finnish / H. Kangasniemi. – Helsinki: SKS, 1992. – 418 p.
130. Kangasniemi H. Suomen kielen evidentiaalit / H. Kangasniemi // Kielitieteellisiä muistoonpanoja. – № 7.– Helsinki SKS, 1994. – P.11-21.
131. Kangasniemi, H. Sana ja maailman hahmottaminen / H. Kangasniemi // Sana, merkitys, maailma: katsaus leksikaalisen semantiikan perusteisiin. – Helsinki: Finn Lectura 1997. – 113 p.
132. Kauppinen, A. Puhekuviot, tilanteen ja rakenteen liitto. Tutkimus kielen omaksumisesta ja suomen konditionaalista / A. Kauppinen. – Helsinki: SKS, 1998. – 278 p.
133. Kiuru, S. Suomen kielen kieltohakuiset verbit / S. Kiuru. – Helsinki: SKS, 1977. – 303 p.

134. Korhonen, T. Tervehdys ja hyvästely / T. Korhonen. – Suomen Antropologinen seura,1996.
135. Koskinen, A. Toiminnan välttämättömyys ja mahdollisuus. Pohjoissaamen modaalisten ilmausten semantiikkaa ja syntaksia / A. Koskinen. – Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1998. – 271 p.
136. Laitinen, L. Pitääkö vai saako – modaaliverbin kaksoissidos / L. Laitinen // Virittäjä – №2 – Kotikielen Seura, 1988. – P. 57–83.
137. Laitinen, L. Välttämättömyys ja persoona. Suomen murteiden nesessiivisten rakenteiden semantiikkaa ja kielioppia. – Helsinki: SKS, 1992. – 293 p.
138. Laitinen, L. Nesessiivirakenne, kieliopillistuminen ja subjektiivisuus / L. Laitinen // Virittäjä – № 2. – Kotikielen Seura, 1997. – P. 337-358.
139. Laitinen, L. Nollapersoona / L. Laitinen // Virittäjä – № 3 – Kotikielen Seura, 1995 – P. 321-336.
140. Lakoff, R. The logic of politeness; or, minding your p's and q's / R. Lakoff // Papers from the ninth regional meeting of the Chicago Linguistic Society Chicago. – Chicago Linguistic Society, 1973. – P. 292–305.
141. Lampinen, A. Suomen kielen kohteliaisuusstrategiat / A. Lampinen // Sananjalka – №32, – 1990 – P. 77- 92.
142. Lappalainen, H. Vaihteleva kieli / H. Lappalainen // Kieltä kohti. – Keuruu: Otava, 2008. – P. 66-86.
143. Lappalainen, H. Raevaara L. Kieli kioskilla. Tutkimuksia kioskiasioinnin rutiineista / H. Lappalainen, L. Raevaara. – Helsinki: SKS, 2009. – 322 p.
144. Larjavaara, M. Pragmasemantiikka / M. Larjavaara. – Helsinki: SKS, 2007 – P. 208-544.
145. Larjavaara, M. Kohti lausuman koko merkitystä / M. Larjavaara // Kieltä kohti. – Keuruu: Otava, 2008. – P.164 -190.
146. Larjavaara M. Kieli, kohteliaisuus ja puhuttelu / M. Larjavaara //Kielikello – №2 – 1999. – P. 77-92.
147. Lehtinen, E. Episteemisyys, yksilö ja yhteisö. Eräiden modaali-ilmausten pragmatiikkaa / E. Lehtinen // Virittäjä – №2 – 1997. – P. 233-250.
148. Lehtinen, E. Miten Kelassa asioidaan? / E. Lehtinen. – Virittäjä – №2 – 2007. P. 309-314.
149. Leech G.N. Principles of pragmatics / G. N. Leech. – London, New York: Longman, 1983. – 250 p.
150. Leiwo, M., Luukka M.-R., Nikula T. Puhuttelut ja kohteliaisuus / M. Leiwo, M.-R. Luukka, T. Nikula // Pragmatiikan ja retoriikan perusteita. – Jyväskylän yliopisto, 1992. – P. 56-62.
151. Leino, P. Kieli ja maailman hahmottaminen / P. Leino // Kieli, kertomus, kulttuuri/ Tommi Hoikkala. – Helsinki: Gaudeamus, 1987.

152. Luoto, R. Tapakulttuuria meillä ja muualla / R. Luoto. – Tampere: vastapaino, 1996. – 64 p.
153. Lyons J. Semantics / J. Lyons. – Cambridge, New York: Cambridge university press, 1977. – 897 p.
154. Markkanen R. Cross-language studies in pragmatics/ R. Markkanen. – №11 – University of Jyväskylä, 1985.
155. Matihaldi, H.-L. Nykysuomen modukset I. Kvalitatiivinen analyysi / H.-L. Matihaldi. – Acta Universitatis Oulunsis b: 7, Oulu, 1979a.
156. Matihaldi, H.-L. Nykysuomen modukset II. Kvantitatiivinen analyysi / H.-L. Matihaldi – Acta Universitatis Oulunsis b: 7, Oulu, 1979b.
157. Muikku-Werner P. Impositivisuus ja kielellinen variaatio. Julkisten keskustelujen käskyt ja kysymykset kielenopetuksen näkökulmasta / P. Muikku-Werner. – Joensuu, 1993. – 370 p.
158. Muikku-Werner P. ”Jättä minut rauhaan, hävi heti". Suomalaisten ja suomenoppijoiden pyynnöt ja anteeksipyynnöt / P. Muikku-Werner. – Jyväskylä, 1997. – 180 p.
159. Nirvi R.E. Passiivimuotojen aktiivistumisesta / R. E. Nirvi. – Suomi 104. – SKS. Helsinki, 1947. – 47 p.
160. Palmer F.R. Mood and modality / F. R. Palmer. – Cambridge textbooks in linguistics, 2001 – 236 p.
161. Paunonen, H. Kieli ja variaatio / H. Paunonen //K. Sajavaara. Soveltava kielitiede. – Gaudeamus, 1980. – P. 36-54.
162. Penttilä Aarni. Suomen kielioppi / A. Penttilä. – Helsinki, 1963. – 692 p.
163. Perkins, M. R. Modal expressions in English / M. R. Perkins. – London: Ablex Publishing Corporation, 1983. – 186 p.
164. Peräkylä, A. Vuorovaikutus, valta ja instituutiot / A. Peräkylä. – Sosiologia. – №33. – Nro 2. – 1996. – P. 89-102.
165. Peräkylä, A. Institutionaalinen keskustelu / A. Peräkylä // L. Tainio. Johdatus keskustelunanalyysiin. – Tampere: Vastapaino, 1997. – P. 177-203.
166. Peräkylä A., Eskola K., Sorjonen M.-L. Keskustelu lääkärin vastaanotolla // M.-L. Sorjonen, A. Peräkylä, K. Eskola. – Tampere: Vastapaino, 2001. – P. 7-26.
167. Peterson E. Social appropriateness and language variation. A study of Finnish requests / E. Peterson. – Painamaton väitöskirja. Department of linguistics, Indiana University, 2004. – 514 p.
168. Raevaara L. Vierusparit – esimerkkinä kysymys ja vastaus / L. Raevaara // Liisa Tainio. Keskusteluanalyysin perusteet. Tampere: Vastapaino, 1998 – P.75-92.
169. Raevaara L. Kohteliaisuuttako vain? S-partikkeli virkailijoiden hakukysymyksissä / L. Raevaara //Arjen asiointia. Keskusteluja Klan tiskin äärellä / Под ред. M.L.Sorjonen, L. Raevaara. – Helsinki: SKS, 2006. – P.117-143.

170. Raevaara L. Kysymykset virkailijan työkaluna / L. Raevaara // Arjen asiointia. Keskusteluja Klan tiskin äärellä/ Отв. ред. M.L.Sorjonen, L. Raevaara. – Helsinki: SKS, 2006. – P.86-117.
171. Raevaara L., Lappalainen H. Mä otan tän. Käynnin syyn esittämisen tavat kioskilla / L. Raevaara, H. Lappalainen // Kieli kioskilla. – Helsinki: SKS, 2009. – P. 90-119.
172. Sadeniemi, M. Teitittelyn taustaa / M. Sadeniemi // Virittäjä. – №78. – Kotikielen Seura, 1968. – P. 224–226.
173. Searle, J. R. Speech Acts / J. R. Searle. – London: Cambridge University Press, 1970. – 428 p.
174. Setälä, E. N. Suomen kielen lauseoppi / E. N. Setälä. – Kolmas painos. Helsinki, 1891.
175. Seppänen, E.-L. Henkilöön viittaaminen puhetilanteessa / E.-L. Seppänen. – Kieli 4. – Suomalaisen keskustelun keinoja 1 s. – Helsingin yliopiston suomen kielen laitos, 1989. – 195-222.
176. Siro P. Suomen kielen lauseoppi / P. Siro. – Tietosanakirja Oy, Helsinki. 1964.
177. Siro P. Voimisen ja kelpaamisen verbit syntaksin ongelmana / P. Siro // Lauseopin periaatteita. / Pentti Leino. – Helsingin yliopiston suomen kielen laitos. – Helsinki, 1996. – P. 121-153.
178. Shore, S. Onko suomessa passiivia? / S. Shore. – Helsinki: SKS, 1986. – 95 p.
179. Sorjonen M.-L.. Kelasta R-kioskiin. Maallikko ja ammattilainen asiointitilanteissa. Lääkärin ohjeet / M.-L. Sorjonen // Marja-Leena Sorjonen, Anssi Peräkylä ja Kari Eskola. Keskustelu lääkärin vastaanotolla. – Tampere: Vastapaino, 2001a. – 312 p.
180. Sorjonen, M.-L. Responding in conversation: A study of response particles in Finnish / M.-L. Sorjonen. – Amsterdam: John Benjamins, 2001 b. – 330 p.
181. Sorjonen M.-L., Raevaara L. Arjen asiointia. Keskusteluja Kelan tiskin äärellä / M.-L. Sorjonen, L. Raevaara. – Helsinki: SKS, Tietolipas 210, 2006. – 320 p.
182. Tainio L. Keskusteluanalyysin perusteet / L. Tainio. – Tampere: Vastapaino, 1997. – 240p.
183. Tanner, J. Rakenne, tilanne ja kohteliaisuus: Pyynnöt S2-oppikirjoissa ja autenttisissa keskusteluissa [Электронный ресурс] / Johanna Tanner. Doctoral dissertation (monograph) – 2012. – Режим доступа. – URN:ISBN:978-952-10-7903-0. – http://hdl.handle.net/10138/32474. (Дата последнего обращения: 5.09.2013)
184. Tiililä U. Kerta kiellon päälle. Kieltäytymisen monet merkitykset / U. Tiililä // Kielikello. – №2. – 1999. – P. 20-21.
185. Tiittula L. Puhuva kieli: Suullisen viestinnän erityispiirteitä / L. Tiittula. – Kirjapaino, 1992. – 156 p.
186. Turunen A., Partanen M. Ulkokultaisen käytöksen kirja eli eurooppalaisten tapojen tarina / A. Turunen, M. Partanen. – Vammala, 1995. – 186 p.
187. Yli-Vakkuri V. Suomen kieliopillisten muotojen toissijainen käyttö / V. Yli-Vakkuri. – Turku: University of Turku, 1986. – 327 p.

188. Vilkki L. Episteeminen modaalisuus semanttisena ilmiönä / L. Vilkki. – Yleisen kielitieteen tutkielma. – Helsingin yliopisto, 1991.
189. Vilkuna, M. Suomen lauseopin perusteet/M. Vilkuna. – Helsinki: Edita, 2003. – 348 p.
190. Voloshinov, V. Kielen dialogisuus / V. Voloshinov. – Tampere: Tampereen vastapaino, 1990.
191. Watts R. J. Politeness / R. J. Watts. – Cambridge University Press, 2003. – 318 p.
192. Wierzbicka A. Different cultures, different languages, different speesh acts/ A. Wierzbicka. – Journal of Pragmatics. – № 9. – 1985. – P. 145-178.
193. Wiik, K. Suomen konditionaalin merkityksistä / K. Wiik. – Kielitieteellisiä lastuja 1. – Turku: Suomen kielitieteellin yhdistys r.y., 1981. – 86 p.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Hotakainen, K. Ihmisen osa / K. Hotakainen. – Helsinki: Siltala, 2009. – 276 p.
2. Härkönen, A.-L. Juhannusvieras / A.-L. Härkönen. – Helsinki: Otava, 2006. – 255 p.
3. Kallio, K. Kuutamolla / K. Kallio. – Otava, 2000. – 271 p.
4. Krohn, L. Pereat mundus: Romaani, eräänlainen / L. Krohn. – Porvoo-Helsinki-Juva: WSOY, 1998. – 329 s.
5. Krohn, L. Unelmakuolema / L. Krohn. – Helsinki: Teos, 2004. – 216 p.
6. Lehtolainen, L. Hilja, Henkivartija. Trilogia / L. Lehtolainen. – Helsinki: Tammi, 2012. – 866 p.
7. Oksanen, S. Puhdistus / S. Oksanen. – Silberfeldt, 2008. – 390 p.

Корпус институциональных текстов Kotus – Kotimaisten kielten keskuksen asiointikeskusteluaineisto. Использование корпуса осуществлено по специальному разрешению, запрещающему свободную публикацию материалов и полных ссылок.

Адрес: Kotimaisten kielten keskus, Vuorikatu 24, 00100 Helsinki. www.kotus.fi